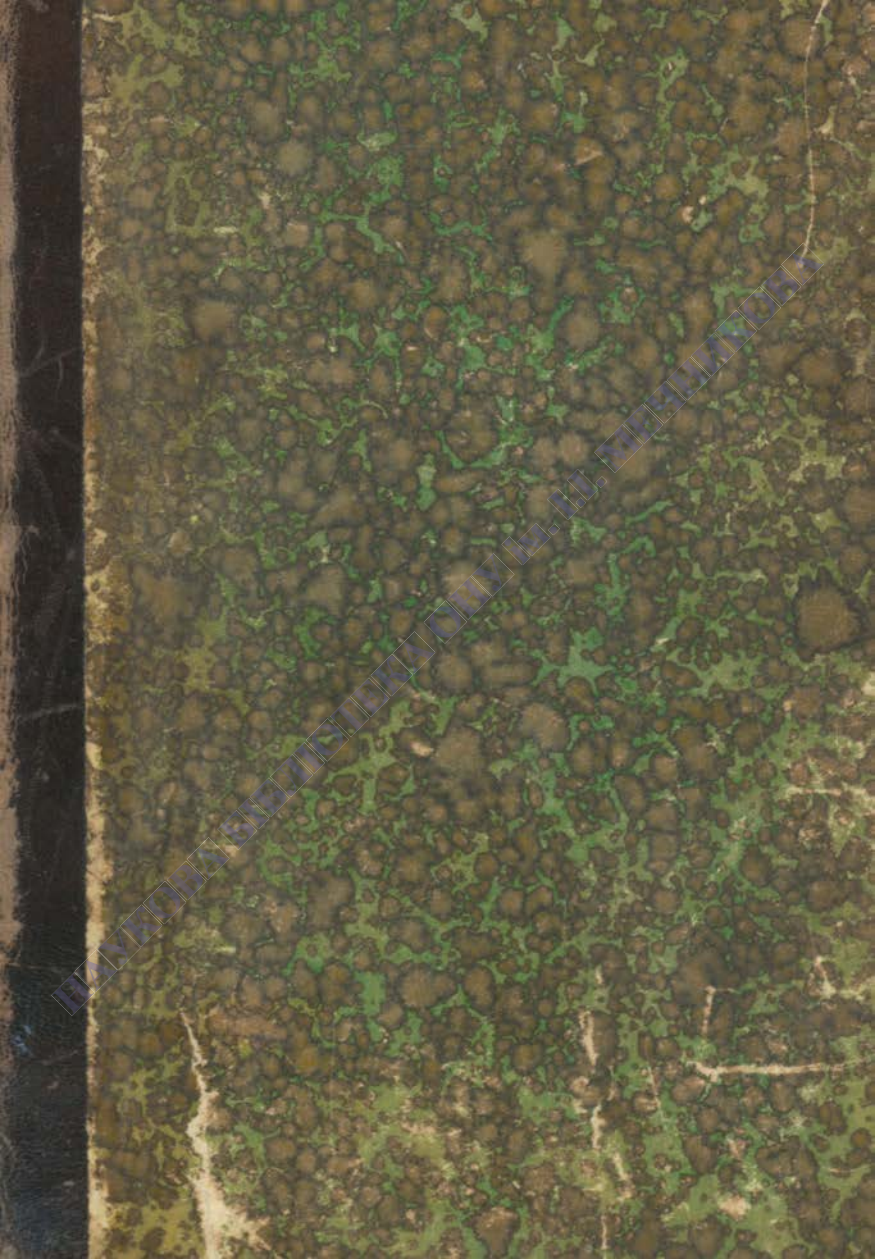

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Л. І. Шевченко.

К О Б З А Р Ъ.

Въ переводъ русскихъ писателей:

Н. В. Берга, И. А. Бунина, И. А. Бѣлоусова, О. Т. Гаврилова, Н. В. Гербеля, В. А. Гиляровскаго, Е. П. Гославскаго, Н. Н. Голованова, С. Д. Дрожжина, В. В. Крестовскаго, П. М. Ковалевскаго, А. А. Коринфскаго, Л. А. Мея, М. И. Михайлова, С. А. Мусина-Пушкина, А. А. Монастырскаго, А. Н. Плещеева, Н. Л. Пущкарева, И. Д. Радіонова, И. З. Сурикова, П. А. Тулуба, А. Шкаффа и др.

Редакція Ив. Ал. Бѣлоусова.

Изданіе второе, значительно дополненное и исправленное.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И БІОГРАФІЕЙ, СОСТАВЛЕННОЙ ИВ. АЛ. БѢЛОУСОВЫМЪ.

30
763.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

30
763

М. Я. Шевченко.

К О Б ЗА Р Ь.

К

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

25 февраля 1814 года, въ селѣ Моринцахъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, у крѣпостного крестьянина помѣщика Энгельгардта, Григорія Шевченка, родился сынъ Тарасъ,—будущій знаменитый украинскій поэтъ. Тарасъ былъ третьимъ ребенкомъ у Григорія:—первымъ былъ сынъ Никита, а вторымъ—дочь Катерина. Вскорѣ послѣ рожденія Тараса отецъ переселился на жительство въ с. Кирилівку, того же уѣзда, гдѣ и протекли первые младенческіе годы будущаго поэта; на этомъ основаніи Т. Г.—чѣ въ своей извѣстной автобіографіи, написанной по просьбѣ редактора журнала „Народное Чтеніе“ А. А. Оболенскаго, —Кирилівку называетъ своей родиной.

Какъ прошло дѣтство Т. Г.—ча, объ этомъ мы находимъ описаніе въ одномъ изъ его сочиненій на великорусскомъ языкѣ. Вотъ какъ онъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ:

„Передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышей и чернымъ „дымаремъ“, а около хаты „на причилку“, яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной ныньки. А у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою „клуня“ (хлѣбный сарай), а за „клунею“ по косогору пойдетъ уже садъ, а за садомъ—„левада“ (сѣнокосъ),—а за „левадою“—долина, а въ долину тихій, едва журчащій, ручеекъ, уставленный вербами и калиною, окутан-

ный широколиственными, темнозелеными лопухами. А въ этомъ ручейкѣ купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ; выкупавшись, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ, падаетъ подъ первую грушею и засыпаетъ... Проснувшись онъ смотритъ на противоположную гору и думаетъ: а что же тамъ, за горою?.. Тамъ должны быть желѣзные столбы, что поддерживаютъ небо!..“

И пошелъ этотъ бѣлокурый мальчуганъ (не кто иной какъ авторъ разсказа, Т. Г—чъ), къ желѣзнымъ столбамъ, долго шелъ, до самой ночи, и пришелъ, самъ не зная куда; къ счастью попались ему чумаки и довели его до дому. „Когда я пришелъ домой, то старшая сестра (продолжаетъ разсказъ Шевченко) подбѣжала ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ „вечерять“ (ужинать), сказавши: „сидай вечерять, прибуду“.—Повечерявши, сестра повела меня спать, уложила въ постель, перекрестила и поцѣловала“...

Эти воспоминанія относятся къ 5—6 лѣтнему возрасту поэта. Какъ видно, здѣсь Т. Г—чъ съ большою любовью вспоминаетъ о сестрѣ и ни слова не говоритъ о матери. Какъ объяснить это обстоятельство? По нашему очень просто: мать, „вѣковѣчная работница“, батрачка для своей семьи не могла заниматься съ дѣтьми, которыхъ у нея послѣ Тараса было еще двое—Ирина и Осипъ. Дѣти были предоставлены сами себѣ: старшія сестры исполняли роль нянекъ для младшихъ братьевъ.

Въ 1823 г. умерла мать Шевченка; съ этого года въ жизни маленькаго Тараса произошла большая перемѣна: беззаботное дѣтство кончилось, началась жизнь, полная лишений, невзгодъ и несчастій, не покидавшихъ поэта до самыхъ послѣднихъ дней его жизни.

Отецъ Шевченка, у котораго на рукахъ осталось 5 человѣкъ дѣтей, никакъ не могъ вести хозяйство безъ женщины и вскорѣ послѣ смерти своей первой жены женился во второй разъ на вдовѣ съ дѣтьми. Пошли раздоры;—мачеха возненавидѣла Тараса за враждебное отношеніе его къ

ей дѣтямъ, за скрытность и упрямство, но отецъ не переставалъ заботиться о сиротахъ, оставшихся безъ родной матери: не желая, чтобы дѣти его были безграмотными, Григорій Шевченко отдалъ маленькаго Тараса учиться къ мѣщанину Губскому.

Грамота далась мальчику сразу, но успѣхамъ въ обученіи мѣшали нескончаемыя шалости и проказы свободолюбиваго ребенка. Къ тому же это ученіе прервалось, благодаря горестному обстоятельству: умеръ Григорій Шевченко, когда сыну его Тарасу минуло только 11 лѣтъ. Умирая, Григорій Шевченко оставлялъ своихъ дѣтей отъ 1-й жены круглыми сиротами и вотъ ему хотѣлось чѣмъ-нибудь ихъ обезпечить; когда, при раздѣлѣ „крестьянской худобы“, дошла очередь до Тараса, Григорій сказалъ: „сыну Тарасу изъ моего хозяйства ничего не нужно; онъ не будетъ какимъ-нибудь человѣкомъ: изъ него выйдетъ или что-нибудь очень хорошее, или большой негодай“...

Послѣ смерти мужа мачеха, чтобы избавиться отъ лишняго рта въ домѣ, чтобы не видѣть надоедливаго ребенка, постаралась сбыть Тараса изъ дома: она нашла ему занятіе,—пасти свиней и телятъ кириловскихъ крестьянъ. Съ ломтемъ чернаго хлѣба за пазухой, съ кнутомъ въ рукахъ, мальчикъ цѣлые дни проводилъ на пастбищѣ, въ степи, гдѣ только одни „могилы“—курганы „стоятъ и сумуютъ“. Тарасъ любилъ эти безмолвныя „могилы“;—ляжетъ на траву, подпретъ голову ручонками и смотритъ долго, долго въ синюю даль.. Кто знаетъ,—можетъ быть эти родныя картины привольныхъ степей такъ рѣзко запечатлѣлись въ дѣтскомъ мозгу, что потомъ вылились наружу, вылились въ чудныхъ стихахъ въ періодъ творческой дѣятельности поэта...

Но вотъ наступила зима;—Тарасъ остался опять безъ дѣла, опять мачехѣ надо было думать, что дѣлать съ ненавистнымъ пасынкомъ; чтобы выжить его изъ дома, она отдала его въ ученіе къ дьячку Бугорскому, гдѣ Тарасъ снова засѣлъ за Часословъ и Псалтирь; потомъ онъ перешелъ къ священнику Нестеровскому, гдѣ научился писать... Что

за преподаватель былъ Бугорскій, можно судить по тому, что самъ поэтъ писалъ впоследствии въ своихъ воспоминаніяхъ: „Мое дѣтское сердце было оскорблено этимъ несчастіемъ деспотическихъ семинарій миллионъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди—мestью и бѣгствомъ.“

„Найдя его однажды безчувственно пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе—розги и, насколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за все жестокости“...

Сначала Шевченко скрывался въ садахъ, куда сестры носили ему пищу; потомъ Тарасъ бѣжалъ въ м. Лисянку къ дякону, который занимался „малярнымъ искусствомъ“, т. е. былъ живописецъ. Страсть къ рисованію уже въ это время у Шевченка пробудилась; но только 4 дня могъ выдержать Тарасъ у дякона-„художника“, не отличавшагося ничѣмъ въ приемахъ преподаванія отъ прежнихъ учителей. Сначала Шевченко направился въ Стебловъ (Каневского у.), а потомъ въ Тарасовку къ дячку-„хиромантику“, но этотъ послѣдній наставникъ нашелъ будущаго поэта ни къ чему не способнымъ и удалилъ отъ себя.

Куда было двинуться бѣднягѣ-сиротѣ? Онъ вернулся въ родное село;—больше, кажется, некуда было идти? Онъ рѣшилъ опять приняться за прежнюю работу—пасту свиней и телятъ.

Старшій братъ Шевченка, Никита, хотѣлъ было приучить Тараса къ хозяйству, но подвижная натура Тараса была не сродни этому упорному и постоянному труду,—и онъ опять покинулъ родное село и поселился въ селеніи Хлѣбовскомъ, славящемся „малярами“. Одинъ изъ хлѣбовскихъ „маларовъ“ продержалъ его двѣ недѣли, а больше держать не рѣшился: у крѣпостного мальчика не было отпускного свидѣтельства. За этимъ-то свидѣтельствомъ и посовѣтовалъ „маларь-хозяинъ“ Тарасу сходить къ управляющему имѣніями Ангелъгардта—Димитренко; къ нему и отправился Шевченко; но управляющій, вмѣсто того, чтобы дать ему

разрѣшеніе на жительство въ Хлѣбовскомъ, замѣтивъ расторопность 15-ти-лѣтняго юноши, оставилъ его у себя въ числѣ дворовой челяди. Это случилось въ 1829 году, а какъ разъ въ это время Ангелъгардту потребовались разные дворовые люди, которыхъ онъ и приказалъ управляющему набрать изъ своихъ крѣпостныхъ. Димитренко собралъ до дюжины мальчиковъ, въ число которыхъ попалъ и Шевченко; передъ отправленіемъ ихъ къ барину въ Вильно, управляющій сначала развѣстивъ ихъ у себя на разные должности въ видѣ испытанія, Шевченко попалъ въ поваренки и сталъ помогать главному повару; на его обязанности лежало носить дрова, чистить кастрюли, выносить помои. Но страсть къ рисованію не покидала Шевченка и среди этой работы: въ глухомъ уголкѣ сада онъ устроилъ нѣчто въ родѣ картинной галлерей,—развѣсивъ по сучкамъ картинки,—и въ свободную минутку уходилъ туда списывать съ нихъ карандашомъ коніи. Если отсутствіе „художника“ замѣчалось главнымъ поваромъ, то „художникъ“ получалъ неизбежную дерку.

Послѣ испытанія дворовыхъ, Димитренко отправилъ ихъ въ Вильно съ поименнымъ спискомъ, въ которомъ значились способности и качества каждаго. Будущій поэтъ былъ отмѣченъ—„годнымъ для комнатнаго живописца“.

Однако на этотъ аттестатъ въ Вильно не обратили вниманія, и Шевченко сдѣлали „комнатнымъ казачкомъ“, занятіе которыхъ состояло въ постоянномъ пребываніи въ переднихъ, въ подаваніи трубки и проч. Но и здѣсь художникъ вырвался наружу: Шевченко срисовывалъ все, какъ только находилъ время и мѣсто.

Баринъ въ это время путешествовалъ по Россіи; Шевченко слѣдовалъ за нимъ въ качествѣ неотлучнаго казачка. Прошелъ годъ; баринъ можетъ быть замѣтилъ наклонности къ художеству у Шевченка и, въ бытность свою въ Варшавѣ, отдалъ его въ науку къ комнатному живописцу, но послѣдній, обладая искусствомъ красить только потолки и стѣны, замѣтилъ необыкновенныя способности ученика и объявилъ

объ этомъ барину, посовѣтовавъ отдать Шевченка извѣстному въ то время портретисту Лампи. Энгельгардтъ, въ надеждѣ имѣть своего хорошаго художника, воспользовался совѣтомъ и „казачка“ преобразили: обчистили, вымыли, приодѣли и приказали ходить на уроки, которые, однако, продолжались недолго: по случаю возстанія въ Польшѣ, Энгельгардтъ уѣхалъ въ Петербургъ, а всю свою дворню приказалъ отправить туда по этапу; этотъ приемъ объясняется тѣмъ, что помѣщику не хотѣлось тратиться на доставку людей, да кстати, чтобы быть гарантированнымъ отъ побѣга съ дороги.

По прибытіи въ Петербургъ Энгельгардтъ не оставилъ намѣренія сдѣлать изъ Шевченка „своего“ художника и отдалъ его на 4 года къ живописцу Ширяеву. Этотъ новый учитель Шевченка примѣнялъ точно такіе же приемы въ преподаваніи, какъ и предыдущіе его наставники,—т. е. дьячокъ-спартаецъ, дьяконъ-„маларъ“ и другой дьячокъ—„хиромантикъ“.

„Несмотря на весь гнетъ его тройственного генія,—пишетъ Шевченко,—я въ свѣтлыя осеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуи“. Въ это время Шевченко познакомился съ художникомъ—землякомъ, Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ... И. М. Сошенко такъ рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Т. Г—емъ: „Когда я былъ „въ гинсовыхъ головахъ“, или нѣтъ, кажется „въ фигурахъ“, не то въ 35-мъ, не то въ 36-мъ году, вмѣстѣ со мной приходилъ въ академію швагеръ Ширяева. Отъ него я узналъ, что у его зятя находится въ мальчишкахъ мой землякъ Шевченко, о которомъ я кое-что слышалъ еще въ Олѣшаной, живя у своего первого учителя, Превлоцкаго. Я убѣдительно просилъ родственника Ширяева прислать земляка ко мнѣ на квартиру. Узнавъ о моемъ желаніи познакомиться съ нимъ, Тарасъ на другой же день, въ воскресенье, отыскалъ мою квартиру въ 4-й линіи Васильевскаго острова и явился ко мнѣ въ такомъ видѣ: на немъ былъ замасленный тиковый халатъ; рубаха и штаны изъ толстаго деревенскаго холста

были запачканы въ краскѣ; босой, „расхристаный“ и безъ шапки. Онъ былъ угрюмъ и застенчивъ.

Съ перваго же дня я замѣтилъ въ немъ сильное желаніе учиться живописи. Онъ началъ ходить ко мнѣ, не пропуская ни одного праздника. Во время такихъ посѣщеній, Тарасъ урывками передавалъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ своего прошлаго и почти всегда заканчивалъ свои рассказы ропотомъ на судьбу...

Сошенко былъ тронутъ участіемъ своего молодого земляка и всей душой желалъ помочь ему. Прежде всего онъ посовѣтовался со своимъ знакомымъ, извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ Е. Гребенкой. Гребенка сердечно отнесся къ Т. Г—му: онъ помогалъ ему и совѣтами, и деньгами; давалъ ему читать книги изъ своей библіотеки. Но Сошенко не довольствовался этимъ первымъ шагомъ къ облегченію участи Шевченка: онъ обратился съ просьбою къ секретарю академіи Григоровичу изъяснить даровитаго юношу отъ тяжелаго положенія у живописца Ширяева.

Въ это время Т. Г—чъ черезъ Гребенку познакомился съ придворнымъ живописцемъ Венеціановымъ, который, по просьбѣ Григоровича, представилъ Шевченка В. А. Жуковскому. Можно судить, какъ повліяли эти знакомства на молодого человѣка. Жуковский, желая ближе познакомиться съ начинающимъ художникомъ, задалъ ему тему: описать жизнь художника. Какъ удовлетворилъ желаніе Жуковского Шевченко, осталось неизвѣстнымъ. Извѣстно только, что съ того времени воспитатель Державнаго Освободителя крестьянъ сталъ усиленно хлопотать о выкупѣ крѣпостного автора.

А жизнь Шевченка у Ширяева шла своимъ чередомъ; положеніе не измѣнялось. Проработавши цѣлый день въ мастерской, Шевченко поздними вечерами или по ночамъ любилъ уходить въ Лѣтній садъ, набрасывать контуры со статуи или мечтать о свободѣ.

Въ этомъ же Лѣтнемъ саду начались его первые литературные опыты. „Украинская строгая муза,—говоритъ онъ,—

долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоянныхъ дворахъ и городскихъ квартирахъ. Но когда предчувствіе свободы возвратило мнѣ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрехою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ“...

Завѣтной мечтой Шевченка было попасть въ академію; Энгельгардтъ, преслѣдуя цѣль имѣть дарового художника, не былъ противъ этого желанія, но какъ разъ доступъ въ академію въ это время крѣпостнымъ былъ закрытъ; Шевченко остался на полдорогѣ; завѣтныя мечты были разрушены; гнетъ крѣпостничества еще тяжелѣе легъ на его чуткую душу, и когда онъ узналъ, что взявшіеся хлопотать объ освобожденіи его отъ крѣпостной зависимости, — даже такіе вліятельные люди, какъ Жуковский и Вьельгорскій, — ничего не могли подѣлать съ упрямымъ помѣщикомъ, — нехотѣвшее чувство проснулось въ сердцѣ, много наболѣвшемъ сердцѣ, поэта, и онъ въ минуту раздраженія поклялся жестоко отомстить своему господину. Это было въ квартирѣ у Сошенка: послѣдній, видя такое настроеніе своего друга, очень беспокоился за него, понимая, что въ подобныхъ минутахъ человѣкъ на все способенъ...

Сошенко пошелъ къ Ширяеву и упрасялъ его дать Шевченку мѣсячный отпускъ, чтобы онъ ходилъ для изученія живописи въ залу общества поощренія художествъ. Ширяевъ согласился; но гнетущее состояніе не покидало поэта. Случайно узнавъ объ этомъ В. А. Жуковский и прислалъ успокоительную записку. Насколько былъ благодаренъ Шевченко Жуковскому за его участіе и сердечное отношеніе къ нему, можно заключить изъ того, что присланную Жуковскимъ записку Т. Г.—чъ хранилъ, какъ святыню, и постоянно носилъ ее при себѣ.

Если эта записка могла успокоить Шевченка, то въ ней, навѣрное, было высказано что нибудь положительное относительно его освобожденія.

Кромѣ Жуковского много хлопоталъ объ освобожденіи

поэта и К. П. Брюловъ; онъ самъ ѣздилъ къ Энгельгардту, но вынести изъ своего посѣщенія лишь то убѣжденіе, „что это самая крупная свинья“ и больше не поѣхалъ къ Энгельгардту, но попросилъ съѣздить къ нему Сошенка. Послѣдній въ свою очередь упрасилъ Венеціанова, какъ болѣе вліятельнаго человѣка, которому Энгельгардтъ прямо отрезалъ: „Моя рѣшительная цѣна—2500 рублей“.

Тогда Брюловъ съ Жуковскимъ придумали средство добыть „цѣну свободы“. Брюловъ взялся написать портретъ съ Жуковского и разыграть его въ лотерею, и на собранныя деньги выкупить Шевченка. Шевченко въ это время заболѣлъ тифомъ и лежалъ въ больницѣ. Портретъ былъ готовъ; билеты распроданы. Между прочимъ, участіе въ этой лотерее принимала и Царская Фамилія. Розыгрышъ состоялся, и 22 апрѣля 1838 г. Шевченко сталъ свободнымъ человѣкомъ; онъ въ это время находился на пути къ выздоровленію и ничего не зналъ о случившемся. Сошенко хотѣлъ было сейчасъ же извѣстить друга о такой великой радости, но докторъ посовѣтовалъ обождать, чтобы сильное волненіе не повредило неокрѣпшему здоровью больного. Однако Шевченко узналъ о своей свободѣ отъ Ширяева, и когда Сошенко пришелъ въ больницу навѣстить его, то Т. Г.—чъ спросилъ его: „Правда ли, что меня выкупили?“ Сошенко отвѣтилъ: „Пока похоже на правду“. Шевченко залился слезами и долго не могъ успокоиться.

По выходѣ изъ больницы Шевченко началъ посѣщать классы академіи художествъ. Поселился онъ у своего земляка—Сошенка. Перемена, происшедшая въ жизни недавняго крѣпостного, безконечно радовала его. „Я,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шевченко,—ничтожный замарашка, на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы академіи и пользовался наставленіями и дружескою довѣренностью величайшаго изъ художниковъ“.

Въ это время черезъ Брюлова Шевченко познакомился съ лучшими петербургскими домами; онъ вошелъ въ моду; его приглашали, какъ диковинку, и онъ сталъ разѣзжать

по вечерамъ, одѣваться франтомъ. „Вообще, — говоритъ Сошенко, — въ него вселился свѣтскій бѣсъ“, и не разъ журилъ его за это и заставлялъ не тратить попустому время, а приниматься за дѣло; дѣломъ же Сошенко считалъ только живопись. „Я и самъ думаю, — пишетъ Шевченко въ 1837 году, — что живопись — моя будущая профессія и насущный хлѣбъ, но вмѣсто того, чтобы изучать глубокія тайнства живописи, подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я, — говоритъ онъ, — сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто гроша не платилъ и которые лишили меня свободы“...

„Что же я дѣлалъ въ этомъ святилищѣ (въ мастерской Брюлова)? — спрашиваетъ себя Шевченко и отвѣчаетъ: „Странно подумать, — я занимался тогда сочиненіемъ малороссійскихъ стиховъ, которые такою тяжестью въ послѣдствіи упали на мою душу. Передъ дивными произведеніями Брюлова я задумывался и лѣлѣялъ въ своемъ сердцѣ „Слѣпца-Кобзаря“ и своихъ кровожадныхъ „Гайдамакъ“. Въ тѣни его изящно-роскошной мастерской, какъ въ знойной степи надднѣпровской, передо мною мелькали мученическія тѣни бѣдныхъ гетмановъ. Передо мной разстилалась степь, усѣянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бѣдная Украина во всей непорочной, меланхолической красотѣ своей. Я не могъ отвести духовныхъ очей своихъ отъ этой родной, чарующей прелести... Призваніе — и ничего больше!“

У Сошенка Т. Г. — чѣ прожилъ 4 мѣсяца, потомъ поселился у художника Михайлова.

Какъ ни велики были соблазны свѣтской жизни, однако, поэтъ не забывалъ и себя: въ первые годы академической жизни, въ 1838—39 году, Т. Г. — чѣ особенно усиленно работалъ надъ своимъ развитіемъ; въ этомъ рвеніи къ самообразованію ему много способствовали Брюловъ и Гребенка. Обширная бібліотека Брюлова была открыта для Шевченка и въ ней онъ прочиталъ лучшія произведенія русскихъ и польскихъ художниковъ слова; не довольствуясь этимъ, онъ

посѣщалъ нѣкоторыя лекціи профессоровъ университета, учился французскому языку...

Кругъ знакомыхъ у Шевченка расширился: много было знакомыхъ художниковъ, были и свои братья-земляки... Но какъ ни хорошо чувствовалъ себя Шевченко, освобожденный отъ крѣпостной зависимости, онъ ни на минуту не забывалъ, что его братья и сестры все еще крѣпостные. Онъ писалъ письма въ деревню, входилъ въ ихъ семейныя дѣла, и вообще заботился объ ихъ положеніи.

Въ концѣ 1839 года, Шевченко познакомился съ П. И. Мартосомъ, который ходилъ къ нему на сеансы. Въ это время Гребенка задумалъ издать стихотворенія Шевченка, но не находилось издателя; таковымъ согласился быть Мартосъ, и въ слѣдующемъ 1840 году вышелъ небольшой сборникъ стиховъ Шевченка на малорусскомъ нарѣчій, подъ заглавіемъ „Кобзарь“.

На Украинѣ пришли въ восторгъ отъ стиховъ родного поэта, и радостно приветствовали появленіе „Кобзаря“. Старый писатель Квитка-Основьяненко, получивши экземпляръ „Кобзаря“, вотъ что писалъ его автору: „Когда мы съ женой начали читать „Кобзаря“, волосы на головѣ поднялись, въ глазахъ зеленѣло, а сердце какъ-то болитъ... Я прижалъ вашу книгу къ сердцу; ваши мысли ложатся на сердце... Хорошо! Очень хорошо! больше не умѣю сказать“.

Въ 1841 г. вышла отдѣльнымъ изданіемъ поэма „Гайдамаки“.

Первое появленіе въ печати произведеній Т. Г. — ча было встрѣчено русскими критиками глумленіемъ и насмѣшками надъ малорусскимъ нарѣчіемъ и народностью. Отзывы эти сильно повліяли на Шевченко и онъ началъ писать по-русски; насколько извѣстно, въ это время имъ была написана драма „Слѣпая красавица“. Друзья-земляки старались убѣдить поэта въ ложномъ пониманіи критики и указывали ему на то, что критика признаетъ его талантъ, а только нападаетъ на языкъ и на то, что онъ, „мужичій поэтъ“. Шев-

ченко долго колебался и, наконецъ, въ 1843 г. такъ высказался въ своемъ письмѣ къ Тарновскому:

„Меня называютъ энтузіастомъ, т. е. дуракомъ, — ну и пусть! Пускай я буду мужичій поэтъ, лишь бы только поэтъ; мнѣ больше ничего и не надо!“...

Въ 1843 г. Т. Г.—чѣ отправился на родину; первое время онъ началъ было усердно посѣщать балы богатыхъ помѣщиковъ, которые большую часть времени проводили за картами и выпивкой и даже образовали общество „Мочемордія“. Шевченко раздѣлялъ сначала компанію съ этими „мочемордами“, но скоро онъ разочаровался въ нихъ: крѣпостной гнетъ, который поэтъ видѣлъ на каждомъ шагу, отравлялъ минуты его существованія. Чужбинскій въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ очень характерный случай, происшедшій съ Шевченко при посѣщеніи имъ одного богатаго пана. „Мы пришли, — говоритъ Чужбинскій, — на обѣдъ довольно рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію, его хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно, по своему, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Тарасъ Григорьевичъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой“.

Другой случай, подобный первому, произошелъ съ помянутымъ Лукашевичемъ:

„Однажды, въ суровую зиму, Лукашевичъ прислалъ своего крѣпостного человѣка въ Яготинъ къ Шевченку (за 30 верстъ разстоянія) по какому то неважному дѣлу и строго наказалъ ему возвратиться съ отвѣтомъ въ тотъ же день. Узнавъ о такомъ безчеловѣчномъ приказаніи слугѣ, Т. Г.—чѣ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ; но фактъ былъ налицо и ему пришлось горько разочароваться въ своемъ мнѣніи о человѣкѣ, котораго онъ считалъ за порядочнаго. Шевченко написалъ Лукашевичу письмо, полное желчи и негодованія, и заявилъ ему, что прекращаетъ навсегда съ нимъ знакомство“.

Крѣпостникъ Лукашевичъ отвѣтилъ Т. Г.—чу письмомъ, гдѣ было ясно высказано, что такихъ олуховъ, какъ Шевченко, у него 300 душъ“. Первое время, когда Т. Г.—чѣ

разсказывалъ кому-нибудь объ этомъ случаѣ, то плакалъ, какъ ребенокъ.

Но среди подобнаго рода знакомыхъ выдавались люди, отличавшіеся гуманностью и образованіемъ: къ числу послѣднихъ принадлежала семья украинскаго генераль-губернатора кн. Репнина, къ дочери котораго, княгинѣ Варварѣ Николаевнѣ, Т. Г.—чѣ питалъ какое-то особенное благоговѣніе.

Въ 1844 г. Шевченко былъ на родинѣ, а въ слѣдующемъ году снова посѣтилъ родныя мѣста; на этотъ разъ онъ извѣздилъ большую часть Украины и побывалъ у всѣхъ своихъ родныхъ и вездѣ былъ встрѣчаемъ съ привѣтствіями. Явилась масса знакомствъ, двери квартиры, занимаемой имъ, не затворялись, — всѣ спѣшили взглянуть на своего Коозаря.

Весною 1846 г. Шевченко пріѣхалъ въ Кіевъ; здѣсь онъ задумалъ срисовать многія достопримѣчательности этого города: поселился онъ на квартирѣ художника Сожина. „Вечеромъ, — говоритъ Чужбинскій, — мы всѣ трое сходились. Ничего не было пріятнѣе нашихъ вечеровъ; мы усаживались за чай и передавали другъ другу свои дневныя пріключенія“.

Въ этомъ же 1846 г., въ Кіевѣ, Шевченко познакомился съ Н. И. Костомаровымъ. „Жилъ я тогда, — пишетъ Н. И. Костомаровъ, — на Крещатикѣ, въ д. Сухоставскаго.

„Напротивъ моей квартиры былъ трактиръ съ номерами, а въ одномъ изъ этихъ номеровъ появился Шевченко, по возвращеніи изъ за-днѣпровской Украины. Послѣ Пасхи, не помню съ кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, пришелъ ко мнѣ Шевченко и съ перваго раза произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе. Достаточно было съ этимъ человѣкомъ поговорить часъ, чтобы вполне сойтись съ нимъ и почувствовать къ нему сердечную привязанность.

„Въ это время мою душу занимала идея славянской взаимности. Въ первый день праздника Рождества Христова, того же 46 г. мы сошлись съ поэтомъ и однимъ молодымъ

помѣщикомъ у нашего общаго пріятеля Н. И. Гулака. Разговоръ у насъ шелъ о дѣлахъ славянскаго міра; высказывались надежды будущаго соединенія славянскихъ народовъ въ одну федерацію, подъ скипетромъ Всероссійскаго Императора, и я при этомъ излагалъ мысль о томъ, какъ было бы хорошо существованіе „ученаго общества славянскаго“. Общество это должно было называться „Кирилло-Меоодіевскимъ“.

„Между тѣмъ, за стѣной квартиры Гулака была другая квартира, изъ которой слушадъ наши бесѣды какой-то неизвѣстный господинъ, оказавшійся студентомъ Алек. Петровымъ, который постарался написать и послать куда слѣдуетъ сообщеніе о насъ, сбивъ чудовищнымъ образомъ въ одно цѣлое наши разговоры о славянской взаимности и объ эпохѣ Хмѣльницкаго, которою я тогда усердно занимался, и выведя отсюда существованіе политическаго общества“.

Вскорѣ послѣ этого событія Шевченко уѣхалъ въ Черниговскую губ., и когда онъ черезъ нѣсколько дней возвращался въ Кіевъ, былъ задержанъ на паромѣ при переправѣ черезъ Днѣпръ полицейскимъ чиновникомъ.

Въ іюнѣ 1847 г. Шевченко былъ доставленъ въ Петербургъ, зачисленъ въ рядовые Оренбургскаго линейнаго баталіона; черезъ три мѣсяца онъ очутился на мѣстѣ ссылки въ Орской крѣпости; ему было запрещено писать и рисовать. И тянулись долгіе годы заключенія со многими превратностями, которыя зависѣли отъ людей, власть имѣвшихъ надъ ссылными. Были времена, когда на Шевченко кара наказанія ложилась всею своею тягостью и только его закаленная натура могла перенести этотъ гнетъ. Но были и послабленія; между прочимъ, Шевченко былъ взятъ лейтенантомъ Бутаковымъ въ экспедицію по изслѣдованію береговъ Аральскаго моря, для снятія видовъ; когда же труды Шевченка были представлены генералу, съ ходатайствомъ объ облегченіи участи ссылнаго, — получилось совершенно обратное: изъ Петербурга пришелъ приказъ перевести Шевченка на Азіатскій берегъ Каспійскаго моря въ отдаленное Новопетровское укрѣпленіе, со строгимъ приказомъ комен-

данту наблюдать, чтобы Шевченко не могъ ничего ни писать, ни рисовать.

Буквально оторванный отъ живого міра, поэтъ загрустилъ. Должно быть такъ ему было холодно кругомъ, такъ пусто, если у него могли вырваться такія слова въ письмѣ къ Гулаку: „Родился и выросъ въ неволѣ, да и умру, кажется, солдатомъ!.. Какой-нибудь да былъ бы конецъ, а то, право, надоѣло“.

Въ концѣ 1852 г. въ Новопетровской администраціи произошла перемѣна: назначенъ новый комендантъ, майоръ Усковъ.

Жена Ускова еще въ Оренбургѣ слышала о Шевченкѣ и ѣхала въ Новопетровскъ съ мыслью принять участіе въ облегченіи участи поэта. Шевченко не сразу, постепенно, но близко сошелся съ семьей Усковыхъ, гдѣ было двое маленькихъ дѣтей, — это была одна изъ причинъ, притягивающихъ его къ дому коменданта: Т. Г. — чѣ страстно любилъ дѣтей. Усковы полюбили Шевченко, какъ близкаго родного; онъ сталъ какъ бы нераздѣльнымъ членомъ ихъ семьи.

Съ этого времени начались постепенныя облегченія по службѣ. Шевченко вздохнулъ свободнѣе: его уже перестали безъ толку мучить „муштрою“, да и жить онъ сталъ не въ „смердячей казармѣ“.

А въ Петербургѣ друзья поэта не забывали хлопотать о немъ; первое мѣсто между этими людьми занимала А. И. Толстая, супруга вице-президента академіи; она сначала черезъ художника Осипова, а потомъ сама лично, вела переписку съ поэтомъ и, какъ только можно, ободряла его и поддерживала надежду на освобожденіе въ его измученной душѣ.

Въ это время скончался Императоръ Николай I и на престолъ вступилъ Императоръ Александръ II. Шевченко съ нетерпѣніемъ ждалъ милостиваго манифеста. Манифестъ появился, но въ немъ о Т. Г. — чѣ не было и помину. „И отчего же это я не былъ представленъ къ этой Высочайшей милости и вычеркнутъ изъ реестра мучениковъ? Преступле-

ніе мое велико, но и наказаніе безгранично. Къ матеріальнымъ страданіямъ 50-лѣтняго солдата присоединилось страданіе моральное: мнѣ, котораго вся жизнь была посвящена божественному искусству, было запрещено писать стихи и рисовать. Да, уже девять лѣтъ казнюсь я за грѣшное увлеченіе моею безтолковой молодости!.. О, спасите меня!..“ писалъ Т. Г.—чѣ гр. Толстой въ 1856 году.

Съ воцареніемъ новаго Императора многое измѣнилось въ положеніи Шевченка; друзья поэта, прежде лишенные возможности не только переписываться съ нимъ, но и сочувственно относиться къ его положенію,—теперь какъ будто ожили, стали посылать ему письма, деньги, и хлопоты объ освобожденіи усилились. Особенно много полезнаго сдѣлалъ въ это время для поэта М. М. Лазаревскій; онъ первый сообщилъ Т. Г.—чу вѣсть о помилованіи. „Поздравляю тебя съ великою Царскою Милостію. По просьбѣ гр. Толстой и графа Толстого ты получаешь отставку и избираешь родъ жизни“,—писалъ Лазаревскій отъ 2 мая 1857 года.

Ожидая окончательной свободы, поэтъ составилъ планъ поѣздки;—ему хотѣлось побывать въ Екатеринодарѣ, Крыму, Харьковѣ, Полтавѣ, Кіевѣ, въ Вильно, но друзья поэта одобрили этого плана. „Пріѣзжай скорѣй въ Петербургъ; на Украину не ѣзди; объ этомъ просить тебя графиня, и ты долженъ ее послушать“—писалъ ему Лазаревскій.

Распоряженіе объ освобожденіи должно было пройти всю лѣстницу инстанцій, начиная отъ шефа жандармовъ, министровъ и кончая ротнымъ командиромъ. На это потребовалось бы не мало времени.

„22 іюля 1857 г. получилось официальное сообщеніе о моемъ освобожденіи (пишетъ Г.—чѣ гр. Ѳ. П. Толстому). Въ тотъ же день я просилъ команданта дать мнѣ пропускъ черезъ Астрахань до Петербурга; но онъ безъ воли высшаго начальства не можетъ этого сдѣлать“...

Наконецъ Т. Г.—чѣ уговорилъ Ускова дать ему пропускъ до Петербурга, и 2 августа 1857 года, въ 9 часовъ вечера,

онъ оставилъ Новопетровское укрѣпленіе, пробывши въ неволѣ 10 лѣтъ, 3 мѣсяца и 27 дней.

Послѣ трехдневнаго плаванія въ рыбацкѣй лодкѣ Шевченко прибылъ въ Астрахань.

Въ Астрахани Т. Г.—чѣ задержался на нѣсколько дней, дожидаясь парохода; 15 августа пришелъ изъ Нижняго пароходъ „Князь Пожарскій“ и простоялъ въ Астрахани 7 дней, а 22-го отплылъ снова въ Нижній, увозя съ собой Т. Г.—ча.

Когда Шевченко прибылъ въ Нижній, тамъ уже было получено предписаніе задержать его. Дѣло заключалось въ томъ, что при амнистіи Шевченку не дозволялось жить въ столицахъ; онъ долженъ былъ отправиться въ Оренбургъ и тамъ ждать назначенія мѣстожителства. Усковъ же, выдавая Шевченку проѣздной билетъ, не зналъ этого. Опять пошли хлопоты, благодаря которымъ Т. Г.—чѣ не поѣхалъ въ Оренбургъ, а остался ждать рѣшенія въ Нижнемъ. Сюда пріѣзжалъ навѣстить поэта другъ его—знаменитый артистъ М. С. Щепкинъ.

Нижегородское общество отнеслось къ Шевченку очень внимательно и дружелюбно, но пѣвецъ Украины чувствовалъ себя одинокимъ,—его тянуло въ Петербургъ, въ академію, къ друзьямъ; ему тяжело было одиночествовать, отсюда и вытекаетъ его неудачное сватовство къ актрисѣ Піуновой. Молоденькая 16-лѣтняя дѣвушка, малообразованная, не могла раздѣлять взглядовъ 44-лѣтняго Шевченка и сватовство это кончилось отказомъ Т. Г.—чу.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Шевченко не успокоился; вернулся онъ въ этотъ городъ „съ запасомъ горечи на днѣ души“, какъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ И. С. Тургеневъ *). Наконецъ, весною 1859 г., ему удалось побывать на родинѣ.

*) Между прочимъ, вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ив. Сер.—чѣ:

„Широкоплечій, приземистый, коренастый, Шевченко являлъ весь обликъ казака съ замѣтными слѣдами солдатской выправки

Поселился онъ сначала у своей сестры Ирины, въ это время овдовѣвшей; погостилъ онъ у братьевъ; всѣ его родные были еще крѣпостными людьми. Горько было на душѣ поэта! — и это чувство вылилось у него въ прекрасномъ стихотвореніи „Сестрѣ“.

Измученный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, Т. Г.—чѣ отъ сестры поѣхалъ отдохнуть къ названному брату своему Вареоламею Григорьевичу, и прожилъ у него около 2 мѣсяцевъ; въ это время онъ рѣшилъ приобрести себѣ небольшой участокъ земли на берегу Днѣпра и поселиться тамъ. А между тѣмъ за Шевченко, какъ за поднадзорнымъ, не переставали слѣдить, и по доносу, гдѣ говорилось, что Шевченко непочтительно относится къ монахамъ и полиціи, — онъ былъ арестованъ, при отъѣздѣ отъ Максимовича съ Михайловой горы, и препровожденъ къ кievскому генералъ-губернатору кн. Васильчикову. Губернаторъ освободилъ его изъ-подъ ареста и сказалъ: „поѣзжайте отсюда скорѣе въ Петербургъ, — тамъ, стало, люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было позволено пробыть въ Кіевѣ сколько будетъ нужно.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Т. Г.—чѣ поселился на антресоляхъ въ зданіи академіи художествъ. Петербургъ ему уже не казался не такимъ привлекательнымъ, — его тянуло на родину, отдохнуть, — онъ усталъ, измучился. Ему уже было 45 лѣтъ.

и ломки. Голова остроконечная, почти лысая; высокій, морщинистый лобъ; широкій, такъ называемый „утиный“ носъ; густые усы, закрывавшіе губы; небольшие сѣрые глаза, взглядъ которыхъ, болѣею частью угрюмый и недоувѣрчивый, изрѣдка принималъ выраженіе ласковое, почти нѣжное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голосъ нѣсколько хриплый, выговоръ чисто-русскій; движенія спокойныя, походка степенная; фигура мѣшковатая и малопышная. — Вотъ какими чертами запечатлѣлась у меня въ памяти эта замѣчательная личность. Съ высокой бараньей шапкой на головѣ, въ длинной темно-серой чуйкѣ съ воротникомъ изъ черныхъ мерлушекъ, Шевченко глядѣлъ истиннымъ малороссомъ, холмомъ; оставшіеся послѣ него портреты даютъ вообще вѣрное о немъ понятіе“.

Началась горячая переписка съ братомъ Вареоламеемъ; поэтъ торопить его съ покупкою земли. Наконецъ, Вареоламей Григорьевичъ пишетъ брату, что нашелъ для него подходящее мѣсто недалеко отъ Канева, на правомъ берегу Днѣпра.

„Тамъ, на высокой горѣ, — пишетъ ему Вареоламей Шевченко, есть лѣсокъ, посреди того лѣсочка — полянка; далеко отъ города, внизу нѣсколько рыбацкихъ хатъ.“

„На горѣ очень много дикихъ яблонь и грушъ; можно будетъ сани развести. Любый староденный Днѣпро будетъ казаться тобѣ подъ самыми ногами. Криничная вода недалеко, а рыба каждое утро будетъ свѣжая: рыболовы будутъ возить ее мимо твоего порога“...

Т. Г.—чѣ былъ доволенъ сообщеніемъ, но онъ чувствовалъ, что одинокому человеку будетъ пусто и въ новой хатѣ, — и вотъ онъ рѣшаетъ во что бы то ни стало жениться, Вареоламей Григорьевичъ совѣтуетъ ему взять жену изъ образованнаго круга, „а съ простою крестьянкою ты еще больше затоскуешь“, — пишетъ Вареоламей Т. Г.—чу. — „Я по плоти и духу сынъ и родной братъ нашего безталаннаго народа, — такъ какъ же я могу соединиться съ панскою кровью?“

„Да и что такое образованная барышня будетъ дѣлать въ моей мужицкой хатѣ?“

„Мать — при всякихъ условіяхъ мать; если она любящая и разумная, то и дѣти выйдутъ въ люди; если же она, хотя и образованная, но лишена разума и сердца, то и дитя вырастетъ негодяемъ, все равно, какъ въ шинкѣ“, — отвѣчаетъ ему поэтъ и проситъ его сдѣлать предложеніе отъ его имени крѣпостной дѣвушкѣ Харитинѣ, служащей у Вареоламея въ работникахъ. Однако, Харитина заупрямилась: она считала Т. Г.—ча за большого пана и боялась за него выйти.

Послѣ этого случая Т. Г.—чѣ обратился къ женѣ Максимовича: „Жените, — проситъ онъ ее, — будьте такъ добры. А то, если не жените, то и самъ Богъ не женить, — такъ и пропаду бурлакомъ на чужой сторонѣ“...

Наконецъ, поэтъ самъ нашелъ себѣ невѣсту въ Петербургѣ; у однихъ его знакомыхъ служила дѣвушка-украинка, — ее звали Лукерей; къ ней-то и присватался Т. Г.—чѣ. Вѣтрёная, неразвитая Лукерья Полусакова сначала дала согласие, считая Шевченка за богатаго человѣка, но и это сватовство разстроилось...

Забываясь о своихъ семейныхъ дѣлахъ, Т. Г. чѣ не бывалъ и родныхъ, — онъ горячо хлопоталъ объ ихъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, что и было имъ сдѣлано за нѣсколько мѣсяцевъ до 19 февраля 1861 года.

Но не одни семейныя дѣла занимали поэта; — онъ задумалъ полное собраніе своихъ сочиненій съ присоединеніемъ „Гайдамаковъ“. Надо было искать издателя, надо было возиться съ цензурой. Издатель нашелся въ лицѣ богатаго сахарозаводчика Семеренка и въ 1860 году явился „Кобзарь“, съ портретомъ автора, рисованнымъ М. О. Микѣшинымъ.

На этотъ разъ столичная критика сочувственно отнеслась къ новому изданію „Кобзаря“, а въ Малороссіи всѣ были въ восторгѣ.

„У насъ чуть ли не по „Кобзарю“ и Богу молятся“... пишетъ Кулишъ Т. Г.—чу изъ Полтавы.

Въ концѣ 50 года Т. Г.—чѣ сталъ недомогать; доктора опредѣлили водянку и совѣтовали беречься. Поэтъ нигдѣ уже не появлялся и не выходилъ изъ дома... 25 февраля, въ день своихъ именинъ, Т. Г.—чѣ не могъ подняться съ постели.

„Вотъ, если бы мнѣ добраться домой, тамъ, быть можетъ, я и поправился бы“... говоритъ онъ своимъ друзьямъ, собравшимся поздравить его.

Но ни попасть домой, ни поправиться ему не удалось. 26 февраля, въ 5 час. утра, Т. Г.—чѣ всталъ, выпилъ стаканъ чаю и сошелъ внизъ въ свою мастерскую; съ нимъ сдѣлалось дурно, онъ упалъ и... поэта не стало!..

Сначала Т. Г.—ча похоронили въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, а потомъ, помня завѣтъ поэта, выраженный имъ въ стихотвореніи „Завѣщаніе“, перевезли

прахъ его на Украину и похоронили на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ мечталъ поселиться: — на берегу Днѣпра, недалеко отъ г. Канева, на курганѣ, похожемъ на стародавнія казацкія могилы. Одинокое бѣлѣетъ крестъ на высокой горѣ, а подъ горою старый Днѣпръ катитъ свои волны и, ударяясь ими о берегъ, словно рассказываетъ печальнику народному, — какъ живутъ его братья — люди...

Такъ протекала жизнь этого „геніальнаго горемыки“, какъ называли Шевченко одинъ изъ его біографовъ. Рожденный подъ „стрихою крипачьей хаты“, испытывавшій всѣ ужасы крѣпостной зависимости, не успѣвшій вполнѣ насладиться благами кратковременной свободы, смѣнившейся подневольнымъ пребываніемъ въ киргизскихъ стѣнахъ, Шевченко тѣмъ не менѣе не былъ сломленъ этими личными несчастьями, и до смерти сохранилъ тотъ святой огонь любви къ родному краю и народу, который одинъ только согрѣвалъ его и вливалъ надежду въ его измученное сердце. Будучи по профессіи художникомъ, — и по отзывамъ специалистовъ очень талантливымъ художникомъ, — Шевченко уступилъ голосу болѣе сильнаго призванія, чтобы стать выразителемъ духовной жизни народности. „Народъ какъ бы поручилъ Шевченку пѣть за него“, говоритъ Н. И. Костомаровъ, а по выраженію Ап. Григорьева, — Шевченко вдунулъ новый духъ въ украинскую литературу, вывелъ ее на новую дорогу и ввелъ въ кругъ литературъ цивилизованнаго чело-вѣчества. Дѣятельность Шевченка блестящимъ образомъ опровергла сомнѣнія въ способности украинскаго народа къ созданію собственной литературы. Заговоривъ къ народу его роднымъ языкомъ, сдѣлавшись выразителемъ нужды и стремленій темной массы, Шевченко является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ проявленій демократическаго и освободительнаго движенія, отмѣтившаго собою XIX вѣкъ въ исторіи чело-вѣчества.

Въ этомъ и состоитъ громадное значеніе Шевченка, въ этомъ и кроются его безсмертныя заслуги передъ родиной, которую онъ призывалъ къ жизни, и передъ чело-вѣчествомъ,

которому онъ возвратилъ многомилліонный народъ для культурнаго сотрудничества.

Шевченко соединилъ въ своихъ произведеніяхъ блестящую форму съ общечеловѣческимъ содержаніемъ, и потому значеніе его не ограничивается предѣлами, занятыми украинскимъ народомъ, а простирается на все мыслящее челоѣчество. Нечего и говорить, что вліяніе Шевченка все-таки наиболѣе чувствуется на его роднѣ: онъ надолго сдѣлался образцомъ для украинскихъ писателей; на его произведеніяхъ воспитывались цѣлыя поколѣнія, почерпая въ его огненныхъ словахъ вдохновеніе и примѣръ истиннаго служенія родному народу; и его слава „не вмере, не поляже“, но будетъ жить вѣчно и будетъ служить яркимъ образцомъ, какъ нужно служить народу и какъ нужно любить его!..

Не лишнимъ считаю закончить характеристику знаменитаго „кобзаря“ Украины стихотвореніемъ Н. А. Некрасова, написаннымъ на смерть его:

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвидѣнный, даже желательный,—
Такъ погибаетъ по Божьей по милости
Русской земли челоѣкъ замѣчательный.

Съ давняго времени молодость трудная,
Полная страсти, надеждъ, увлеченія,
Смѣлая рѣчи, борьба безразсудная,
Велѣдъ за тѣмъ—долгіе дни заключенія.

Все онъ извѣдалъ: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармовъ, любезности,—
Все—и раздольную степь, вѣнбургскую,
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, неизвѣстности

Жилъ онъ солдатами съ солдатами жалкими,
Жилъ, оскорбляемый всякимъ невѣждою;—
Могъ умереть онъ, конечно, подъ палками.
Можетъ, и жить только этой надеждою:—

Но сократить не желая страданія,
Поберегло его въ годы изгнанія
Русскихъ людей преледѣлье игривое,—
Кончилось время его несчастливое;

Все, что съ юности ранней не видывалъ
Милосердну ему улыбалось...
Тутъ ему Богъ позавидовалъ:
Жизнь оборвалась!..

Иванъ Бѣлоусовъ.

— до 1844 года. —

Думы.

Ой, вы, думы, мои думы,—
Горе, думы, съ вами!
Что вы встали на бумагѣ
Хмурыми рядами?
Что васъ вѣтеръ не развѣялъ
Словно пыль степную?
Что васъ горе не заспало
Словно дочь родную?

Горе злое васъ на свѣтѣ на смѣхъ породило:
Поливало васъ слезами,—что жъ не затопило?
Что не выбросило въ морѣ, не размыло въ полѣ?
Не узнали бы за что я проклиная долю!..
Позабыли бъ меня люди,—вспоминать не стали
„Дѣлать нечего!“—съ насмѣшкой мнѣ бы не
сказали!..

Думы мои, думы мои,—
Сердцу дорогія,—
Для чего жъ любилъ, лелѣялъ
Васъ, мои родныя?
Кто жъ надъ вами плакать будетъ

Здѣсь, на бѣломъ свѣтѣ
 Такъ, какъ я? Охъ, думы, думы,—
 Думы—мои дѣти!
 Можетъ быть найдутся очи
 Съ черными бровями,
 Что, услышавъ васъ, заплачутъ
 Горькими слезами?
 Мнѣ не надо слезъ обильныхъ,—
 Мнѣ слезинку надо,—
 Буду панъ я надъ панами—
 Вотъ моя отрада!
 Думы мои, думы мои,
 Тяжело мнѣ съ вами!
 Вы туда рвались, гдѣ очи
 Съ черными бровями,
 А за вами сердце рвалось,
 Думы выливали,
 Выливали, какъ умѣло
 Все, что прежде знало:
 Темный вишневый садочекъ,
 Словно море—ночи,
 Ласки жаркія дѣвичьи,
 Черны брови, очи...
 Степи, степи да могилы
 Тамъ—на Украинѣ!..
 Но о нихъ молчить, ни слова
 Сердце на чужбинѣ.
 И не хочетъ, чтобъ собралась
 Въ снѣжномъ полѣ рада
 Съ булавами, съ бичиками
 Славная громада.
 Пусть же души запорожцевъ
 Мирно тамъ выгаютъ,—
 Гдѣ просторъ степной начала
 И конца не знаетъ,
 Какъ та воля, что минула...

Днѣпръ широкій, милый,
 Степь и грозные пороги,
 Горы и могилы,—
 Тамъ казацкая родилась
 Воля, воспиталась;
 Тамъ шляхтою, татарвою
 Поле засѣвалось.
 Долго билась и уставши,
 Тихо опочила,
 А надъ вслей въ это время
 Выросла могила.
 Сторожа могилу, черный
 Тамъ орелъ летаетъ
 И кобзарь про волю людямъ
 Пѣсни распѣваетъ;
 О быломъ онъ выливаетъ
 Въ пѣсняхъ думы—грезы;
 Онъ отъ Бога даръ имѣетъ,—
 Я же только слезы
 За родную Украину
 Плача проливаю,
 Какъ словами людямъ горе
 Высказать—не знаю.
 Горе, горе!—Что жъ такое?
 Кто его не знаетъ?
 Много слезъ оно на свѣтѣ
 Горькихъ проливаетъ.
 Тяжело живется въ мірѣ
 Съ чуткою душою,—
 Адъ ему на этомъ свѣтѣ,
 А на томъ.
 Тоскою
 Не прикличу себѣ доли
 И не дозовуся,
 А надъ тѣми, кто смѣется,—
 Самъ я посмѣюся.

Схороню тоску я въ сердцѣ,
 Чтобы не видали
 Горькихъ слезъ, и жалобъ, смѣха
 Люди не слышали.
 Пусть же дума словно воронъ,
 Каркая летаешь,
 А сердечко соловейкомъ
 Тихо распѣваетъ.
 Пусть же льются горьки слезы
 Дни и темны ночи,
 Пока мнѣ чужой землею
 Не засыплють очи!
 Такъ вотъ такъ-то! Что же дѣлать?
 Плачь не плачь—все то же.
 Кто завидуетъ несчастнымъ—
 Тѣхъ суди ты, Боже!..

Думы мои, думы мои—
 Думы мои дѣти.
 Гдѣ же я найду, родныя,
 Вамъ пріютъ на свѣтѣ?
 На Украинну идите—
 Нашу Украинну,
 На задворки, къ бѣднымъ людямъ,
 Я же здѣсь загину!
 Тамъ любовь найдете, думы;
 Тамъ васъ приласкаютъ;
 Тамъ и правда!.. А быть можетъ
 Славой увѣнчаютъ!..
 Такъ прими же моихъ дѣтокъ,
 Родина святая,—
 Приласкай ихъ неразумныхъ
 Словно мать родная!..

Изъ Бѣлоусовъ.

Иванъ Поднова.

Было время—по Украинѣ.
 Пушки грохотали;
 Было время—запорожцы
 Жили-пировали;
 Пировали, добывали
 Славы, вольной воли.
 Все то минуло—остались
 Лишь могилы въ полѣ;
 Тѣ высокія могилы,
 Гдѣ лежитъ зарыто
 Тѣло бѣлое казачье,
 Саваномъ повито,
 И чернѣютъ тѣ могилы,
 Словно горы въ полѣ,
 И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
 Шепчутся про волю.
 Славу дѣдовскую вѣтеръ
 По полю разноситъ...
 Внуку услышнѣть—пѣсню сложить
 И съ той пѣсней косить.

Было время—на Украинѣ
 Въ пляску шло и горе;
 Какъ вина да меду вдоволь—
 По колѣна море!
 Да, жилось когда-то славно!
 И теперь вспоманешь—
 Какъ-то легче станетъ сердцу,
 Веселѣе взглянешь.

Встала туча надъ Лиманомъ,
 Солнце заслоняетъ,
 Лютымъ звѣремъ сине море
 Стонетъ,—завываетъ.
 Дѣвиръ надулся. „Что жъ, ребята,
 Время мы теряемъ?
 Въ лодки!—море расходилось:
 То-то погуляемъ!“
 Высыпаютъ запорожцы—
 Вотъ Лиманъ покрыли
 Ихъ лады. „Играй же, море!“
 Волны заходили...
 За волнами, за горами
 Берега пропали.
 Сердце ноетъ; казаки же
 Веселѣе стали.
 Плещутъ весла; пѣсня льется;
 Чайка вокругъ порхаетъ...
 Атаманъ въ передней лодкѣ
 Путь-дорогу знаетъ.
 Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ;
 Трубку сжалъ зубами;
 Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво—
 Гдѣ бъ сойтись съ врагами?
 Закрутилъ онъ усъ свой черный,
 Вскинулъ чубъ косматый,
 Поднялъ шапку,—лодки стали—
 „Сгинь ты, врагъ проклятый!
 Поплывемте не къ Синюху,
 Братцы-атаманы,
 А въ Царьградъ поѣдемъ въ гости
 Къ самому султану“.
 — „Ладно, батька!“—загремѣло.
 — „Ну, спасибо, братцы!“

И накрылся.

Вновь горами
 Волны громоздятся...
 И опять онъ вдоль по лодкѣ
 Ходитъ, не садится;
 Только молча, исподлобья
 На волну косится...

М. Михайловъ.

Перебендя.

Старъ и слѣпъ нашъ Перебендя,—
 Кто его не знаетъ?
 Ходитъ-бродитъ онъ по свѣту,
 На козѣ играетъ.
 Старика встрѣчаютъ люди
 Съ радостью, привѣтомъ:
 Онъ печаль разгонитъ,—самъ же
 Тяготится свѣтомъ.
 Нѣтъ пріюта горемыкѣ,—
 Нѣтъ ему покоя;—
 Спитъ подъ тыномъ;—знать надъ старымъ
 Шутить горе злое.
 А ему хоть что!—Затянетъ—
 „Не шуми дуброва!..“
 И о томъ, что одинокъ онъ—
 Никому ни слова!..
 Вотъ таковъ-то Перебендя,—
 Онъ чудакъ не малый,—
 Пѣсню грустную затянетъ,
 Кончатъ разудалой.
 Попадетъ къ дѣвчатамъ,—грянетъ
 „Грицу“ да „Веснянку“,

Какъ въ шинкѣ пристуять парни,—
 „Сербина“, „Шинкарку“
 А съ молодками на свадьбѣ,
 Гдѣ свекровь лютая,—
 Про „Тополю“, „Долю злую“,
 Иль поетъ—„У гаю“...
 На базарѣ— про „Лазаря“,
 А чтобъ люди знали,—
 Онъ рассказываетъ въ пѣснѣ,
 Какъ Сѣчь разоряли...
 Вотъ таковъ-то Перебендя,—
 Онъ чудакъ не малый,—
 Пѣсню грустную затянетъ,
 Кончить разудалой!..
 Вѣтеръ по полю гуляетъ,
 Вѣетъ,— повѣваетъ,
 На курганѣ Перебендя
 На кобзѣ играетъ.
 А кругомъ его, какъ море,
 Ширина степная,
 За могилою—могила,—
 Безъ конца и края.
 Чубъ и усъ сѣдой, играя,
 Вѣтеръ развѣваетъ,—
 То, прислушиваясь, стихнетъ,
 Какъ кобзарь играетъ.

Какъ сердце смѣется, какъ очи слезятся—
 Послушаетъ вѣтеръ и вдалѣ полетитъ;
 И вновь, распѣвая, старикъ одинокій
 Въ широкой степи на могилѣ сидитъ.
 Никто тамъ не видитъ, не слышитъ сѣдова,
 Лишь вѣтеръ слова его полемъ песеть,
 Чтобъ люди не знали... То Божіе слово,
 И съ Богомъ то сердце бесѣду ведетъ,
 И Господа славу оно восхваляетъ,—

А дума на тучѣ край свѣта гуляетъ.
 Паритъ сизокрылымъ могучимъ орломъ,
 До самаго неба касаясь крыломъ,
 И ясному солнцу вопросъ задасть:
 Гдѣ солнце почуветь, какъ солнце встаетъ?
 И слушаетъ чутко, какъ море шумитъ,
 И спросить могилу,—что вѣчно молчитъ?
 И снова на небо,— тамъ горя людского
 Не видитъ... На свѣтѣ мѣстечка такого
 Тому не найдется, кто знаетъ все, чувствуетъ,
 Какъ море шумитъ, и гдѣ солнце почуветь...
 Прята никто старику не даетъ,—
 Одинъ среди людей онъ какъ солнце сіяетъ,
 Съ людьми незамѣтнымъ на свѣтѣ живетъ.
 А если бы знали, какъ онъ распѣваетъ,—
 То Божіе слово они бъ осмѣяли,
 Назвали бы дурнемъ и прочь бы прогнали,—
 Пускай, молъ, онъ съ моремъ бесѣду ведетъ...

Да и ладно, другъ кобзарь мой,
 Что къ могилѣ ходишь,
 И что съ ней въ степи безлюдной
 Рѣчь свою заводишь,
 И ходи, покуда сердце
 Не уснуло, бьется;
 Такъ, чтобъ люди не слыхали
 Пой, пока поется.
 Но чтобъ люди не чуждались,—
 Примирись съ толпою:
 „Скажи, враже, якъ панъ каже,—
 Онъ богатъ казною“...

Вотъ таковъ-то Перебендя,—
 Онъ чудакъ не малый,—
 Пѣсню грустную затянетъ,
 Кончить разудалой!..

Ив. Бѣлоусовъ.

Тарасова ночь.

За селомъ кобзарь на кобзѣ
 Жалобно играетъ;
 Вкругъ него молодки, парни
 Макомъ расцвѣтають.
 Онъ играетъ, распѣваетъ,
 Говоритъ словами,
 Какъ Москва, орда и ляхи
 Бились съ казаками;
 Какъ громада собиралась
 Въ воскресенье рано:
 Хоронили казачину
 Въ полѣ у кургана.
 И поетъ кобзарь, играетъ—
 Горе съ нимъ смѣется:
 Было время—Сѣчь стояла,
 Было—не вернется!
 Встала туча изъ-за моря,
 А другая съ поля!
 Закручинилась Украина:
 Знать, такая доля!
 Закручинилась Украина,
 Какъ дитя рыдаетъ:
 Не приходятъ къ ней на помощь,
 Вольность погибаетъ;
 Гибнетъ слава; негдѣ дѣться—
 Мѣста нѣтъ на свѣтѣ;
 Некрещеными казачьи
 Вырастають дѣти;
 Неповѣнчанныя пары...
 Безъ иона хоронять;
 Вѣра куплена жидами—
 Вонъ изъ церкви гонять.

Какъ тѣ вороны на полѣ,
 Съ ляхами станцией
 Налетають уніаты—
 Некому встѣниться.
 Отозвался Наливайко—
 Пала съ нимъ кравчина! *)
 Отозвался вельдѣ Павлюга—
 Стинулъ казачина!
 Отозвался панъ Трясило
 Горькими слезами:
 „Ненаглядная Украина
 Стоптана врагами!“

 „Отозвался на защиту
 Панъ Тарасъ Трясило—
 Отозвался: не забудуть
 Ляхи нашей силы!
 Отозвался: „Намъ Украины
 Не спасти слезами!
 А пойдемъ-ка лучше, братцы,
 Биться съ поляками!“

Ужъ не три дня, не три ночи
 Бьется панъ Трясило.
 Отъ Лимана до Трубейки
 Землю кровь вспоила.
 Ветосковался казачина—
 Крѣпко истомился,

*) Народное названіе ополченія Наливайки. Въ отвѣтъ на насмѣшки шляхты, упрекавшей Наливайку тѣмъ, что онъ сынъ кравца (портного). Дружина его, изъ гордости, стала называть себя кравчиною, т. е. портнягами, и подъ этимъ именемъ воспѣвала себя въ пѣсняхъ.

А поганый Конецпольскій
 Вдругъ развеселился:
 Вкругъ себя собираетъ шляхту—
 Пировать до свѣта.
 Казакѣвъ Тарасъ собираетъ
 Попросить совѣта:
 „Атаманы, панибраты,
 Господа-громада! *)
 Дайте мнѣ совѣтъ хорошій,
 Что намъ дѣлать надо?
 Торжествуютъ вражьи ляхи
 Наше безголовье.
 Пусть пируютъ, торжествуютъ,
 Пусть ихъ—на здоровье!
 Пусть поютъ, покамѣсть солнце
 За горою сядетъ,
 А казакъ, какъ ночь наступитъ,
 Съ паномъ-ляхомъ сладитъ“!
 Съло солнце за горою,
 Звѣзды засіяли,
 А казаки, словно туча,
 Ляховъ окружали,
 Только мѣсяцъ сталъ средь неба,
 Пушка взговорила;
 Всполонились паны-ляхи,
 Да ужъ поздно было.
 Всполонились паны-ляхи
 Да уже не встали:
 Встало солнце—паны-ляхи,
 Мертвые лежали.
 Альта красною змѣєю
 Вѣсть несетъ повѣдать—

*) Буквальный переводъ украинскаго выраженія: *панове гро-
мадо*.

Примѣч. переводчика.

Манить вороновъ изъ степи
 Падали отвѣдать.
 Тучей вороны слетѣлись—
 Ляховъ добудиться;
 А казачество сошлося
 Богу помолиться.
 Громко вороны кричали,
 Вырывая очи;
 А казаки пѣли пѣсни
 Подъ покровомъ ночи,
 Той кровавой, темной ночи,
 Что навѣки стала
 Славою войска и Тараса,
 Что враговъ заспала.
 „Надъ рѣкой, въ степи могила
 Высится, чернѣетъ:
 Гдѣ казачья кровь лилася—
 Травка зеленѣетъ.
 Воронъ каркаетъ печально
 На могилѣ, въ полѣ..
 Вспомнить Свѣтъ казакъ за плугомъ
 И вздохнетъ о волѣ“.
 Смолкъ кобзарь, горюя: руки
 Что-то не играютъ.
 Вкругъ него молодки, парни
 Слезы утираютъ.
 Всталъ кобзарь, да какъ съ кручины
 Грянетъ-заиграетъ—
 Мигомъ молодцы въ присядку..
 Онъ имъ припѣваетъ:
 „Вотъ что будетъ, поглядите!
 Дѣти, дома посидите;
 Я въ кабакъ пойду, горюя,
 Повстрѣчаю тамъ жену я,

Повстрѣчаю—съ ней напьюся,
Надъ врагами посмѣюся!

Н. Гербель.

Тополь.

По дубравѣ вѣтеръ воетъ,
По полю гуляетъ,
Гибкій тополь у дороги
До земли сгибаетъ;
Станъ высокій, листъ широкій
Пышно зеленѣетъ...
А къ чему? Вокругъ, какъ море,
Только степь синѣетъ.
Чумаки ль пройдутъ,—ихъ сердце
Сдавится тоскою.
На холмѣ ль пастухъ съ свирѣлью
Сядетъ тамъ порою,
Поглядитъ,—заноетъ сердце:
Хоть росла бѣ былинка...
Одиноко на чужбинѣ
Гибнетъ сиротинка.
Кто жъ взрастилъ на злую нивѣ
Стройный станъ сиротки?
Погодите, расскажу я,—
Слушайте жъ, крестки!
Молодой казакъ дѣвѣ
Больно прицѣпился;
Онъ уѣхалъ—и обратно
Къ милой не вернулся.
Если бѣ знала, что онъ сгинетъ,
Вѣрно бѣ не любила;

Если бѣ знала, что онъ сгинетъ,
Вѣрно бѣ не любила,
Если бѣ знала,—не ходила бѣ
Поздно за водою,
Не стояла бѣ до полночи
Съ миломъ подъ вербою.
Знай она!.. И то не ладно,
Если прежде знаешь,
Что ты горе или счастье
Въ свѣтѣ повстрѣчаешь,—
Лучше доли вамъ не вѣдать—
Сердце сыщеть друга...
Пусть же, пусть до двери гроба
Сохнетъ отъ недуга.
Вѣдь не вѣкъ вы, чернобровы,
Ваши очи ясны,
И румянцемъ пышутъ щечки
И уста прекрасны;
Стукнетъ полдень—все завянетъ,
Личико слиняетъ...
Такъ любите жъ, наслаждайтесь,
Какъ сердечко знаетъ.

Соловей засвищетъ звонко
На дугу въ калинѣ,
Запоетъ казакъ удалый,
Бродя по долиняхъ.
Онъ поетъ, пока не выйдетъ
Сердцу дорогая;
Подойдетъ онъ къ ней и спроситъ:
„Била ли родная?“
Обоймутся, станутъ слушать,—
Треби звонко льются...
И послушавши, тихонько
Снова разойдутся,

И никто того не видитъ,
 И никто не спросить:
 „Гдѣ была ты? гдѣ гуляла?“
 Все въ сердечкѣ носить.
 Такъ красавица любила,
 А сердечко мѣло;
 Сердце чуяло невзгоду,
 А сказать не смѣло.
 И одна она осталась,
 День и ночь скучаетъ
 Какъ безъ голубя голубка...
 А никто не знаетъ.
 Соловей ужъ не рокошетъ
 Въ рощѣ надъ водою;
 Не поетъ уже красotka,
 Стоя подъ вербою.
 Не поетъ, сироткой вянетъ
 Отъ недуга злого;
 Мать съ отцомъ—для ней чужіе
 Безъ дружка милого.
 Безъ милого солнце свѣтитъ—
 Словно врагъ смѣется;
 Безъ него весь свѣтъ могила,
 А сердечко бьется.
 Годъ прошелъ, другой проходитъ,
 Друга не приноситъ;
 Сохнетъ, бѣдная, какъ цвѣтикъ,
 А никто не спросить:
 „Отчего ты горько плачешь?“
 Мать не спроситъ слова
 И тайкомъ въ мужа ей мѣтитъ
 Богача сдѣлого.
 „Выйди, замужь, мать твердить ей,
 Въѣтъ не быть дѣвицей;
 Онъ богатый, одинокій—
 Заживешь царицей“.

— „Не хочу я жить царицей,
 Ручники ужъ сшиты
 И меня въ сырую землю
 Ими опустятъ ты.
 Пусть попы поютъ, а дружки
 Плачутъ надо мною;
 Легче въ гробъ, чѣмъ съ нимъ вѣнчаться,
 Стать его женою“.
 Не послушалась старуха,
 Дѣлала что знала:
 Дочь все видѣла и сохла,
 Сохла и молчала.
 Разъ пошла она къ ворожкѣ,
 Чтобъ отъ ней добиться:
 Долго ль въ свѣтѣ ей безъ друга
 Плакать и томиться?
 „Ахъ, бабусенька, голубка,
 Цвѣтикъ мой отрадный!
 Расскажи ты мнѣ всю правду
 Гдѣ мой ненаглядный?
 Живъ ли? любить ли какъ прежде,
 Иль забылъ, покинулъ?
 Я пойду за нимъ повсюду,
 Если онъ не сгинулъ.
 Гдѣ онъ, бабушка, голубка?
 Расскажи, родная.
 Хочетъ мать, чтобы съ немилымъ
 Подъ вѣнецъ пошла я.
 Полюбить его, бабуса,
 Вѣрь мнѣ, не могу я;
 Утопилась бы, да жалко:
 Душу загублю я.
 Если умеръ чернобровый,
 Сдѣлай, моя пташка,
 Чтобъ домой я не вернулась;—
 Ахъ, какъ тяжело, тяжело!“

Ждетъ тамъ старый со сватами,
 Укажи жъ мнѣ долю...
 — Хорошо! исполни только
 Прежде мою волю!
 И сама была я дѣвкой,
 Это горе знаю;
 Все прошло, я научилась,
 Людямъ помогаю.
 О судьбѣ твоей, голубка,
 Я заранѣ знала—
 И заранѣ для тебя я
 Зелья припасала.

Вышла старая и съ полки
 Склиночку достала,
 „Вотъ возьми, и съ этимъ къ рѣчкѣ
 Ты ступай сначала.
 И пока не крикнуть пѣвень,
 Вымойся водою,
 Послѣ выпей—и кручину
 Сниметъ, какъ рукою.
 Какъ нашьешься, добѣги ты,
 Чтобъ не приключилось,
 Вплоть до мѣста, гдѣ надолго
 Съ милымъ распростилась.
 Тамъ ты стань, а выйдетъ мѣсяць,
 Выпей вновь отсюда;
 Не придетъ твой другъ,—ней снова,—
 И свершится чудо:
 Послѣ разу займется ты
 Прежней красотою;
 Послѣ двухъ, въ степи широкой
 Топнетъ конь ногою;
 Если живъ казакъ твой милый,
 Мигомъ онъ прибудетъ;

Послѣ третьяго жъ... не лучше
 Ты не знай, что будетъ.
 Да смотри ты не крестися:
 Все снесетъ водою...
 Ну, пойдѣ же, полюбуйся
 Прежней красотою“.

Зелье дѣвушка приняла...
 „Ну, прощай, бабуса...
 Что, пойти иль воротиться?
 Нѣтъ, не ворочуся“.
 Вмигъ умылась да напилась
 И похорошѣла...
 А какъ въ третій разъ хлебнула
 Сонная, зашѣла:
 „Плавай, плавай, бѣлый лебедь,
 Плавай въ синемъ морѣ;
 Ты расти повыше, тополь,
 На степномъ просторѣ.
 Разрастись высокъ и тонокъ,
 Вплоть до самой тучи;
 Тамъ узнай—дождусь ли друга,
 Иль изсохну, ждучи.
 Разрастись выше, выше,
 Погляди за море;
 Тамъ за моремъ мое счастье,—
 Здѣсь тоска и горе.
 Тамъ мой милый, чернобровый
 Бродитъ въ чистомъ полѣ;
 Здѣсь—я плачу, годы трачу
 Въ мукахъ и неволѣ.
 Ты скажи ему, что всякій
 Надо мной смѣется;
 Ты скажи ему, что сгину,
 Если не вернется.

Мать сама толкаетъ въ землю
 Дочь свою родную;
 Гдѣ жъ потомъ она приклонить
 Голову съдую?
 Кто ей въ старости поможетъ?
 Кто пригрѣтъ? Кто же?
 Мать моя!.. О доля, доля!
 Милосердный Боже!
 Погляди же, гордый тополь,
 Если друга нѣту,
 Плачь, но такъ, чтобъ не видали,
 Рано до разсвѣту.
 Разрастайся же повыше
 На степномъ просторѣ!
 Плавай, плавай, бѣлый лебедь,
 Плавай въ синемъ морѣ!..
 Только пѣсенка умолкла,
 Диво совершилось;
 Черноокая казачка
 Въ тополь превратилась.
 Не вернулась въ домъ родимый
 И милого ждучи,
 Дорасла—тонка, упруга—
 Вилоть до самой тучи.
 По дубравѣ вѣтеръ вѣетъ,
 По полю гуляетъ.
 Гибкій тополь у дороги
 До земли сгибаетъ.

А. Шкафъ.

Гамалѣя.

„Что ни вѣтру, ни волны отъ родимой стороны,
 Отъ Украйны милой?
 Что-то наши не летятъ: видно биться не хотятъ
 Съ некрещеной силой.
 Вѣтеръ, вѣтеръ, зашуми, въ морѣ синемъ подыми
 До неба пучину,
 Наши слезы осуши, наши вздохи заглуши
 И развѣи кручину.
 Ты волной изъ края въ край, море синее, разыграй,
 Разой подь байдаками:
 То казаки къ намъ плывутъ, скоро-скоро будутъ тутъ,
 Загуляють съ нами.
 Хотъ бы то и не по насъ, добрый путь имъ въ добрый часъ
 Дай, великій Боже!
 Хотъ взглянуть на нихъ глазкомъ, наши головы потомъ
 Веселѣй мы сложимъ“.
 Такъ-то въ крѣпости въ Скутари казаки поютъ, гута-
 рють;
 И на слезы ихъ горючи извылъ Босфоръ могучій,
 Всталъ, широкій, встрепенулся, къ морю онъ метнулся,
 И понесъ онъ въ сине-море казацкое горе;
 Сине-море подхватило, къ Диѣиру прикатило—

Рѣчи братнихъ голосовъ,
 Въсточку изъ плѣна.
 Всталъ нашъ дѣдъ: съ съдыхъ усовъ
 Побѣжала плѣна.
 Зашумѣлъ онъ: „слышишь, Лугъ?
 Ты, сестра-Хортица?“

— „Слышу, слышу, братецъ-другъ!“
 Молвила сестрица.

Дявиръ покрыли байдаки;
И запѣли казаки:

„У турчанки молодой
На стороникѣ на той
Хата на помостѣ.
Море синее, играй!
Скалы черныя ломай!
Къ ней мы ѣдемъ въ гости“

„У турчанки молодой
Сундуки, лари съ казной,
И всего есть въ волю.
Не карманы вытряхать—
Ѣдемъ рѣзать... выручать
Братьевъ изъ неволи“.

„У турчанки молодой
Янычаровъ съ ихъ пашой
Цѣлая орава.
Мы управимся съ врагомъ!
Умирать намъ нипочемъ!
Наша воля, слава!“

Такъ-то плыли, распѣвали:
Весело казакамъ.
Атаманъ ихъ Гамалѣя
Управлялъ байдакомъ.
Только сердце Гамалѣя
Вдругъ зашелопуло:
Заиграло синее море
И байдакъ качнуло.
Да не только синя-моря
Наша испугались:
За волнами, за горами
Спрятались, сховались.

Дремала въ гаремѣ—въ раю Византи,
Дремалъ и Скутари; лишь шумѣтъ Босфоръ:
Ревѣтъ и клокочетъ, какъ будто бы хочетъ
Старикъ съ Византіей вступитъ въ разговоръ;
Но море въ ту пору сказало Босфору:
„Молчи, а не то твой ребра-валы
Отъ краю до края пескомъ закидаю!
Смотри-ко какіе летятъ соколы!“

И море забыло: знать нашихъ любило;
Босфоръ испугался; утесы дрожать.
Турчанка не внемлетъ. Султанъ же—тотъ дремлетъ,
Лишь только въ Скутари казаки не спятъ:
Все очи возносятъ, Всевышняго просятъ
И въ гости кого-то изъ-за моря ждуть;
А волны-то скачутъ, и воютъ, и плачутъ,
И на берегъ рвутся, и страшно ревутъ.

„Всемогущій покровитель
Всей Украйны милой,
Нашъ защитникъ и хранитель,
Господи, помилуй.
Горьки слезы льемъ рѣкою
Здѣсь и дни и ночи;
А умремъ—чужой землею
Намъ засыплють очи.
Запорожцамъ вѣрнымъ, Боже,
Возврати свободу!“
— „Бей невѣрныхъ!“—Это кто же?
Тьма кругомъ народу!

То они невѣрныхъ страхъ,
То казаки на валахъ,
То на Гамалѣѣ
Шапочка алѣбетъ!

Вотъ и пушки, лежа въ рядъ,
 На Скутари говорятъ,
 Но казачество смѣло
 Градомъ овладѣло.
 Разбиваютъ казаки
 У тюрьмы лихой замки.
 Слышутъ соколята
 Гамалѣя-хвата.
 „Вольны пташки, изъ тюрьмы
 Вылетаемъ снова мы!“
 Ночь—и та проснулась,
 Словно встрепенулась;
 Засмотрѣлся цѣлый міръ
 На казацкій славный пиръ;
 Все при Гамалѣѣ
 Стали веселѣе.
 „Что въ потьмахъ намъ ѣсть шашлыкъ?
 Мы огня добудемъ въ мигъ!“
 Вплоть до самой тучи
 Дымъ встаетъ летучій.
 Гамалѣевцы зажгли
 На Босфорѣ корабли.
 Видя Византія
 Огнища такія,
 Пробудилася—и вотъ
 Помогать своимъ плыветъ.
 Яростно скрежещетъ
 И очами блещетъ...
 Вотъ ужъ близко дымъ—
 И на пикахъ замерза,
 Какъ въ яду Скутари
 Мечется въ пожаръ;
 По базарамъ кровь течетъ
 И въ Босфоръ широкій льетъ;
 А въ дыму казаки
 Вьются, точно птахи.

Добываючи добро;
 Жемчугъ и серебро
 Шапками таскаютъ,
 Въ лодки насыпаютъ.
 Трубки въ потыхъ зажгли,
 Къ байдакамъ своимъ пошли,
 По волнъ кровавой
 Поплыли со славой.
 По волнамъ они плывутъ,
 Сами пѣсенки поютъ:
 „Атаманъ нашъ Гамалѣя,
 Атаманъ завзятый!
 Знаютъ турки Гамалѣю,
 Знаютъ супостаты!
 Какъ поѣхалъ Гамалѣя
 По морю гуляти,
 По синю морю гуляти,
 Братьевъ выручати.
 Какъ пріѣхалъ онъ въ Скутари,
 Гдѣ свои бѣдуютъ,
 Дожидаясь лютой казни,
 Плачутъ и горюютъ.
 Крикнулъ-гаркнулъ Гамалѣя:
 „Братъ, биться будемъ!
 Будемъ жить да пить горѣлку,
 Горе позабудемъ!
 Будемъ бить поганыхъ турокъ,
 Воевать съ ордою,
 Курени же крыть атласомъ,
 Золотой парчею!“
 Выѣзжали запорожцы
 Въ поле жито жати;
 Жито сжали, въ копны сложили,
 Пѣсни начинали:

„Честь и слава, Гамалѣя,
 Атаманъ нашъ смѣлый,
 Честь тебѣ на всю Украину
 И на весь свѣтъ бѣлый,
 Что казаковъ, нашихъ братьевъ,
 Не хотѣлъ покинуть,
 Что ты не далъ на чужбинѣ
 Имъ въ неволѣ сгинуть“.
 Такъ плывутъ, забывши горе,
 Казаки чрезъ сине-море.
 Гамалѣя свой народъ,
 Какъ орелъ орлять, блюдетъ.
 Страшно гнаться супостату:
 Онъ боится за Галату,
 Чтобы снова молодецъ
 Не спалилъ ее Чернецъ;
 А не то Иванъ-Подкова
 Ихъ не вызвалъ въ море снова.
 Гамалѣй домой летитъ.
 Солнце волны золотитъ
 Заходящими лучами,
 А подъ нашими ладьями
 Море Черное шумитъ...

Н. Бергъ.

Порченая.

Реветь и стонетъ Днѣпръ широкій.
 Сердитый вѣтеръ веревъ гнетъ,
 И гребни волнъ горой высокой
 Взметаешь вверхъ и вдаль несешь.
 А мѣсяцъ блѣдный той порою
 Сквозь тучи изрѣдка сіяетъ,
 Какъ челнъ надъ бездною морскою,

То вынырять, то утопая,
 Еще въ селѣ не просыпались.
 Три раза пѣтель не пропѣлъ,
 Сычи въ лѣсу перекливались,
 Да ясея гнулъся и скрипѣлъ.

Въ эту пору у дубравы,
 Подъ крутой горою,
 Что-то бѣлое мелькаетъ,
 Бродитъ надъ водою.
 Можетъ быть русалка вышла
 Мать искать сироткой,
 Али парня ждетъ, чтобъ ночью
 Извести щекоткой.
 Нѣтъ, то дѣвица гуляегъ,
 И сама не знаетъ,—
 Знать испорчена бѣдняжка—
 Что въ ночи блуждаетъ.
 Такъ колдунья сворожила.
 Чтобы не скучала,
 Чтобъ, бродя въ глухую полночь,
 Спала—поджидала
 Казака, что прошлымъ лѣтомъ
 Бѣдную покинулъ,
 Обѣщался воротиться,
 Да, должно быть, сгинулъ!
 Не китайкой синей очи
 Зоркія покрылись;
 Не дѣвичьи слезы градомъ
 На лицо катились:
 Воронъ вынулъ карі очи
 Средь чужого поля,
 Тѣло волки растерзали—
 Знать, такая доля!
 Ночь, а дѣвица милого
 Ждетъ да поджидаетъ.

Не вернется чернобровый
И не приласкает,
Не расчешет чудо-косу,
Шей не повяжетъ:
Не въ постель она—въ могилу
Сиротою ляжетъ.

Такая ей доля... Господняя сила,
За что жъ ты караешь ея красоту?
За то ль, что такъ крѣпко она полюбила
Казацкія очи?.. Прости сироту!
Кого жъ ей любить?..—ни отца, ни родимой...
Одна, какъ касатка въ далекомъ краю,
Пошли жъ ты ей долю—быть тоже любимой,
А то засмѣютъ сиротину мою.
Виновна ль голубка, что голубя любить?
Аль виненъ тотъ голубь, что палъ подъ грозой?
Тоскуетъ голубка, да думу голубить,
Что, можетъ, въ лѣсу заблудился милѣй.
Счастлива голубка: высоко летаетъ,
Летитъ она къ Богу—про друга пытатъ.
И кто ей расскажетъ, и какъ кому знать,
Кого жъ сиротина разспроситъ—узнаетъ,
Гдѣ милый почуветъ: въ лѣсу ль, въ чуждомъ краѣ,
Аль поитъ коня во быстрѣмъ во Дунаѣ,
Аль, можетъ, другую давно полюбилъ.
И черныя брови ея позабылъ?
Когда бъ ей даны были орлія крылья,
За синимъ бы моремъ милого нашла,
Живого бъ—любила, ее бъ задушила,
А къ мертвому въ яму сама бы легла!
Не такъ любить сердце, чтобъ съ кѣмъ подѣлиться,
Не такъ оно хочетъ, какъ Богъ намъ велитъ;
Жить сердце не хочетъ, не хочетъ крушиться,
„Крушись!“ молвить думка—и горе сулить.

О, Боже мой! знать такова Твоя воля,
Такое ей счастье, такая ей доля!

Она все ходить; съ усть ни вздоху...
Тиха Дитѣра стальная грудь:
Разбивъ мракъ туть, съ переполоху
Легъ вѣтеръ къ морю отдохнуть;
А мѣсяцъ по небу гуляетъ,
И лѣсъ и воду озаряетъ;
Кругомъ, какъ въ ухѣ, все молчитъ.
Анъ глядь—смѣясь повиныряла
Толпа дѣтей изъ водной мглы.
„Пойдемъ-ко грѣться!“ закричала:
„Зашло ужъ солнце!“ Всѣ голы;
Зеленыхъ косъ густыя сѣти,
Перешлетаясь здѣсь и тамъ,
Бѣгутъ по мраморнымъ плечамъ,
Затѣмъ—что дѣвочки тѣ дѣти...
„Аль всѣ вы тутъ?“ скликаетъ мать;
„Пойдемъ-ко ужина искать“.

„Запоемъ-ко, заиграемъ,
„Съ нашей пѣсней погуляемъ.
„Ухъ! Ухъ!
„Соломенный духъ, духъ!
„Мать меня на свѣтъ родила,
„Некрещеной положила...
„Мѣсяцъ молодой,
„Сердцу дорогой!
„Приходи-ко къ намъ на ужинъ:
„Съ нами парень; онъ недуженъ:
„Спать въ зеленомъ тростникѣ;
„Золотъ перстень на рукѣ;
„Молодъ, статенъ, черны брови;
„Мы нашли его въ дубровѣ.
„Свѣтъ свой дольше лей по полю—

„Нагуляться бы намъ въ волю.
 „Пока вѣдьмы пролетаютъ,
 „Пѣтухи не запѣваютъ,
 „Посвѣти намъ... Кто-то ходитъ—
 „Вонъ подъ дубомъ кто-то бродитъ!
 „Ухъ! Ухъ!
 „Соломенный духъ, духъ!
 „Мать меня на свѣтъ родила,
 „Некрещеной положила“.

Захохотали зубоскалки...
 Лѣсъ отозвался: зыкъ и вой...
 Какъ сумасшедшія, русалки
 Подъ дубъ кидаются толпой.

Притаились—и смотрятъ
 Сквозь покровъ листвины;
 Что-то лѣзетъ вверхъ по дубу,
 Лѣзетъ до вершины;
 Это та краса-дѣвица,
 Что во снѣ бродила:
 Такъ проклятая колдунья
 Ей наворожила.
 Влѣзла, стала на вершинѣ...
 (Подъ сердце подводитъ)
 Вкругъ взглянула, поглядѣла—
 И на землю сходитъ.
 Некрещенная вкругъ дуба
 Молча поджидаетъ;
 Подхватили молодую—
 И защекотали.
 Долго, долго дивовались
 На ее породу...
 Третьи пѣтлы пропѣли—
 Побросались въ воду.
 Залаясь, взлетая къ небу,

Жаворонокъ звонкій;
 Вотъ кукушка гдѣ-то стала
 Куковать стороной;
 Соловей запѣлъ-защелкалъ...
 Мѣсяцъ потухаетъ;
 Зорька рѣветъ за горою;
 Пахарь напѣваетъ.
 Лѣсъ чернѣетъ за горою,
 Гдѣ враги ходили;
 Засинѣли длиннымъ рядомъ
 Надъ Дитѣпромъ могилы;
 Шелестъ, гулъ пошелъ дубровой;
 Шепчутся былинки...
 А дѣвица спитъ подъ дубомъ
 На краю тропинки.
 Знать, что крѣпко спитъ—не слышитъ
 Гула на разсвѣтѣ,
 Не пытается у кукушки—
 Долго ль жить на свѣтѣ?
 А казакъ межъ тѣмъ изъ лѣса
 Бдетъ—выбѣгаетъ;
 Конь подъ нимъ, какъ воропъ черный,
 Чуть переступаетъ.
 „Изпемогъ ты, знать, товарищъ!
 Скоро—прочь забота:
 Близко хата, гдѣ отворить
 Дѣвица ворота,
 Ужъ, быть можетъ, отворила,
 Да не мнѣ—другому...
 Шибче, конь! несись стрѣлою
 Ты къ селу родному!“
 Притомился конь ретивый,
 Шагъ—и спотыкнется...
 А вкругъ сердца удалого
 Дума змѣемъ вьется.

„Вотъ и онъ, тотъ дубъ кудравый...
 Боже! Катерина!
 Задремала поджидая
 Друга, сиротина!“
 Кинулъ поводъ и къ желанной.
 „Боже Ты мой, Боже!“
 Кличетъ милую, цѣлуешь...
 Не помочь... „За что же,
 Охъ, за что же разлучили
 Насъ они съ тобою?“
 Засмѣялся, разбѣжался—
 Да въ дубъ головою.

Вотъ идутъ жницы въ поле жать,
 Да распѣваютъ идучи:
 Какъ провожала сына мать,
 Какъ бились нехристи въ ночи.
 Идутъ—подъ дубомъ вороной,
 Понутивъ голову, стоитъ,
 Съ нимъ рядомъ парень молодой
 Съ пригожей дѣвицей лежить.
 И къ парню каждая спѣшитъ,
 Чтобы, подкравшись, испугать;
 Вглянули—видятъ, что убить,
 И съ перепугу ну бѣжать.

Собиралися подружки—
 Слезы утираютъ,
 Собиралися сосѣди—
 Ямы имъ копаютъ;
 Шли священники съ крестами...
 Много было звону...
 Схоронили цѣлымъ міромъ,
 Съ честью, по закону,
 И насыпали надъ ними
 Двѣ могилы въ житѣ.

Кто допытываться станетъ,
 Кѣмъ они убиты?
 Посадили надъ удалимъ
 Яворъ и рябину,
 А надъ дѣвицей пригожей
 Красную калину.
 Прилетаетъ къ нимъ кукушка
 Куковать зарями;
 Прилетаетъ соловейко
 Щебетать ночами;
 И поетъ,—покажеть мѣсяцъ
 Встанеть, загорится,
 Да русалки изъ пучины
 Выйдутъ порѣзвиться.

В. Крестовскій.

КАТЕРИНА.

1.

Чернобровья, любитесь,
 Но не съ москалями:
 Москали чужіе люди,
 Помыкають вами.
 Что ему?—шутя полюбить
 И шутя покинетъ:
 Онъ простится и уѣдетъ,
 А она—загинетъ.
 Пусть сама бѣ... еще не горе!
 Пусть!.. а то могила
 Съ нею ждетъ и мать-старуху,
 Что на свѣтъ родила.
 Сердце вянетъ, распѣвая,
 Какъ причину знаетъ;
 Люди сердца не разспросятъ—
 Прямо осуждаютъ.

Чернобровья, любитесь,
 Но не съ москалями:
 Москали—чужіе люди,
 Помыкають вами.

Полюбила Катерина
 Москаля лихова:

Полюбила—не сказала
 Никому ни слова.
 Полюбила молодого;
 По ночамъ ходила
 Въ садъ, пока себя и долю
 Тамъ не загубила.
 Кличетъ ужимать старуха—
 Не докличетъ дочку:
 Гдѣ съ соколикомъ гуляетъ,
 Тамъ проспитъ и ночку.
 Дни и ночи каря очи
 Жарко цѣловала,
 А тѣмъ временемъ дурная
 Слава вслѣдъ бѣжала.
 Пусть позорятъ злые люди—
 Что ей въ томъ позоръ?
 Полюбила—не слыхала
 Какъ подкралось горе.
 Пронеслись дурныя вѣсти—
 Въ трубы затрубили.
 На войну москаль поѣхалъ;
 Дѣвицу покрыли.
 Не печалить Катерину,
 Что коса покрыта:
 Любы слезы, словно пѣсни,
 Если не забыта.
 Обѣщался чернобровый,
 Если цѣль вернется,
 Обѣщался къ ней пріѣхать.
 То-то заживется!
 Будетъ дѣвица московкой,
 Горе позабудетъ...
 А пока—пусть осуждаютъ,
 Пусть смѣются люди.
 Не тоскуетъ Катерина—
 Слезы утираетъ,

Что ее съ собой подружки
 Пѣть не заываютъ.
 Не тоскуетъ Катерина,
 Хоть и плачутъ очи...
 Съ коромысломъ за водою
 Выйдетъ о-поль-ночи,
 Чтобъ враги не увидали;
 Станетъ подъ калиной
 У колодца и про „Гриця“
 Запоетъ съ кручиной.
 И калина плачетъ—столько
 Въ пѣснѣ той печали.
 Воротилася—и рада,
 Что не повстрѣчали.
 Не тоскуетъ Катерина,
 Тяжкихъ думъ не знаетъ—
 У окна въ цвѣтномъ платочкѣ,
 Друга поджидаетъ.
 Поджидала Катерина
 Цѣлые полгода:
 Защемило возлѣ сердца,
 Подошла невзгода.
 Расхворалась Катерина
 Еле-еле дышетъ...
 Чуть оправилась—къ запечку
 И дитя колышетъ.
 А сосѣдки-щебетухи
 Матери толкуютъ,
 Что у дочки, по дороге,
 Москали почуютъ.
 „У тебя красота дочка
 И не одиночка:
 Няньчить, ходить у запечка
 Москаля-сыночка.
 Чернобровымъ завелася...
 Вывстѣ, знать, грѣшили...“

Чтобъ васъ вѣдьмы, щебетухи,
 Злыдни задавили.
 Катерина, разразилась
 Горе надъ тобою!
 Гдѣ ты голову приклонишь
 Съ малымъ сиротою?
 Кто разспроситъ, приголубитъ
 Въ свѣтѣ безъ милова?
 Мать, отецъ—чужіе люди:
 Тяжко это слово!
 Вотъ оправилась бѣдняжка—
 Подойдетъ къ окошку,
 И все няньчится съ ребенкомъ,
 Смотритъ на дорожку.
 Смотритъ—нѣтъ да нѣтъ милова...
 Можетъ, и не будетъ?
 Въ садъ поплакать бы сходила.
 Да увидетьъ люди.
 Ночь настанетъ—Катерина
 По саду гуляетъ,
 На рукахъ качаетъ сына,
 Горе повѣряетъ:
 „Здѣсь его я поджидала
 Вечеромъ, бывало,
 Тутъ клялись... а тамъ... сыночекъ...“
 И не досказала.
 Зацвѣли въ саду черешни,
 Зацвѣла калина;
 Какъ бывало, въ садъ зеленый
 Вышла Катерина.
 Вышла, только не поется
 Бѣдной, какъ бывало,
 Какъ въ саду вишневомъ ночью
 Друга поджидала.

Не поется чернобровой—
 Проклинаетъ долю.
 А межъ тѣмъ враги смѣются,
 Потѣшаясь вволю,
 Распускають злыя рѣчи—
 Бѣдной не оставлять...
 Если бѣ милый—онъ сумѣлъ бы
 Ихъ молчать заставить;
 Но далеко чернобровый—
 Сердцемъ не почуветь,
 Какъ враги надъ ней смѣются,
 Какъ она горюетъ.
 Можетъ спать онъ за Дунаемъ
 Подъ сырой землею,
 Аль въ Московщинѣ слюбился
 Съ дѣвицей иною?
 Нѣтъ, онъ живъ, здоровъ и веселъ—
 Онъ не пролилъ крови...
 Гдѣ жъ найдетъ такія очи
 И такія брови?
 Нѣтъ въ Московщинѣ—пройди хоть
 Всю ее до моря—
 Нѣтъ такой, какъ Катерина,
 А живетъ на горе...
 Мать сумѣла дать ей брови
 И глаза на диво,
 Не сумѣла только сдѣлать
 Дѣвицу счастливой.
 А краса безъ доли, счастья,
 Что цвѣточекъ въ полѣ:
 Сушить солнце, стрелить вѣтеръ,
 Каждый вѣтъ по волѣ.
 Лей же слезы, Катерина,
 Въ хижинѣ убогой:
 Ой, москальки вернулись,
 Да не той дорогой.

2.

За столомъ сидитъ родимый—
 На руки склонился.
 Не глядитъ на свѣтъ онъ Божій:
 Сердцемъ истомился.
 Рядомъ мать сидитъ старуха—
 Старая-сѣдая—
 И, сквозь слезы, еле слышно
 Говорить, вздыхая:
 „Что же свадьба, Катерина?
 Гдѣ женихъ твой—пара?
 Гдѣ подруги, сваты, дружки,
 Староста, бояра?
 Знать въ Московщинѣ! Иди же
 Къ нимъ, когда посмѣешь,
 Да не сказывай дорогой,
 Что ты мать имѣешь.
 Видно въ день и часъ проклятый
 Я тебя родила!
 Если бѣ знала, до восхода
 Солица утопила:
 Пусть бы гадина сглодала—
 Не москаль поганый!
 Ой, дитя мое родное,
 Цвѣтикъ мой румяный!
 Точно ягодку, какъ пташку
 Нѣжила, растила—
 На бѣду, знать... Такъ-то, дочка,
 Мнѣ ты отплатила!
 Ну, иди же—на чужбинѣ
 Поищи свекрухи,
 Если слушать не хотѣла
 Матери-старухи!

Поищи ее: отыщешь—

Крѣпко приласкайся!

Будь счастлива межъ чужими,

Къ намъ не возвращайся—

Никогда не возвращайся

Изъ чужого края!

Кто-то мнѣ глаза закроетъ,

Безъ тебя, родная?

Кто меня здѣсь пожалѣетъ

Въ людяхъ сиротину?

Кто посадить на могилѣ

Красную калину?

Кто помянетъ—кто молиться

Будетъ надо мною?

Ой, ты, дочка дорогая,

Дитятко родное...

Ну, иди жь..."

Благословила:

„Богъ съ тобой, родная“.

И на лавку повалилась,

Будто не живая.

Всталъ отецъ и молвилъ: „съ Богомъ!

Съ Богомъ, сиротина!“

Зарыдала и упала

Въ ноги Катерина:

„Ты прости меня, родимый,

Въ чемъ я согрѣшила!

Не кляни меня ты бѣдной,

Если опостыла!“

„Пусть Господь тебя и люди

Добрые прощаютъ!

Помолись—и въ путь-дорогу...

Сердце зла не знаетъ!“

Еле встала, поклонилась,

Вышла со слезами

И старикъ съ своей старухой

Стали сиротами.

Вышла въ садикъ, помолилась,

Горсть земли набрала

И на крестъ ее въ мѣшочкѣ

Крѣпко навязала.

„Не вернусь, проговорила:

Далеко умру я—

И чужіе закопаютъ

Въ землю мнѣ чужую;

А своя—щепотка эта—

Надо мною ляжетъ,

И про долю, и про горе

Добрымъ людямъ скажетъ...

Не рассказывай, голубка,

Гдѣ бъ ни схоронили,

Чтобы грѣшницу по смерти

Люди не бранили!

Ты не скажешь—вотъ кто скажетъ,

Кто его родная?

Боже мой, куда я дѣнусь,

Убѣгу куда я?

Я сама, дитя родное,

Спрячусь подъ водою,

Ты же грѣхъ мой отстрадаешь

Въ людяхъ сиротою,

Безъ отца!“ Пошла деревней—

Плачетъ Катерина;

Повязалася платочкомъ

И глядитъ на сына.

За деревней оглянулась—

Сердце въ ней заняло—

Покачала головою

И заголосила.

Стала въ полѣ при дорогѣ,
 Словно тѣ березы;
 Какъ роса передъ зарею,
 Попилился слезы.
 Изъ-за слезъ изъ-за горючихъ
 Бѣла дня не чуетъ,
 Только сына обнимаетъ,
 Плачетъ, да цѣлуетъ.
 А ребенокъ точно ангелъ,
 Ничего не знаетъ:
 Къ груди крохотной ручонкой
 Тянется, хватается.
 Солнце сѣло; за дубравой
 Зорька догораетъ...
 Отвернулась—и въ дорогу...
 Вотъ ужъ чуть мелькаетъ...
 На селѣ еще сосѣдки
 Долго толковали,
 Но ни мать, ни старый батько
 Ихъ ужъ не слыхали.

 Такъ-то съ ближними на свѣтѣ
 Люди поступаютъ!
 Рѣжутъ, тѣшатся... иной же
 Самъ себя терзаетъ.
 А за что? Господь ихъ знаетъ.
 Свѣтъ, кажись, широкой.
 А въ немъ мѣста не отыщешь
 Странникъ одинокой.
 Одному отмѣрить доля
 Съ краю и до краю;
 А другому лишь оставить
 То, гдѣ закупаютъ.
 Гдѣ жъ тѣ люди, гдѣ жъ тѣ братья,
 Съ кѣмъ мы такъ желали
 Жить, кого любить собирались?

Сгинули, пропали!
 Есть на свѣтѣ доля—
 Съ кѣмъ она спозналась?
 Есть на свѣтѣ воля—
 Да кому досталась?
 Есть на свѣтѣ люди—
 Золотомъ сияютъ,
 Кажется, чего бы—
 Долошки не знаютъ.
 Ни доли, ни воли!
 Карстанъ надѣваютъ
 Съ кручиной, а плакать—
 Такъ стыдъ запрещаетъ.
 Золото возьмите,
 Будьте имъ богаты,
 Мнѣ же—дайте слезы
 Выплакать утраты.
 Затоплю недолю
 Частыми слезами,
 Затопчу неволю
 Босыми ногами!
 Тогда я богатый,
 Тогда я довольный—
 Какъ сердце взыграетъ
 Касаткою вольной.

3.

Стонутъ совы; спать дуброва;
 Звѣздочки сияютъ;
 По окраинамъ дороги
 Суслики играютъ.
 Люди добрые уснули:
 Каждого стоило
 Или счастье, или слезы—
 Ночка все покрыла.

Всѣхъ покрыла, словно дѣтокъ
Мать, когда уснули...

Гдѣ жъ уснула Катерина:

Въ хатѣ ли, въ лѣсу ли?

Сына въ полѣ, подъ копною,

Тѣшитъ, забавляетъ,

Аль въ лѣсу изъ-за колоды

Волка выжидаетъ?

Пропадайте, черны брови!

Лучше не родиться,

Чѣмъ такой бѣдою въ жизни

Изъ-за васъ платиться.

Что-то дальше повстрѣчаетъ?

Тяжко будетъ, тяжело.

Зной, пески, чужіе люди

Ждутъ тебя, бѣдняжка!

Встрѣтитъ стужа; но желанный

Встрѣтитъ ли—кто знаетъ:

Приласкаетъ ли бѣдняжку,

Нѣтъ ли—все бываетъ!

Нѣтъ! съ нимъ дѣвица забудетъ

Зной, пески, кручину:

Онъ, какъ мать, какъ братъ, привѣтуетъ

Встрѣтитъ Катерину.

Все увидимъ, все услышимъ!

А пока немного

Отдохнемъ, да поразспросимъ

На Москву дорогу.

Дальній путь! Дорогу эту

Знаю, братцы, знаю!

Даже сердце замираетъ,

Какъ припоминаю.

Вымѣрялъ и я когда-то—

Чтобъ ее не мѣрить!

Разскажалъ бы я про горе,

Только не повѣрять!

Скажутъ: „лжеть онъ!“ да и станутъ

За глаза порочить:

„Вишь разсказываетъ сказки,

Да людей морочить!“

Правда, братцы, ваша правда!

Для чего предъ вами

Стану горе да кручину

Выливать слезами?

Знать, печали да заботы

Каждому не диво...

Ну ихъ къ бѣсу!.. Лучше дайте

Трубку да огниво,

Чтобы, знаете, родные

Дома не крушились.

Что разсказывать про бѣды!

Развѣ, чтобъ приснились!

Ну ихъ къ бѣсу! Лучше взглянемъ,

Что-то, той порою,

Сталось съ нашей Катериной,

Съ малымъ сиротою.

За Дняпромъ, дорогой въ Кіевъ,

Идутъ темнымъ боромъ

Чумаки, родную пѣсню

Распѣвая хоромъ.

Ввстрѣчу имъ идетъ молодка:

Видно, съ богомолья.

Что жъ глаза у ней припухли?

Али отъ бездожья?

Въ свиткѣ худенькой, въ заплатахъ,

Въ лаптяхъ и съ клюкою;

На рукахъ ея ребенокъ,

Узелъ за спиною,

Повстрѣчалась съ чумаками,
Мальчика прикрыла.
„Какъ въ Москву пройти мнѣ, братцы?“
Ихъ она спросила.

— „Прямо, прямо, молодница!
А куда дорога?“

— „Да въ Москву иду. Подайте
Бѣдной, ради Бога!“

Дали грошъ ей. Задрожала:
Тяжко братъ ей, тяжело!
И зачѣмъ ей?.. А ребенокъ?
Жаль его бѣдняжки!

Зарыдала, поплелася;
Въ Броворахъ немного
Отдохнула, да купила
Пряникъ на дорогу.
Долго, долго, горемыка
Шла, разузнавала...
А случалось—подъ заборомъ
Съ сыномъ почевала.

Видите ль, на что ей очи пригодились:
Чтобъ изъ нихъ рѣкою слезы лились, лились.
Слушайте и каитесь, красныя дѣвицы,
Чтобъ не довелось плакать и томиться.
Чтобъ не довелось мужа на чужбинѣ
Вамъ искать, какъ нашей бѣдной Катеринѣ.

Тогда не пытайтесь развѣдать, узнать.
За что не пускаютъ въ избу ночевать!

Не пытайтесь развѣдать—
Люди вѣдь не знаютъ:
Тѣхъ, кого Господь караетъ,
И они караютъ...

Люди гнутся, точно лозы,
Вѣтеръ чуть повеетъ.
Солнце свѣтитъ сиротинѣ—
Свѣтитъ, да не грѣетъ...
Люди бьютъ солнце заступили,
Если бы можно было,
Чтобы сиротѣ не свѣтило,
Слезы не сушило.
А за что, за что не знаетъ
Бѣдная отрады?
Чѣмъ она не угодила?
Что имъ, людямъ, надо?
Чтобы плакала!.. Не плачь же,
Сердце-Катерина!
Пусть не видятъ слезъ тѣхъ люди!
Прочь змѣя-кручина!
А чтобъ личико не блекло
Съ черными бровями,
До зари въ лѣсу дремучемъ
Вымойся слезами.
И никто тогда бѣдняжку
Лихомъ не помянетъ;
А пока струятся слезы,
Сердцу легче станетъ.
Но не лучше ль намъ вернуться
Къ нашей Катеринѣ
И взглянуть, какъ ей живется,
Круглой сиротинѣ.
Подъ плетнями почевала,
На зарѣ вставала—
И такъ шла все дальше, дальше...
Глядь—зима настала,
Свищетъ вѣтеръ, стонетъ вьюга,
А она въ убогой
Свиткѣ и лаптяхъ плетется
Снѣжною дорогой.

Чуть ступаетъ... Вдругъ мелькнуло!

Глянула—блѣднѣть:

Москали идутъ дорогой....

Горе! сердце млѣть!...

Повстрѣчала. „Не слышали ль...“

Говорить—случаемъ,

Гдѣ Иванъ мой чернобровый?“

Тѣ ей: „Знать не знаемъ!“

И, какъ водится, солдаты

Шутять да смѣются:

„Ай да баба! ай да наши!“

Всюду доберутся!“

Посмотрѣла Катерина:

„Охъ, ты доля, доля!..“

Ты не плачь, мой горемычный!

Видно, Божья воля!..

Побреду—ходила больше...

Можетъ и найду я:

Передамъ тебя, голубчикъ,

А сама умру я“.

Воетъ вьюга, стонетъ вьюга,

По полю гуляетъ.

Катерина среди поля

Слезы проливаетъ.

Уходилась злая вьюга—

Еле повѣвала...

Все бы плакала бѣдняжка,

Только слезъ не стало.

Посмотрѣла на ребенка:

Политый слезою,

Рдѣть крошка, какъ цвѣточекъ

Утромъ подъ росою.

Усмѣхнулась Катерина,

Горько усмѣхнулась:

Возлѣ сердца лютымъ злѣемъ

Горе шевельнулось.

Осмотрѣлась Катерина,

Видитъ—лѣсъ мернѣть,

А подъ лѣсомъ, у дороги,

Огонекъ свѣтлѣть.

„Ну пойдѣмъ же, можетъ, пустятъ

Въ хату насъ съ тобою;

А не пустятъ—заночуемъ

Въ полѣ, подъ межою;

Подъ избою заночуемъ—

Мѣста намъ достанетъ...

Гдѣ-то будешь ночевать ты,

Какъ меня не станеть?

Ты съ собаками дружишь—

Право, лучше будетъ!

Если злыя—покусаятъ...

Все же не осудятъ...

Съ ними ѣсть и пить придется

Моему Ивашу...

Охъ, ты доля, моя доля!

Что я дѣлать стану?“

4.

Свищетъ вѣтеръ, стонетъ вьюга;

По лѣсу завыво;

Словно море, бѣлымъ снѣгомъ

Поле обложило.

Изъ избы лѣсничій вышелъ;

Чтобъ пройти дозоромъ—

Такъ куда ты! зги не видно:

Такъ и свищетъ боромъ.

— „Эге-ге, какая вьюга!
Нѣтъ, тутъ не до лѣсу...
Лучше въ хату... Что такое?
Э, да ну ихъ къ бѣсу!
Вѣдь несетъ же вражья сила,
Будто и за дѣломъ.
Какъ ихъ снѣгомъ-то... Никифоръ,
Глянь-ко—точно въ бѣломъ“.

— „Москали?... да гдѣ?... да гдѣ же?“

— „Что ты, Богъ съ тобою!“

— „Гдѣ они, мой голубь сизый?“

— „Вонъ идутъ межою“.

Побѣжала Катерина,
Вихремъ понеслася.

— „Знать Московщина бѣдняжка!
Солоно приплася!
По ночамъ—одно и знаетъ—
Москаля все кличетъ“.

Черезъ пни бѣжитъ бѣдняжка
Еле-еле дышитъ.
Добѣжала... утираетъ
Слезы рукавами.
Ей навстрѣчу выѣзжаютъ
Москали рядами.
„Охъ, ты доля, моя доля!“
Къ нимъ... глядитъ—узнала:
Впереди всѣхъ ѣдетъ старшій.
„Милый!“ закричала:

„Мой Иванъ, мой ненаглядный!
Что жъ ты не вернешься?“
И къ нему... хватаетъ стремя...
Старшій оглянулся—
И коня въ бока толкаетъ.

„Что жъ ты уѣзжаешь?
Аль забылъ меня, желанный?
Аль не распознаешь?
Погляди: я Катерина,
Я твоя, мой милый!
Что жъ ты стремя вырываешь
У меня—постылой?“

А онъ будто и не видитъ—
Все коня торопить.
„Посмотри—ужъ я не плачу“
Катерина вопить:
„Не узнать меня, мой милый?
Посмотри, взгляди:
Я, ей-Богу, Катерина!“
— „Дура, отвяжися!
Прочь безумную! возьмите!“

— „Боже! отказался!
Хочешь бросить Катерину...
А не ты ли клялся?“

— „Да возьмите жъ! Что стоите?“

— „Какъ, ты прогоняешь?
Да за что жъ, скажи, мой голубъ?
На кого оставишь
Катерину, что бывало,
Въ садъ къ тебѣ ходила,
Что тебѣ малютку-сына,

Скорбная родила?
 О, мой соколь ненаглядный!
 Ты хоть не гнушайся!
 Я твоей батрачкой буду...
 Ты жь съ другой спознайся,
 Съ цѣлымъ свѣтомъ... Я забуду,
 Что счастливы были,
 Отъ тебя имѣла сына,
 Что меня покрыли...
 Стыдь-то, стыдь-то! И за что мнѣ
 Гибнуть безталанной?
 Ты покинь меня, но сына
 Не кидай, желанный!
 Не покинешь? Не бѣги же
 Отъ меня, мой милый!
 Принесу тебѣ я сына“.

Стремя опустила—
 И въ избушку. Воротилась,
 Обнимаетъ сына,
 Неповитый, неодѣтый,
 Плачетъ сиротина.

„Посмотри—вотъ онъ, желанный!
 Гдѣ жь ты?—схоронился!
 Онъ уѣхалъ... Сына, сына
 Бросилъ, отступился!
 Боже мой! куда я двинуся,
 Дитятко, съ тобой?...
 Люди добрые, возьмите
 Бѣднаго съ собою:
 Не гнушайтесь имъ, родные—
 Онъ вѣдь, сиротина!
 Ой, возьмите—и отдайте
 Старшему за сына,

А не то—и я покину,
 Какъ отецъ покинулъ:
 Чтобъ его не покидала
 Горькая судьбина!
 Ой, грѣхомъ на свѣтъ, мой цвѣтикъ,
 Мать тебя родила—
 Выростай же на смѣхъ людямъ!“
 (Взвѣсь положила).
 „Посиди отца по свѣту—
 Я ужъ поискала“.
 И съ дороги, какъ шальная,
 Въ лѣсъ—и убѣжала.
 Плачетъ мальчикъ... Москали же—
 Что имъ—миновали...
 Что жь, и лучше! Да на горе
 Люди услышали.
 Вотъ ужъ ночь, а Катерина
 По лѣсу блуждаетъ,
 Проклинаетъ долю злую,
 Стоветъ и рыдаетъ.
 Но вотъ вышла на поляну,
 Глянула—спустилась
 Внизъ, къ пруду, взглянула въ прорубь
 И остановилась.

„Упокой, Господь, мнѣ душу,
 Вы жь—примите тѣло,
 Воды темныя!“—и въ прорубь...
 Только зашумѣло
 Подо льдомъ.

Нашла бѣдняжка
 То, чего искала.
 Прощумѣлъ, пронесся вѣтеръ—
 И слѣда не стало.

То не вѣтеръ, то не буйный,
 Что дубы ломаютъ;
 То не горе, что родная
 Рано умираетъ;
 Та семья не стала сирой,
 Что похоронила
 Мать свою: у ней остались
 Имя и могила.
 Насмѣются злые люди—
 Сироту осудятъ:
 Выльетъ слезы на могилу,
 Горе позабудетъ.
 А тому, тому на свѣтѣ,
 Что тому осталось,
 Кто отца въ глаза не видѣлъ,
 Мать же—отказалась?
 Что безродному осталось?
 Люди злы и строги!
 Ни родни, ни теплой хаты...
 Трудъ, пески, дороги...
 Брови, личико—на диво..
 Что въ нихъ? Чтобъ узнали!
 Расцвѣтила, не укрыла...
 Лучше бъ полиняли!

5.

Шелъ кобзарь въ престольный Кіевъ,
 Шелъ—и съѣлъ дорогой.
 Съ нимъ вожакъ. Онъ весь обвѣшанъ
 Сумками, убогой.
 Мальчуганъ прилежъ—и дремлетъ,
 Дремлетъ, засыпаетъ;
 А кобзарь-слѣпецъ „Ісуса“
 Тихо напѣваетъ.

Подаютъ—кто грошъ, кто хлѣба
 Край—никто не мнѣетъ:
 Всякъ—слѣпому, а молодка—
 Та малюткѣ кинетъ.
 „И босой-то онъ, и голый!“
 Думаетъ молодка:
 Есть краса, да нѣту счастья,
 Потому—сиротка!“
 Экипажъ, дорогой въ Кіевъ,
 Ъдетъ шестернею.
 Въ экипажѣ ѡдетъ баринъ
 Съ молодой женою.
 Ъдетъ—вдругъ остановился:
 Взвились клубы пыли.
 Подбѣжалъ Ивасъ: въ окошко
 Крошку поманили.
 Бросивъ грошъ, она малюткой
 Бѣднымъ занялася.
 Баринъ глянулъ—отвернулся:
 Онъ узналъ Ивася!
 Онъ узналъ соболя брови
 И соколя очи;
 Онъ узналъ въ малюткѣ сына,
 Да признать—нѣтъ мочи.
 — „Какъ зовутъ тебя?“ — „Ивасемъ!“
 „Прелесть?“ проронила...
 Пыль взвилась изъ-подъ дормеза
 И малютку скрыла.
 Бѣдняки сочли подачку,
 Помолились Богу,
 Помолились и пустились
 Снова въ путь-дорогу.

Н. В. Гербель.

ГАЙДАМАКИ.

Все идетъ, проходитъ, безъ конца, безъ краю.
Гдѣ жъ оно дѣвалось? и отколѣ взялось?
И мудрецъ и глупый „ничего не знаю“,—
Можетъ лишь отвѣтить на такой вопросъ.
То цвѣтеть, то вянуть—и навѣки вянуть
И сухіе листья вѣтеръ разнесетъ.
А надъ всѣмъ тѣмъ солнце какъ и прежде
встанетъ,

Зорька золотая, какъ всегда, всплыветъ;
А за нею слѣдомъ и ты, свѣтлоликій,
На твердь голубую выйдешь погулять,—
Въ малый ручеечекъ, въ океанъ великій
Станешь ты глядѣться и равно сіять,
Какъ надъ Вавилономъ и его садами.
Такъ надъ тѣмъ, что будетъ съ нашими сынами.
Въченъ безъ конца ты! Любо мнѣ съ тобой
Рѣчь повесть, какъ будто съ братомъ или сестрой.
Думой подѣлиться, лишь тобою внушенной;
Молви же мнѣ, мѣсяцъ, молви благосклонно,—
Куда же дѣваться мнѣ съ моей тоской?
Я не одинокій, я не сирота, вѣдь,
У меня есть дѣти—ихъ куда дѣвать?
Взять ли ихъ съ собою въ тѣсную могилу,—
Грѣхъ живую душу въ землю законать.
Можетъ быть ей легче бѣ на томъ свѣтѣ стало,

Если бы прочелъ кто тѣ слезы-слова,
Въ нихъ она когда-то горе изливала,
И надъ ними часто слеза проливалась...—
Нѣтъ не закопаю: грѣхъ—душа жива.
Гдѣ жъ найти ей выходъ, миновавъ могилу?
Безъ отвѣта тяжко, горько умереть!
Дѣвушки, поймите,—вамъ понять подѣ силу;
Алые цвѣточки,—васъ она любила,
Счастія у Бога вамъ она просила
И про вашу долю такъ любила пѣть!
А рока ложитесь, дѣти, почивать,—
Дайте мнѣ подумать, куда васъ дѣвать.

Дѣти мои, гайдамаки,—
Свѣтъ широкъ, какъ воля!
Разгуляйтесь, мои дѣтки,
Поищите долю.
Сыновья мои родные,
Кто васъ приголубитъ?
Безъ родной на бѣломъ свѣтѣ
Кто же васъ полюбитъ?
Вы сынки мои, орлята,
Мчитесь къ Украинѣ,
Если вамъ и плохо будетъ,
Такъ не на чужбинѣ.
Тамъ найдутся вамъ родные,
Тамъ васъ приголубятъ!..
Здѣсь же... тяжко, тяжко, дѣти,—
Здѣсь, вѣдь, васъ не любятъ.
Если даже пустятъ въ хату,
Будутъ насмѣхаться:
Все ученый людъ,—поправить
Солнца не боятся.
Не оттуда будто всходишь,
И не ярко свѣтишь.
Надо вотъ бы какъ!.. На это

Что ты имъ отвѣтишь?
 Надо слушать,—можетъ вправду
 Солнышко не ладно
 Свѣтитъ,—все народъ ученый,—
 Спорить съ нимъ накладно.
 А запой про нашу славу,—
 Рты они разинутъ,
 Поглядятъ, да посмѣются,
 И подъ лавку кинутъ.

Пусть покамѣсть почиваютъ,
 Пока батька встанетъ,
 Тотъ по нашему навѣрно
 Гетмановъ вспомнеть,
 А то глупый разсказалъ намъ
 Мертвыми словами
 И какого-то Ярему
 Вывелъ передъ нами.
 И въ лаптяхъ и въ свиткѣ!—Дурень,
 Мало ли что было,—
 Отъ казачества, гетманства
 Высоки могилы
 Только въ свѣтѣ и остались,
 Да и тѣ разрыты,
 А ты хочешь удивить насъ
 Стариной забытой!—
 Трудъ напрасный, пане-брате,
 Коли хочешь грошей,
 Или славы пожелаешь,
 Пой-ка про Матрешу,
 Про Парашу—радость нашу,
 Про султана, да шпоры.
 Вотъ бы какъ! А то затынешь:—
 „Ходятъ воды—горы...“
 Самъ запячешь,—за тобою
 Весь тотъ людъ сермяжный,

Что тебя послушалъ, вначеть...
 — Правда, баринъ важный,—
 Очень теплы ваши шуны,
 Не по пасъ, жадъ, шиты,
 А разумные совѣты
 Брехнею подбиты.
 Говори ты, убѣждай ты,—
 Слушать я не буду:
 Гдѣ со мною, дурнемъ, ладить
 Разумному людю!
 И пойду я, дурень бѣдный,
 Къ хатѣ моей старой,
 Запою я, зарыдаю,
 Какъ ребенокъ малый;
 Запою, какъ море стонетъ,
 Да какъ вѣтеръ ходитъ,
 Степь чернѣетъ, а могила
 Съ вѣтромъ рѣчь заводитъ.
 Запою я,—развернется
 Старая могила,
 Степь покроетъ вплоть до моря
 Запорожцевъ сила.
 Выступаютъ атаманы
 Передъ бунчуками,
 А Днѣпровскіе пороги
 Между берегами—
 Воютъ, стонутъ,—разсердились,
 Пѣнятся, бушуютъ!..
 Даже дивно слушать! Встану
 Да у нихъ спрошу я:
 „Что вы, старые, ревете?“
 — „Не весело, сыне,—
 Крѣпко батька-Днѣпръ серчаетъ,
 Горько Украинѣ!“
 Я заплачу... Предо мной же
 Пышными рядами

Выступаютъ атаманы,
 Сотники съ полками,
 А за сотниками слѣдомъ—
 Гетманы— все въ златѣ;
 Вотъ пришли и всей громадой
 Сѣли въ моей хатѣ;
 Сѣли вокругъ меня,—заводятъ
 Про Украину рѣчи,
 Про бывшее вспоминаютъ,—
 Про раздолье Сѣчи;
 Вспоминаютъ, какъ казаки
 По морю гуляли,—
 Чрезъ Днѣпровскіе пороги
 Челноки пускали,
 Какъ по синему гуляли,
 Грѣлися въ Скутари,
 Какъ закуривали трубки
 Въ Польшѣ на пожарѣ...
 А вернувшись, пиръ горою
 Заведутъ казаки.
 „Лей, шинкаръ! Играй, кобзарь, намъ!“
 Гикаютъ гуляки;
 И шинкаръ имъ подливаетъ—
 Ужъ не отвернется;—
 Подъ ногами запорожцевъ
 Островъ весь трясется...
 — Гуляй, баринъ безъ кафтана,
 Гуляй, вихрь залетный!
 Лей, шинкаръ! Играй, кобзарь нашъ,
 Вольно, беззаботно!
 Руки въ боки—и въ присядку
 Парубки съ дѣдами...
 Вотъ такъ, дѣтки;—славно, дѣтки,—
 Будете панями!
 Атаманы на пирушкѣ,
 Словно средь совѣту,

О дѣлахъ ведутъ бесѣду,
 Но терпѣнья нѣту
 Казакамъ,—засѣмелили
 Старыми ногами,
 Какъ взгляну я, посмотрю я,—
 Засмѣюсь съ слезами!..

И гляжу, смѣюсь я, слезы утираю...
 Есть съ кѣмъ жить на свѣтѣ,—я не одинокъ:
 Въ хатѣ моей бѣдной, какъ въ степи безъ краю
 Вольныхъ запорожцевъ бушуетъ потокъ.
 Въ хатѣ моей бѣдной море завываетъ,
 Чернѣютъ могилы, шепчутъ тополя,
 Дѣвушка тихонько „Гриця“ напѣваетъ...
 Есть съ кѣмъ жить на свѣтѣ—не одинъ здѣсь я!..

Такъ вотъ въ чемъ мое богатство,
 Вотъ гдѣ моя слава,
 За совѣтъ... спасибо, люди,
 За совѣтъ лукавый.
 На всю жизнь довольно будетъ
 Вашего мнѣ слова,
 Чтобъ тоску и слезы вылить.
 Будьте же здоровы!..
 Провожу васъ въ путь далекій,
 Дорогія дѣти,—
 Можетъ, стараго казака
 Сыщете на свѣтѣ,
 Что васъ бѣдныхъ приглубить
 Теплыми слезами,—
 Мнѣ и будетъ;—и скажу я:
 „Панъ я надъ панями!“

.
 Вотъ какъ, у стола присѣвши,
 Вашъ отецъ гадаетъ,—
 Кто повесть васъ согласится?
 На дворѣ свѣтаетъ:
 Мѣсяцъ гаснетъ; блещетъ солнце;

Гайдамаки встали
 И толпою окружили
 Старика.—Въ печали,
 Словно бѣдныя сироты,
 Молча обступили:
 „Дай, отецъ, благословенье,
 Пока еще въ силѣ;
 Отпусти искать насъ счастье
 На широкомъ свѣтѣ!“
 — Эй, смотрите,—свѣтъ—не хата,
 А вы малы дѣти,
 Неразумныя; кто будетъ
 Васъ учить, бѣдняжки?—
 Наставлять?.. Бѣда мнѣ съ вами,
 Горько мнѣ и тяжело!
 Я растилъ васъ и лелѣялъ,
 И любилъ не мало,
 Въ люди вывелъ; тамъ теперь все
 Грамотное стало.
 Я училъ васъ очень мало,—
 Потому что били,
 Много били меня, только
 Мало научили.
 Буки-азъ-ба,—только знаю
 Ну и твердо, слово...
 Надо будетъ за васъ, дѣти,
 Попросить другого.
 Правда, есть отецъ названный,
 (У меня родного
 Нѣтъ давнымъ давно на свѣтѣ)—
 Онъ вамъ скажетъ слово,
 Какъ вамъ въ жизни встрѣтить надо
 Горе да невзгору;
 У него душа живая,
 Казацкаго роду.
 Не стыдится онъ тѣхъ пѣсенъ,

Что мать напѣвала,
 Не стыдится рѣчи той, что
 Въ дѣтствѣ съ нимъ болтала;
 Не стыдится тѣхъ сказаній
 О житиѣ старинномъ,
 Что слѣпой старикъ печально
 Намъ поетъ подъ тыномъ.
 Любитъ онъ о нашей славѣ
 Дорогую сказку,—
 Любитъ!.. Сходимъ къ нему, дѣти,
 Да попросимъ ласки.
 Если бъ онъ мнѣ, какъ родному,
 Не помогъ въ кручинѣ,—
 Я подъ снѣгомъ спалъ бы крѣпко,
 Вѣчно на чужбинѣ.
 Закопали бъ и сказали:
 „Быль негодный!“—Знаю;
 Но за что меня не любятъ?—
 Вотъ не отгадаю.
 Все прошло. Не вспоминать бы!..
 Такъ пойдёмъ, ребята,—
 Коль онъ мнѣ не далъ погибнуть
 И любилъ, какъ брата,—
 Приметь онъ и васъ съ привѣтомъ,
 Какъ родныхъ. Оттолѣ,
 Помолившись, вы ищите
 Въ Украинѣ доли.
 День же добрый, батько! Въ хатѣ,
 На твоёмъ порогѣ
 Дай сынкамъ благословенье
 Къ далекой дорогѣ...

Интродукція.

Былъ когда-то шляхтичъ вольнымъ,
 Былъ онъ славнымъ паномъ,—
 Силой мѣрялся съ Москвою,
 Съ Ордою, съ султаномъ,
 Или съ нѣмцемъ. Былъ когда-то,—
 Но что не минуетъ?
 Прежде, чванится, знай, шляхта,
 День и ночь пируетъ;
 Хорошо подвохи строить—
 Не скажу—Стефану
 Иль Собѣсскому—двухъ этихъ
 Я считать не стану
 Всѣхъ же прочихъ... Бѣдняки же
 Молча управляли;
 Сеймы, сеймики гремѣли;
 Сосѣди молчали,
 Да глядѣли всѣ, какъ въ Польшѣ
 Жить король не хочетъ,
 Или слышали, какъ шляхта
 На сеймахъ гогочетъ:
 „Не позволимъ, не позволимъ!“
 Паны повторяютъ;
 А магнаты палать хаты,
 Сабельки гуляютъ.
 Долго, долго такъ велось,—
 Наконецъ въ Варшаву
 Королемъ пріѣхалъ Польскимъ
 Понятовскій бравый.

Задумалъ шляхту взять онъ въ руки,
 За дѣло взялся горячо,

Онъ, какъ отецъ, добра желалъ имъ,
 А можетъ и чего еще.
 Онъ только слово—„не позволимъ!“
 Хотѣлъ у шляхты отобрать,
 Но вдругъ вся Польша запылала,
 Поднялась шляхта, ну—кричать
 „Гонору—слово! Дарма праца!“
 Наемникъ гнусный москаля!
 На зовъ Пулацкаго и Паца
 Встаютъ шляхтецкая земля
 И разомъ сто конфедераций...

Разорелись конфедераты
 Въ Польшѣ и въ Волини,
 По Литвѣ, въ краю Молдавскомъ,
 И по Украинѣ.

Разбредись, да и забыли
 За свободу драться;
 Стали жечь они и грабить
 Да съ жидами знаться.
 Жгли они и разрушали,
 Церквами топили,
 А тѣмъ часомъ гайдамаки
 Ножи освятили!..

Галайда.

— „Ярема! Слышь, отродье Хама!
 Ступай и приведи коня,
 Подай для барыни ботинки,
 Воды наносишь для меня!
 Потомъ, какъ приберешься дома,
 Посынь индѣйкамъ и гусямъ,

Коровѣ постели солому...
 Да торопись скорѣе, Хамъ!
 Управившись, сходи въ Вильшаны,
 Такъ нужно барынѣ"... И вотъ
 Ярема бѣдный мой идетъ.
 Такъ утромъ рано жидъ поганый
 Надъ казакомъ повелѣвалъ;
 Ярема гнулъся,—онъ не зналъ,

Не чувствовалъ, бѣдный, онъ выросшихъ крылій,
 Не зналъ, что взлетитъ онъ, лишь крылья развить;
 Не зналъ, покорялся... О, Боже мой милый,—
 Жить тяжело на свѣтѣ, а хочется жить!
 Хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
 Хочется слышать, какъ море играетъ,
 Какъ птичка щебечетъ, какъ чаща гудеть,
 И какъ чернобровая въ чащѣ поетъ...
 О, Боже мой милый, какъ весело жить!..

Сирота Ярема, сирота убогий,—
 Ни сестры, ни брата, ни души родной!
 Онъ батракъ жидовскій, выросъ у порога,
 Не клянеть людей онъ, ладитъ онъ съ судьбой.
 Что ихъ клясть? Не знаютъ
 Кого приголубить, а кого казнить.
 Пусть себѣ пируютъ! Что даетъ имъ счастье,
 Сиротѣ-то надо самому добыть!
 Онъ порой заплачетъ,—тихо слезы льются,—
 Но не отъ того, что сердце грусть гнететъ:
 Что-нибудь припомнить, что-нибудь увидеть,
 И вновь за работу;—вотъ такъ жизнь идетъ!
 Для чего жъ родные, для чего жъ палаты,—
 Если друга въ жизни сердцу не имѣть?
 Сирота Ярема, сирота богатый:
 Есть съ кѣмъ и поплакать, есть съ кѣмъ
 пѣсню спѣть.

Есть карія очи, какъ зорьки сіютъ,
 И бѣлыя руки его обнимаютъ,
 И дѣвичье сердце въ отвѣтъ ему бьется...
 По волѣ Ярема груститъ и смѣется.

Вотъ такой-то мой Ярема—
 Сирота богатый!
 Вотъ такимъ бывалъ я тоже,
 Дѣвушки, когда-то...
 Все исчезло, все пропало,
 Не осталось и слѣда;
 Сердце млѣетъ только вспомнишь,
 Какъ жилось тогда.

Зачѣмъ все исчезло, зачѣмъ все пропало?
 Легче бы слезами горе выливать.
 Люди все отняли,—будто бы имъ мало,
 „На что жъ ему счастье? — Надобно отнять
 Онъ и такъ богатый"... Горемъ? Да, пожалуй;
 Много слезъ пролито;—вѣкъ не осушить.
 Гдѣ ты мое счастье? Гдѣ ты запропало?
 Вернись снова, дай съ тобой пожить.
 Хоть бы ты явилось мнѣ въ минутномъ снѣ,
 лягу спать я ночью—да не спится мнѣ...

Люди добрые, простите,
 Что сказалъ не ладно.
 За людей порой обидно,
 За людей досадно!
 Можетъ встрѣтимся еще разъ,
 Покуда блуждаю
 Я съ Яремою по свѣту,
 Можетъ быть!—Не знаю.
 Плохо, люди, всюду плохо,—
 Негдѣ пріютиться,

Знать со всѣмъ, что дастъ мнѣ доля,
 Надо примириться.
 Предъ судьбою гнуться молча,
 Чтобъ люди не знали
 То, что кроется на сердцѣ,
 Чтобъ не приласкали.
 Пусть ихъ ласка достается
 Тѣмъ, кто сердцемъ слабы,
 Намъ же, бѣднымъ, и не снилась
 Лучше никогда бы!
 Говорить про горе тяжело,
 А молчать—нѣтъ мочи;
 Выливайся жъ, слово, въ слезы,—
 Солнце взглянетъ въ очи,
 Не осушить слезъ... Дѣлится
 Стану я слезами
 Не съ сестрою и не съ братомъ,
 Съ нѣмыми стѣнами
 На чужбинѣ... А покаместъ
 Вновь Ярему-друга
 Вспомню. Что въ корчмѣ творится
 Поглядимъ.

Жидюга,

Изогнувшись надъ огаркомъ,
 Червонцы считаетъ;
 Озираясь, подъ перину
 Деньги убираетъ.
 А жидовка... Знать ей жарко,—
 Руки раскидала,
 По постелѣ. И раскрылась,
 Словно розанъ алый
 Разгорѣлась; съ бѣлой груди
 Сорвала сорочку,
 Вѣрно душно на постелѣ
 Спать ей въ одиночку;
 Про себя все шепчетъ, вѣрно

Не съ кѣмъ пошептаться,
 Хороша жидовка,—можно
 Ей залюбоваться.
 Это дочка, а то—батка,
 Чорта онъ страшище!
 Рядомъ Хайка схоронилась
 Въ перинѣ поганой...
 Гдѣ жъ Ярема? Взявши торбу,
 Онъ ушелъ въ Вильшаны.

Конфедераты.

— Отворяй, проклятый жидъ, —
 Иль сейчасъ ты будешь бить!
 Двери вонъ однимъ ударомъ,—
 Что тутъ медлить съ чортомъ старымъ!
 — Поцадите, я сейчасъ.
 — Ну, свиное ухо, насъ
 Что такъ долго ты морочишь,
 Иль шутить ты съ нами хочешь?
 — Я, съ панами?—О, мой Боже!
 Я сейчасъ, лишь дайте встать.
 Паны—ясные вельможи
 (Свиньи, шопотомъ сказать).
 — Панъ-полковникъ, ей, ломай-ка
 Двери настежь!..—И нагайка
 По спинѣ ужъ бьетъ жида.
 — Здравствуй, чортовъ сынъ, здорово,
 Жидъ,—свиное ухо!.. Снова
 Ужъ нагайка поднята.
 Спину жидъ согнулъ дугою:
 — Не шутите, господа,
 Въ домъ пожалуйте за мною!

— Нѣтъ, постой,—скажи покуда,
Дочка гдѣ? Веди-ка къ ней!
Умерла?—Нѣтъ, лжешь, Іуда
Гдѣ пагайка? Снова: „Бей!“
Плачетъ, стонетъ жидъ поганый:
— Ой, голубчики! Ой, паны,
Да ей-Богу, дочка нѣтъ:
— Врешь ты, шельма; врешь, я вижу!
— Пусть я Богу дамъ отвѣтъ.
— Намъ,—не Богу, говори же?
— Будь она жива, не гоже
Мнѣ ее отъ васъ скрывать;
Прокляни меня, мой Боже,
Если я рѣшуся лгать,
Паны...
— Началь чортъ молиться,
Ха-ха-ха!—Перекрестись!
— Я не знаю, какъ креститься!
— Ты не знаешь? Вотъ учись?
Крестъ кладетъ полякъ;—Іуда
Вслѣдъ за нимъ,

— А, старый хрычъ,
Окрестился,—вотъ такъ чудо!
Подавай же могорычъ,
Да скорѣе, выкрестъ, живо!
— Мигомъ все сейчасъ подамы!
Какъ шальные, всѣ крикливы,
Кубокъ ходить по рукамъ.
„Еще Польша не сгинѣла!“
Запѣвають. Бѣдный жидъ
Окрещенный, то и дѣло
Въ погребъ на домъ бѣжить.
Паны веселятъ: „Жидъ, меду!
Гдѣ цимбали?—въ плясъ пойдемъ!..
Жидъ играетъ имъ въ угоду;
Хата ходить ходуномъ.

Отхватали вальсъ, мажурку,
Отхватали краковякъ;
Видно панскую цатурку!..
„Пой теперь!“ кричитъ полякъ.
— Не умѣю пѣть, ей-Богу!
— Не боюсь, а пой сейчасъ.
— Да какую? Про „Бѣдняжку“
Развѣ только спѣть для васъ?

— Убогою Гандзя
Калѣкой была,
Божилась, что вовсе
Ходить не могла.
На барщину лѣнь ей,
Въ лѣсочекъ—такъ вмигъ
Тихонько, легонько
За молодецмъ шмыгъ!..
— Иль ты не выбралъ пѣсни хуже?
Схизматики ее поютъ!
— Не по душѣ вамъ пѣсня?—Ну же
Вотъ и другая тутъ какъ тутъ!
— Передъ паномъ Ѳедоркомъ
Заходилъ жидъ ходуномъ.

И задкомъ
И передкомъ
— Передъ паномъ Ѳедоркомъ!..
— Стой! Теперь давай намъ плату.
— Паны, шутите? За что?
— Нѣтъ, не шутимъ мы; за то,
Что мы слушали, проклятый,
Какъ ты пѣлъ. Гдѣ деньги.—Ну?
— Гдѣ мнѣ взять? Отъ пановъ ласку
Получалъ я,—не казну!
— Не морочь насъ глупой сказкой,
Песь, а деньги намъ готовь,
Или палкой!..

Въ самомъ дѣлѣ

Надъ несчастнымъ Лейбой вновь

Батогами засвистѣли,

Снова трепка началась,

Только перья полетѣли!

— Увѣряю, паны, васъ,—

Ни копѣйки! Пощадите!

— Какъ тебя не пощадить!

— Все скажу я, отдохните.

— Говори же, такъ и быть,

Да не ври, а то, пожалуй,

И убьемъ!..

— Въ Вильшанахъ... тамъ...

— Не твои ли капиталы?

— Не мои. Да гдѣ же намъ?—

Тамъ схизматики богаты!

Вотъ что, паны вы мои,—

Да! Въ углахъ одной же хаты

По три тамъ живутъ семьи.

— Это знаемъ; мы вѣдь сами

До того ихъ довели.

— Нѣтъ, не то... Чтобъ съ мужиками

Даромъ время не терять,

А чтобъ денегъ вамъ достать,

Отправляйтесь въ Вильшаны;

Ктиторъ тамъ костѣльный есть.

У него есть дочь Оксана.

Ахъ, мой Боже, что за цыца!

Глазъ съ нея нельзя отвести.

А червонцевъ! Хотѣ чужіе

Да не все ль равно для васъ.

— Безразлично намъ—какіе..

Правда, Лейба, правъ твой сказъ.

Для прокѣрки тѣхъ извѣстій,

Поѣзжай ты съ нами вмѣстѣ;

Одѣвайся!..

И снѣшать

Ляхи буйные въ Вильшаны;

Лишь одинъ конфедератъ

Спитъ, свалаясь подъ лавку, пьяный!..

Ктиторъ.

Вѣтеръ въ лѣсочкѣ

Листъ не колышетъ;

Ясная ночка;

Зоренька пышетъ.

Жду я въ волненьи;

Сердце бьетъ шибко!

Выдь на мгновенье,

Выдь, моя рыбка!

Хоть на часочекъ,

Выдь, голубочекъ,

Мы поворкуемъ;

Выдь на бесѣду...

Ночью въ далекій

Путь я поѣду.

Здѣсь я и близко,

Выдь, моя пташка,

Мы поворкуемъ...

Ой, тяжело, тяжело!..

Такъ поетъ Ярема мой,

По лѣсу гуляя;

Ждетъ, онъ ждетъ, а нѣтъ Оксаны,

Нѣтъ ее... Сгорая,

Зорька блещетъ. Блѣдноликій

Блещетъ такъ что чудо.

Соловьѣ внимаютъ вербы,

Наклоняясь къ пруду;
Заливается онъ пѣсней
Надъ водой въ калинѣ,
Словно знаетъ, что Ярема
Сохнетъ по дѣвчинѣ.
А Ярема этимъ часомъ
Все ходилъ, томился.
И не слыша и не видя...
„Зачѣмъ я родился,

Если нѣту доли, если нѣту счастья?
Годы молодые даромъ пропадутъ;
Я одинъ на свѣтѣ безъ роду и доли,
Словно бы былинка на чужомъ мнѣ полѣ;
Бѣдную былинку вѣтры разнесутъ.
Гдѣ жъ мнѣ пріютиться? То не знаютъ люди,—
Прочъ всѣ отступились: я вѣдь сирота;
Одно только сердце, въ одной только груди
Бывало жалѣло меня, да и та
И та отступилась...

И слезы потокомъ
Изъ глазъ полились, онъ утеръ рукавомъ.
„Такъ будь же здорова! Въ краю я далекомъ
Сложу свою голову. Ты не заплачешь,
Не будешь ты знать, какъ клюетъ воронѣ
Тѣ карія очи, тѣ очи казацки,
Что ты цѣловала, сердечко мое.
Забудь мои слезы, забудь же дружечка;
Забудь, что клялася,—ищи ужъ другихъ,—
Тебѣ я не пара,—ты ктитора дочка,
А я одинокій. Быть-можетъ женихъ
И лучше найдется. Такая мнѣ доля!
Забудь меня, птичка, забудь, не томись,
А если узнаешь, что трупъ въ чистомъ полѣ
Яремы нашли, ты тайкомъ помолишься.

Хоть одна ты въ цѣломъ свѣтѣ
Помолися обо мнѣ!..“
И рыданія Яремы
Раздались въ тишинѣ,
Плачутъ горько, плачутъ очи,
А среди бурьяна
Словно ласочка, тихонько
Крадется Оксана.
„Сердце, сердце!“ Слышенъ шепотъ,—
И, дышанье затая,
Замолчали. Снова:
„Сердце! Пташка милая моя!“
Слышны звуки поцѣлуевъ.
— „Голубь сизый, дорогой,—
Я устала, утомилась“.
— Сядь здѣсь рядышкомъ со мной!
Онъ на землю свитку бросилъ.
— „Зорька ясная моя,
Что ко мнѣ не шла такъ долго?
— Въ хлопотахъ сегодня я.
За отцомъ я все ходила,—
Цѣлый день лежалъ больной...
— А меня и позабыла?
— Ахъ, какой ты милый мой!
И въ глазахъ Оксаны ясныхъ
Слезка заблестѣла,
— Нѣтъ, не плачь же,—вѣдь шучу я.
— Шутинь!..

Просвѣтлѣло...

И она, склонивъ головку,
Славно задремала.
— Я шучу, Оксана, полно,
А ты плакать стала...
Ну, не плачь, гляди мнѣ въ очи;
Завтра утромъ рано
Отъ тебя умчусь далѣко,

Далекò, Оксана!..
 Не увидимся съ тобою:
 Далеко я буду.
 Завтра ночью въ Чигиринѣ
 Ножъ себѣ добуду;
 Дастъ онъ серебро и злато,
 Дастъ онъ мнѣ и славу.
 Наряжу тебя, украшу,
 Посажу, какъ паву.
 И смотрѣть, какъ на гетманшу
 Вплоть до смерти буду.
 — Можетъ-быть и позабудешь?
 — Я? Тебя забуду?
 — Можетъ-быть уѣдешь въ Кіевъ,
 Какъ богатъ ты будешь?
 Тамъ пайдешь себѣ подъ пару,
 Про меня забудешь?..
 — Развѣ есть Оксаны краше?
 — Можетъ и найдется!
 — Не гнѣви, голубка, Бога!
 Ярема клянется:
 — Ни на небѣ, ни за небомъ,
 Въ морѣ-океанѣ
 Не пайдется, кто бѣ равнялся
 Красотой Оксанѣ.
 — Правда это?

— Правда, рыбка..

Вновь, и вновь,—и долго,
 Долго все про то же рѣчи
 Лились безъ умолку.
 Крѣпко, крѣпко обнимались,
 Крѣпко цѣловались;
 И божились, и клялися,
 И еще разъ клялися.
 Долго вѣлъ рассказъ Ярема,
 Какъ любить онъ станетъ,

Какъ всю въ золото одѣнетъ,
 Счастье какъ достанетъ.
 Какъ всѣ ляхи по Украинѣ
 Лягутъ въ чистомъ полѣ;
 Какъ онъ, если умѣетъ,
 Заживетъ на воль...
 Даже слушать надоѣло!
 Ей-же-ей, дѣвицы.
 — Вотъ какой! Вѣдь все въ рассказѣ
 Правда говорится.

А что, если старые батька и matka
 Узнаютъ, мои дорогія, про васъ,
 Про то, что читаете вы со слезами,
 Про ласки любовныя грѣшный рассказъ?
 Что тогда?

— Да что бѣ не было,—
 Любопытно очень знать.
 — Дѣлать нечего,—придется
 И про то вамъ рассказать,—

Какъ подъ вербой казачина
 Оксану цѣлуетъ,
 А Оксана, какъ голубка
 Сизая, воркуетъ.
 То замреть, а то заплачетъ,
 И головку склонить,
 „Сердце мое! Соколы ясны!
 Счастье!“—Такъ и стонетъ.
 Даже вербы наклонились,
 Слушаютъ несмѣло..
 Да рассказывать не стану
 Я про это дѣло:
 Какъ про то расскажешь на ночь?—
 Ночью вамъ приснятся.

Нѣтъ, тихонько, какъ сошлись,
Надо имъ разстаться.
Тихо, тихо и неслышно,
Чтобъ не знали люди
Ни дѣвичьихъ слезъ, ни вздоховъ
Молодецкой груди.
Пусть! Быть-можетъ, суждено имъ
Въ свѣтѣ повстрѣчаться
И еще не разъ;—посмотримъ;—
Все вѣдь можетъ статься.

Между тѣмъ изъ оконъ дома
Ктитора ложится
Яркій свѣтъ! Что за причина?
Что же тамъ творится?

Заглянемъ, посмотримъ мы къ ктитору въ домъ.
Узнаемъ—разскажемъ, что дѣлалось въ немъ.
И стыдно, и больно про то разсказать:—
Смотрите—глядите,—то конфедераты,
Тѣ люди, что волю клялись защищать,
О, будьте же все вы навѣки прокляты!
Все, все вы, и васъ породившая мать.
И день тотъ, и часъ тотъ, какъ васъ понесла,
Какъ васъ породила, на свѣтъ привела;
Того вы достойны; вотъ ваша награда!
У ктитора въ домѣ какія дѣла
Творять нынѣ эти исчадія ада?

Въ углу, среди ночного мрака
Проклятый жидъ дрожитъ собакой.
— „Жить хочешь?“ ктитору кричатъ
Конфедераты. „Ты бѣги!“
Все говорятъ, что деньги были!“
И руки по локоть назадъ
Ему веревкою скрутили.

— „Молчишь? Ни слова? Подожди же...
А гдѣ смола? бери его!
Вотъ такъ, холопъ! Вотъ атакъ! Жги же!
Что?—скажешь, шельма? Каково?“
Не подалъ голоса, ни крика...
— „А, бестія!—Ну, подожди-ка,—
Въ сапогъ ему насыпать жару!“
Не вытерпѣлъ той пытки старый...
„Гвоздь въ голову ему! Чтобъ показанье
Добыть!“ Но ктитору тутъ упалъ,
Духъ испустилъ безъ покаянья...
„Оксана! Дочь моя!“ сказалъ
Старикъ предъ смертью. Обступили
Его поляки. „Что же съ нимъ
Мы дѣлать будемъ, братцы?
Вотъ что: давайте церкву запалимъ!“
Вдругъ крикъ отчаянный: „спасите!
Кто въ Бога вѣритъ, помогите!“
Смутились ляхи. „Кто такой?“
Оксана въ дверь. „Его убили!“
И падаетъ на трупъ. Старшой
Махнулъ всемъ остальнымъ рукой,
Чтобъ вонъ изъ хаты выходили.
За ними вышелъ старый ляхъ
Съ Оксаною бѣдною въ рукахъ.

А гдѣ же былъ тогда Ярема?
Въ тотъ часъ онъ былъ далекъ отъ дома,
Одинъ, въ далекой сторонѣ,
Онъ ѣхалъ стенью на конѣ,
Про Наливайку напѣвая
И горя и бѣды не зная!
Пропали ляхи безъ слѣда,
Пропала съ ними и Оксана.
Собаки лишь кой-гдѣ въ Вильшанахъ

Затявкають и замолчать.
 Сієть мѣсяць. Люди спять.
 Спить ктиторъ,—онъ не встанеть рано,—
 Навѣки, праведный, заснулъ.
 Свѣча горѣла и погасла;
 Вотъ и послѣдній свѣтъ блеснулъ
 И трупъ во мракѣ потонулъ.

Праздникъ въ Чигиринѣ.

Гетманы, гетманы! Если бы вы встали,
 Встали, посмотрѣли на тотъ Чигиринъ,
 Что вы собирали, гдѣ вы пановали,—
 Плакали бы горько: вы бы не узнали
 Преступной вашей славы—убогихъ руинъ.
 Базары, гдѣ войско, какъ море подъ солнцемъ,
 Передъ бунчуками бывало горить,
 А ясновельможный на ворономъ конѣ
 Блестнеть булавою—и море кипить!

Закипитъ и разольется
 Вольными степями,—
 Пропaday ты злое горе!—
 А за казаками...
 Вспоминать ли?.. Все минуло,
 Было все и сплыло!

Что же будетъ, если вспомнишь,
 Вспомнишь и заплачешь?
 Ну, хоть взглянемъ мы на прежній
 Чигиринъ казачій...

Изъ-за дѣса, изъ тумана
 Мѣсяць выплываетъ
 Красный, словно бы отъ крови,
 Горить, не сієть.
 Не сієть,—да что людямъ,
 Если онъ не свѣтитъ?
 Вѣдь пожары Украинну
 Озарять, освѣщать.
 Вечерѣтъ, въ Чигиринѣ
 Темно, какъ въ могилѣ.
 Темно, было въ Украинѣ,
 Какъ ножи святили
 Въ ночь на Маккавеевъ...

На базарѣ,

Нетопырь лишь мимо
 Пронесется, да простонуть совы;
 Гдѣ же люди? Подъ Тясминомъ
 Въ темныя дубровы,
 Собрались и станомъ стали,
 Ждутъ, чтобъ имъ ножей священныхъ
 Старшины раздали.

На темномъ просторѣ зеленой дубровы
 На привязи кони отаву жуютъ.
 Привязаны сѣдла, и кони готовы,
 Куда лишь поѣдутъ? Кого повезутъ?
 А вотъ посмотрите,—лежать на долинѣ,
 Какъ будто убиты, безъ звука, безъ словъ,—
 Тотъ людъ—гайдамаки. Къ родной Украинѣ
 Слетѣлись могучія стаи орловъ.
 Ихъ очи кровавою местью пылаютъ;—
 Жидовъ и поляковъ они разнесутъ:
 За кровь и обиды имъ адомъ кромѣшнымъ
 Со злобой они воздадутъ.

Съ запасомъ пушечныхъ снарядовъ.
 У лѣса рядъ возовъ стоитъ,—
 То славной Матушки подарокъ,—
 Пускай со славою царить!
 И не пройдешь между возами:
 Украйны вольные сыны
 На зовъ отчизны собралися,—
 И казаки и старшины.
 Вожди поодаль встали вмѣстѣ,—
 Всѣ въ черныхъ свиткахъ, какъ одинъ;—
 Они ведутъ бесѣду тихо,
 Глядятъ впередъ на Чигиринъ.

ПЕРВЫЙ СТАРШИНА.

Старый Головатый что-то хитритъ!

ВТОРОЙ СТАРШИНА.

Умная голова! сидитъ себѣ на хуторѣ, словно и не знаетъ ничего. А посмотришь,—всюду Головатый. „Если, говорить, чего самъ не сдѣлаю,—такъ сыну передамъ докончить!“

ТРЕТИЙ СТАРШИНА.

Да и сынъ тоже удался! Вчера я повстрѣчался съ Желѣзнякомъ,—такъ онъ такія вещи про него рассказывалъ, чтобъ пусто ему было! „Кошевымъ, говорить, буду, а то и гетманомъ, если не такъ...“

ВТОРОЙ СТАРШИНА.

А Гонта на что? а Желѣзнякъ? Къ Гонтѣ „сама“ писала: Если, говорить...

ПЕРВЫЙ СТАРШИНА.

Тише, тише, какъ будто звонять...

ВТОРОЙ СТАРШИНА.

Нѣтъ,—это люди шумять.

ПЕРВЫЙ СТАРШИНА.

Дошумятся, пока ляхи услышать. Охъ, старня да разумныя головы! Думаютъ, думаютъ, гадаютъ, гадаютъ да и смастерять изъ лемежа иголку. „Гдѣ нуженъ большой мѣшокъ, тамъ малая торба не годится. Купили хрѣну,—надо ѣсть, хоть и глаза вылѣзутъ: видѣли, что покупали—не принадлеать даромъ! А то думаютъ, думаютъ,—а въ то время ляхи догадаются,—вотъ тебѣ и остьчка! А что тамъ народъ собрался, а звону не слышать? Ну и народъ же!—никакъ не урезонишь, чтобы безъ шума обходился. Да и то сказать—не десять душъ, а слава Богу—вся Смоленщина, коли не вся Украина. Чу!—Слышишь,—поють?”

ТРЕТИЙ СТАРШИНА.

И то правда,—пойду уйму.

ПЕРВЫЙ СТАРШИНА.

Не трогай, пусть поетъ, лишь бы не громко!

ВТОРОЙ СТАРШИНА.

Должно быть это волохъ; не утерпѣлъ-таки старый дурень.

ТРЕТИЙ СТАРШИНА.

И умно поетъ—и все новое. Пойдемте, братцы, поближе, послушаемъ, а тѣмъ временемъ и зазвонятъ.

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ СТАРШИНА.

Такъ что жъ,—пойдемъ.

ТРЕТИЙ СТАРШИНА.

Ладно,—идемъ!

(Старшины тихо стоятъ около дуба, подъ которымъ сидятъ кобзарь; кругомъ него запорожцы и гайдамаки. Кобзарь тихо и протяжно поетъ.)

Волохи, волохи,
 Васъ остались крохи;
 А вы, молдованы,
 Ужь теперь не паны
 И вашъ господарь
 Ужь не то, что встарь,—
 Рабъ онъ передъ ханомъ,
 Да и предъ султаномъ.
 У татаръ суровыхъ
 Вы давно въ оковахъ!
 Что же ждать вамъ далъ?
 Вы бы дружно встали,
 Побратались съ нами,
 Съ нами, казаками,
 Вспомнили бъ Богдана,
 Пржняго гетмана,—
 Стали бы панами!
 Пойдемте съ ножами,
 Съ ножами святыми,
 Съ батькою—Максимомъ.
 Всю ночь погуляемъ,
 Ляховъ попугаемъ;
 Такъ-то погуляемъ,
 Что адъ засмѣется
 И небо зажжется!..)

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Хорошо погуляемъ! Правду старый поетъ, если не
 вреть. Не будь онъ волохъ,—что за кобзарь безъ него
 бы вышелъ!

КОВЗАРЬ.

Да я не волохъ, я только жилъ когда-то среди во-
 лховъ, а люди и стали звать меня волохомъ, самъ не
 знаю за что.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Ну, да ладно. А ну-ка затяни еще какую-нибудь;—
 хвати-ка про батьку Максима.

ГАЙДАМАКЪ.

Да не очень громко, чтобы старшины не услышали.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А что намъ старшинъ? Услышать,—такъ пусть слу-
 шаютъ, если есть чѣмъ слушать—и только. У насъ
 одинъ есть старшина—батька Максимъ. А если онъ
 услышитъ, такъ еще деньгами наградить. Пой, старецъ
 Божій, не слушай его!

ГАЙДАМАКЪ.

Такъ-то оно такъ, пріятель; про то я и самъ знаю;
 да говорится: „не такъ пани, какъ подпанки!“ Или еще
 вотъ что: „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ!“

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Болтовня! Пой, старецъ Божій, какую знаешь, а то
 и звона не дождемся—уснемъ!

ВСѢ.

Правда уснемъ; ну, затягивай какую-нибудь.

КОВЗАРЬ.

Летать орелъ, летать сизый
 Да подъ небесами:—
 Гулять Максимъ, гулять батько
 Степами, лѣсами.
 Ой, орелъ ли летать сизый—
 Съ нимъ его орлята,—
 То Максимъ гуляетъ батько,—
 Съ нимъ его ребята,
 Его дѣти-запорожцы;
 Весело имъ жить съ нимъ.
 Съ ними думаетъ онъ думу:
 Питъ ли, или питъ имъ?

Танцевать ли? Затанцуютъ,
 Такъ земля трясется;
 Запоетъ ли съ ними пѣсню,—
 Горе засмѣется!
 Въ ротъ горѣлку онъ не чаркой—
 Ковшикомъ кидаетъ,
 А врага,—будь ночь или полночь,—
 Ужъ не проморгаетъ.
 Вотъ таковъ-то атаманъ нашъ—
 Орелъ сизокрылый;
 И воюетъ, и пируетъ.
 Сколько хватить силы.
 Нѣту хаты у Максима,
 Ни пруда, ни сада;
 Степь и море—все дорога,
 Нѣтъ нигдѣ преграды!
 Кайтесь, прячьтесь, вражья ляхи—
 Хищныя собаки;
 Съ Желѣзнякомъ „Чернымъ шляхомъ“
 Идутъ гайдамаки!

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Вотъ это такъ отдѣлалъ.—нечего сказать: и складно,
 и правдиво. Славно, ей, ей, славно! Что захочетъ, такъ
 и врѣжетъ. Спасибо, спасибо!

ГАЙДАМАКЪ.

Я что-то въ толкъ не взялъ, что онъ пѣтъ про
 гайдамаковъ?

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Ну и олухъ же ты, право! Видишь ли, что онъ
 пѣтъ,—чтобы ляхи, поганья собаки, каялись, потому
 что Желѣзнякъ идетъ съ гайдамаками „Чернымъ шля-
 хомъ“, чтобы, видишь, ляховъ рѣзать...

ГАЙДАМАКЪ.

И въшать и рѣзать! Славно, ей-Богу, славно! Вотъ
 это такъ! Ей-ей, да въ бы ему цѣлковый, если бы не

пропился вчера. Жалко!.. Ну, да пусть старая вяз-
 нетъ,—больше мяса будетъ!..“ А ты подожди, —завтра
 отдамъ... А еще чтонибудь-не продернешь про гайда-
 маковъ?

КОВЗАРЬ.

Я не жаденъ до денегъ,—слушать была бы охота,
 а за пѣснями дѣло не станетъ: буду пѣтъ, пока не
 охрипну; да кони и охрипну,—только чарочку, другую
 пропустить—и снова готовъ пѣтъ. Такъ, слушайте:

Ночевали гайдамаки
 Въ зеленой дубровѣ
 На веревкахъ пасли коней
 Въ сѣдлахъ наготовѣ.
 Ночевали паны-ляхи
 У жидовъ поганыхъ,
 Напилися, растянулись
 Да и...

ВСѢ.

Тсс!.. Словно звонятъ. Слышишь? Вотъ еще разъ...
 Чу!

КОВЗАРЬ.

„Зазвонили! Поплылъ мѣсяцъ
 Надъ дубровой въ вышній.
 Вы идите и молитесь,—
 Пѣсню время кончить мнѣ!“

Повалили гайдамаки —
 Стонетъ лѣсъ и поле;
 На плечахъ везутъ телѣги,
 А кони на волѣ.
 И опять кобзарь за ними
 Съ пѣсней заученной:
 „Ночевали гайдамаки
 Въ дубровѣ зеленой“.

Пой другую!—слышны крики,
Старецъ, пой другую.

КОВЗАРЬ.

Ладно, хлопцы! Ну же разомъ
Хватимъ хоровую,
Хватимъ дружно!

Воздухъ дрогнулъ;

Казакъ жъ съ возами
Такъ и рѣжутъ. Онъ играетъ
Поддаетъ словами:

Ой гопъ, такъ и такъ!—
Кличеть Ганзю казакъ,—
Выйди, Ганзя, погуляемъ,
Погуляемъ, поиграемъ!..
Понщи, Ганзя, пона,—
Богу помолиться.
Нѣту хлѣба ни снопа,—
Вари вареницы.
Я женился, разорился
Дома нѣту ничего;
Голодають одни дѣтки—
Веселюсь я отъ того!
Въ хатѣ чисто—ни-ни-ни;
Въ сѣняхъ тоже—ни-ни-ни,
Испеки, жена, блины
Изъ того всего ни-ни.

— Знать! Славно! Еще такъ!—
Кричитъ дѣду гайдамакъ.

КОВЗАРЬ.

Ой, гопъ, что за диво!
Наварили ляхи чина,
А мы будемъ торговать
Да хозяевъ угощать.
Пановъ-ляховъ угостимъ,
На паненокъ поглядимъ.

Ой, гопъ,—такъ и сякъ,
Кличеть панну казакъ.
„Панна, пташка моя!
Панна, доля моя!
Не стыдися ручку дай
Да со мною погуляй.
Пусть не сладко будетъ людямъ,—
Мы съ тобою гулять будемъ!
Мы съ тобою одни, вдвоемъ
Погуляемъ и попьемъ,
Панна, пташка моя.
Панна, доля моя!“

ГАЙДАМАКИ.

Еще разъ! Еще разъ!

КОВЗАРЬ.

А коль такъ,—такъ и такъ, такъ и такъ!
Ахъ, когда бы запорожскій казакъ,
Да когда бы молодой, молодой,
Походить бы онъ по хатѣ со мной!
Страхъ какъ мнѣ не хочется
Съ старикомъ морочиться!..

— „Эй, сумасшедшіе,—молчать!
Прочь расходитесь! Ты жъ, собака,
Гдѣ бы молиться, да вздыхать,
Ихъ поганью морочишь всякой!“
Такъ молвилъ атаманъ,—и вдругъ
Все смолкло;—замерли всѣ міромъ,
Къ святымъ внимательны стихирамъ.
Дьячки, попы поютъ; вокругъ
Съ кадилами и со крестами
Они проходятъ межъ возами
И, какъ надъ пасхами, кадятъ,—
Теперь они ножи святятъ!
„Молитесь, братія, молитесь!—
Такъ благочинный началъ рѣчь,—

Да снидетъ съ неба Свѣтлый Витязь,
 Чтобы Украину оберечь.
 Крылатый станеть къ Чигирину—
 Святыхъ не выдасть распинать!
 А вы отъ палачей безстыдныхъ
 Должны Украину охранять!
 Пожаръ не гаснеть, люди мрутъ,—
 Тому свидѣтелями всѣ вы;
 И дѣти безъ крестовъ растутъ;
 Отцы и дѣды въ тюрьмахъ; дѣвы—
 Земли Украинской краса—
 У ляха пропадаетъ—вянеть,
 И не покрытая коса
 Ея стыдомъ вамъ станеть.
 Сестру не хочеть расковать—
 Казакъ къ тому ужъ не стремится
 И спину онъ теперь сгибать
 Предъ ляхомъ гнуснымъ не стыдится
 Въ его ярмѣ!.. О, горе, горе!..
 Молитесь, дѣти,—страшный судъ
 Украинѣ ляхи принесутъ.
 Заплачутъ доли, горы вскорѣ..
 О, дѣти, вспомните, что было
 При гетманахъ? Гдѣ ихъ могилы,
 Гдѣ Острица, гробъ Богдана?
 А Наливайки прахъ,—гдѣ онъ?
 Живой и мертвый онъ сожженъ!
 Забыты годы славы бранной
 И гдѣ Богунъ, и гдѣ тѣ зны,
 Когда въ замерзнувшій Нилъ
 Онъ ихъ вогналъ неустрашимый—
 И тысячами ляхъ тонуть!
 Теперь вездѣ просторъ для ляха,—
 Нигдѣ, ни въ чемъ ужъ нѣтъ имъ страха;
 Богдана нѣтъ ихъ укротить;
 Забыта Россѣ и Желты воды;

Корсунъ не вспомнить стары годы,—
 Не знаетъ съ кѣмъ тоску дѣлать.
 И Альта плачетъ—тяжко жить:
 Не въ батьковъ уродились дѣти,—
 Я сохну, сохну;—гдѣ Тарасъ?
 О, скоро ль минуть годы эти!..
 Не плачьте, братія, за насъ
 И души праведныхъ, и сила
 Архистратига Михаила;
 Не за горами кары часъ!
 Молитесь, братія...

Молилось

Казацтво жарко, какъ дитя.
 Взялось за дѣло не шутя,
 Въ концѣ-концовъ все, все забылось,
 Давно травой все покрылось!..
 Но дьяконъ громко возглашаетъ:
 „Пусть ляхъ—нашъ врагъ погибаетъ!
 Теперь себѣ вы взять должны
 Ножи,—они освящены!..“

По Украинѣ звонъ несется
 И грозной вѣстью раздается,—
 Возстали вольницы сыны,—
 Ножи, ножи освящены!

Третьи пѣтухи.

Еще день мучили насъ ляхи
 Проклятые; еще одинъ
 Последній день держали въ страхѣ
 Украину всю и Чигиринъ.
 Украинскимъ „Великимъ святомъ“

Насталъ день Маккавеевъ вновь.
 А ляхъ съ жидомъ—поганимъ братомъ
 Горѣлку пили, пили кровь.
 Кляли схизматиковъ поляки,
 Что больше нечего съ нихъ взять.
 Но молча ждали гайдамаки,
 Пока поганцы лягутъ спать;
 Легли, не вѣдая покуда,
 Что завтра имъ ужъ встать не въ мочь.
 Заснули ляхи всѣ, жида же
 Считали золото всю ночь;
 Безъ свѣтъ считали барыши,
 Чтобъ бѣдняки ихъ не видали.
 Легли на деньги и въ тиши
 Дремой нечистой задремали...
 Легли, задремали—и дремлютъ вовѣкъ,
 А часомъ тѣмъ мѣсяцъ по небу потекъ;
 Течетъ онъ оглядывать въ тихомъ дозорѣ
 И небо, и зори, и земли, и море.
 Взглянуть на людей, что хотятъ затѣвать,
 Чтобъ Богу по утру про все рассказать.
 И свѣтитъ онъ ясный на всю Украину,
 И свѣтитъ,—а видитъ ли онъ сиротину—
 Оксану въ Вильшанахъ—мою сироту?
 Что дѣется съ ней, какъ голубка воркуетъ?—
 Ярема про это не знаетъ, не чуетъ...
 Но послѣ объ этомъ; теперь я не ту,
 Не ту я собираюсь пѣсню играть,
 Не то буду пѣть я, на кобзѣ играя,—
 Не дѣвицамъ—ляху подъ пѣсню пѣсать:
 Пою я несчастье казацкаго края.
 Такъ слушайте жъ, чтобъ и дѣтииъ разсказать,
 Чтобъ дѣти узнали и внукамъ сказали,
 Какъ шляхту казаки за то наказали,
 Что власть не умѣли, какъ должно, держать!..

Бушевала Украина
 Долго бушевала;
 Долго, долго кровь ручьями
 Степи обаграла;—
 Обаграла, да застыла
 Травка зеленѣть;
 Дѣды умерли,—надъ ними
 Могилы сияютъ,—
 Высоки могилы,—только
 Ихъ никто не знаетъ,
 И никто о нихъ не плачетъ
 И не воспоминаетъ.
 Только вѣтры лишь надъ ними
 Тихо-тихо вѣютъ,
 Только росы жемчугъ слезный
 На чело ихъ сбѣютъ.
 Да и то—проглянетъ солнце
 И тѣ слезы смыты.
 Ну, а внуки? Имъ то что же?—
 Сбѣютъ себѣ жито.
 Вонъ курганы, а кто скажетъ,
 Кто изъ внуковъ знаетъ,—
 Гонта праведный страдалецъ
 Гдѣ опочиваетъ?
 Желѣзякъ—душа живая—
 Гдѣ схороненъ? Гдѣ онъ?
 Тяжко! Тяжко!..

Бушевала Украина,
 Долго бушевала,
 Долго кровь лилась ручьями,
 Степи обаграла!
 День и ночь рѣзня и крики—
 Такъ что степь трясется;
 Страшно вспомнить! А какъ вспомнишь,—
 Сердце засмѣется!..

Мѣсяцъ ясноокій! Спрячься ты за гору,—
 Съ голубого неба свѣтъ не пужень намъ;
 Хоть Альту, и Сену, и Рось твои взоры
 Видали, хоть крови лилось много тамъ,
 Лилася ручьями, лилась цѣлымъ моремъ,—
 Теперь же что будетъ? Такъ прячься скорѣй,
 Не то, ты мой ясный, подавленный горемъ,
 Ронять будешь слезы изъ старыхъ очей.

Мѣсяцъ тускло свѣтитъ съ неба;—
 Надъ землею мракъ.
 По Днѣпру—знать съ вечерницы
 Тащится казакъ.
 Онъ не веселъ; казачину
 Ноги чуть тащатъ:
 Можетъ, дѣвица не любить,
 Что онъ не богатъ?—
 Нѣтъ, его подруга любить
 Хоть и бѣдняка;—
 Можетъ, будетъ и богатымъ,—
 Чернобровъ пока!
 Что жъ печаленъ чернобровый,
 Плачетъ отчего?
 Сердце вѣщее не впору
 Чуетъ у него,—
 Чуетъ сердце, а не скажетъ,
 Что бѣда близка.
 И ничья душа не слышитъ
 Стонѣвъ казака.
 Ни души кругомъ не видно,
 Лишь въ глуши лѣсной
 Издалѣка, издалѣка
 Слышенъ волчій вой:
 Не до нихъ! Знать не къ Оксанѣ
 Онъ направилъ шагъ,
 Онъ идетъ теперь въ Черкасы,—

Пусть же гибнетъ ляхъ!
 Третій разъ передъ зарею
 Ужъ пропѣлъ пѣтухъ;
 Тамъ теперь идетъ Ярема—
 Днѣпръ бушуетъ вкругъ!..

Ой, Днѣпръ ты мой, Днѣпръ мой широкій и синій!
 Не мало ты крови казацкой носилъ
 До синяго моря; нести тебѣ нынѣ
 Не мало придется; свой валь червонилъ
 Ты ею не разъ—не упился до-сыта,
 А нынѣ уцѣшься. Нежданной грозой
 Вдругъ „людское свято“ надъ нашей землею
 Нагрянетъ; и будетъ тутъ крови людской
 Не мало пролито, не мало пролито,—
 Все крови шляхтецкой. Казакъ оживетъ,—
 Воскреснетъ, весь въ золотѣ, гетмановъ родъ;
 Воскреснетъ прошедшее—славное то же;
 Воскликнетъ казакъ золотыя слова:
 „Нѣтъ ляховъ! жидовъ нѣтъ!“ И дай это Боже...
 Надъ степью Украины блеснетъ булава...
 Такъ думалъ Ярема, въ сермягѣ идучи—
 Бѣдняга-Ярема съ „священнымъ“ въ рукахъ,
 И Днѣпръ его слушалъ—широкій, могучій,
 Горами вздымаясь...

Въ прибрежныхъ кустахъ
 Реветь, стонетъ, завываетъ,
 Тростникъ нагибаетъ
 Громъ грохочетъ; огонь небесный
 Тучи раздираетъ.
 Но Ярема нашъ не чуетъ,
 Какъ бунную грозю:—
 То забьется радость въ сердцѣ,
 То задуютъ слезы.
 „Тамъ Оксана,—тамъ я счастливъ

И въ худомъ кафтанѣ;
Здѣсь же можетъ быть погибну,—
Какъ узнать заранѣ?
Изъ оврага пѣтушиный
Крикъ вдругъ раскатился.
„А, Черкасы!“ И Ярема
Нашъ перекрестился.

Кровавый пиръ.

Колокольный звонъ раздался
По Украинѣ. Гайдамаки
Заревѣли, закричали:
„Сгинь ты, шляхтичъ всякій!..
Мы нагрѣемъ тучи въ небѣ
Заревомъ-пожаромъ;—
Не пройдетъ кровавый пиръ нашъ
Панамъ-ляхамъ даромъ
Занялася Смоланщина,
Чигиринъ, Черкасы;
Изъ-подъ Канева и Смѣлы
Кровь ужъ полилася.
На Волыни, на Полѣсьѣ]
Гонта ужъ гуляетъ;
Желѣзнякъ же въ Смоланщинѣ
Ножъ въ крови купаетъ;
А Ярема свой „священный“
Пробуетъ впервые
Подъ Черкасами!..

Дѣтки дорогіе!
Ладно, хлопцы!“ На базарѣ
Желѣзнякъ лотуетъ.

„Такъ, дѣтки,—

Разгулялись гайдамаки,—
Цѣлый адъ бушуетъ!
А Ярема—страшно видѣть—
Бьетъ враговъ поганныхъ
По четыре, по три... „Такъ ихъ,
Рѣжь ихъ, окаянныхъ!
Будешь праведникомъ, сынъ мой,
Или эсауломъ!..
Ну-те, дѣтки, принимайтесь!..
Съ воємъ, шумомъ, гуломъ
Ходятъ дѣти, ходятъ въ клѣти,
Въ тайники, подвалы;
Всѣхъ уклали, все забрали—
Все, что ни попало.
„Будетъ, хлопцы,—чай устали,—
Спать пора!..“

Базары

Силошь завалены тѣлами.
„Мало ляхамъ кары!
Еще разъ бы ихъ замучить,
Чтобъ не поднялись!“
И толпами гайдамаки
На базаръ сошлись.
Желѣзнякъ Ярему встрѣтилъ,—
Встрѣтилъ, подзываетъ.

желѣзнякъ.

Подойди, коли тебя мой
Видъ не испугаетъ?

ЯРЕМА.

Что бояться!..
Снялъ онъ шапку,
Всталъ какъ передъ паномъ.

желѣзнякъ.

Кто такой, откуда, братецъ?

ЯРЕМА.

Да я изъ Вильшаны.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Изъ Вильшаны? Тамъ ктитора
Ляхи порѣшили.

ЯРЕМА.

Гдѣ? Какого?

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Да въ Вильшанахъ.
Дочь же утащили.

ЯРЕМА.

Ой, Оксана! Ой, Оксана!

И какъ снопъ тяжелый
Палъ Ярема.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

— Жалко хлопча!
Подними, Никола.

ЯРЕМА.

Батька! Братъ!.. Ахъ жалко, жалко,
Что я не сторукий!
Дайте ножъ мнѣ, дайте силу
Муки ляхамъ, муки!
О, я сдѣлаю, что адъ весь
Адъ весь содрогнется!

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

На святое дѣло, сынъ мой,
Ножъ всегда найдется.

Мы сейчасъ идемъ въ Лисянку,—
Хочешь, хлопецъ, съ нами?

ЯРЕМА.

Атаманъ, отецъ родимый!
На край свѣта съ вами;
Въ адъ пойду; на шагъ единый,
Братцы, не отстану...
Только я теперь нигдѣ ужъ
Не найду Оксану...

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Можетъ, сыщешь. Ну, а звали
Какъ тебя тамъ, дома?
Какъ прозванье?

ЯРЕМА.

Просто такъ—Ярема.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Какъ же такъ и безъ прозванья!
Запиши, Никола,
Въ списокъ тамъ своемъ: Ярема,
Ну, Ярема Голый.

ЯРЕМА.

Такъ не ладно будто...

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Какъ же?.. Ну пиши „Бѣдою“

ЯРЕМА.

Да и это...

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Ну такъ пусть онъ
Будетъ „Галайдою“.

Записали.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Ну, Галайда,
 Ъдемъ разгуляться!
 Сыщешь счастье... а не сыщешь...
 Братцы, собираться!

И Яремъ дали лошадь,—
 Взяли изъ обоза.
 Съль онъ бодро, усмѣхнулся,
 Да и снова въ слезы.
 Вотъ и городъ миновали,—
 Весь онъ, весь пылаеть.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

— Всѣ ли, дѣтки?

ГАЛАЙДА.

— Всѣ здѣсь, батька!

Пролагаетъ

По Днѣпру себѣ дорогу
 Казацкая сила;
 И волохъ-кобзарь за ними
 Плетется уныло;
 Чуть въ сѣдлѣ сидитъ и тихо
 Подъ носъ напѣваетъ:
 „Гайдамаки, гайдамаки!
 Желѣзнякъ гуляетъ!“
 Дальше ѣдутъ, а Черкасы
 Все горять-пылаютъ,
 И никто на нихъ не взглянетъ;
 Смѣются да лаютъ
 Шляхту. Кто молчитъ, кто тихо,
 Тихо рѣчь заводитъ.

Желѣзнякъ впередъ всѣхъ ѣдетъ,
 Головой поводитъ;
 Ъдетъ, молча трубку куритъ,
 Никому ни слова,
 А за нимъ нѣмой Ярема,
 Зелена дуброва
 Горы, чащи, Днѣпръ широкій
 Все—и неба своды,
 Зорьки, звѣзды, счастье, люди,
 Лютя невагоды —
 Ко всему онъ безучастенъ,
 Какъ мертвецъ не чувствуетъ
 Ничего. Но какъ ни тяжело,
 Все безъ слезъ тоскуетъ;
 Слезъ не видно,—знать всѣ слезы
 Змѣя выпиваетъ.
 Грусть безъ слезъ на душу давитъ,
 Сердце разрываетъ.
 „Охъ, вы слезы,—горьки слезы,
 Смоете вы горе;
 Такъ смывайте жъ! Тяжко, трудно!
 Не достанетъ моря
 И Днѣпра, чтобъ смыть тѣ слезы,—
 Мало будетъ, мало!..
 Погубить мнѣ развѣ душу?..
 Гдѣ ты запропала?
 Погляди ты на Ярему,
 Какъ груститъ рыдая,
 Какъ тебя все вспоминаетъ...
 Гдѣ ты, дорогая?
 Долю злую проклиная,
 Можетъ умираешь,
 Иль въ цѣпяхъ у пана стонешь,
 Иль въ тюрьмѣ сгниваешь?
 Вспоминаешь про Ярему,
 Былое, Вильшану,

Да и думаешь: „Ярема,
Обними Оксану,
Обними меня, соколикъ,
И умремъ съ тобою;
Пусть на насъ смѣются ляхи,—
Не до нихъ!..

Волною

Вѣтеръ дуетъ отъ Лимана,
Гнетъ деревья въ полѣ;
Гнется дѣвица покорно
Куда хочетъ доля.
Потоскуеть да поплачетъ,
А потомъ забудеть, —
Въ парчевомъ кафтанѣ пани
Вельможная будетъ!..
Покарай мнѣ душу, Боже,
Вылей муки море,
Дай какую хочешь кару,
Лишь не это горе!
Если бъ камнемъ сердце было!—
Все жъ бы разорвалось.
Счастье,—милая Оксана,
Гдѣ ты задѣвалась?
И отколь взялися слезы
И хлынули градомъ...
Желѣзнякъ же той порою
Крикнулъ надъ отрядомъ:
„Въ лѣсъ, ребята! разсвѣтаетъ!
Кони утомились.
Покормить!“
И въ чащѣ лѣса
Гайдамаки скрылись!

Разгромъ.

Встало солнце. Украина
Пылала и тлѣла.
Шляхта всюду заперлася,
Въ крѣпостяхъ засѣла.
По деревнямъ трупы, трупы
Навѣшаны всюду
Самыхъ знатныхъ, а незнатныхъ
Навалены груды.
На улицахъ, на распутьяхъ
Собаки, вороны
Рвутъ тѣ трупы, клюютъ очи,—
Нѣту обороны!
Кто спугнетъ ихъ?—дома только
Дѣти да собаки;
Даже жены съ рычагами
Ушли въ гайдамаки.

Вотъ что было на Украинѣ—
Было хуже ада;
А за что, спросить бы, людямъ
Гибнуть было надо?
Одного отца, вѣдь, дѣти,—
Жить бы, да брататься;
Не умѣли, не хотѣли,—
Принялися драться!
Надо крови, братской крови.
Въ злобѣ, что у брата
Полонъ дворъ и кладовня
И уютна хата.
Смерть же брату! Спалимъ хату!
Сказано—и сталося.

Все бы ладно;—но въ отмщенье
 Потомство осталось.
 Подрасли въ слезахъ сироты,
 Развязали руки
 И за кровь отдали кровью,
 Муками за муки!..
 Даже страшно и подумать—
 Сколько злобы скрыто
 Въ сердцѣ братьевъ! Кто жъ виною?—
 Ксендзы, езуиты.

Пробирались гайдамаки
 Чащами, лѣсами,
 А за ними и Галайда
 Съ горькими слезами.
 Миновали Вороновку,
 Прибыли въ Вильшану.
 „Развѣ кое-что развѣдать,
 Спросить про Оксану?—
 Не спрошу;—пускай не знаютъ,
 За что пропаду я!“
 Дальше ѣдутъ гайдамаки,
 Вильшану минуя—
 Онъ у мальчика пытается:
 — „Ктитора убили?“—
 — „Нѣтъ,—рассказывалъ отецъ мнѣ,
 Что огнемъ спалили;
 Ляхи вонъ гдѣ—вонъ гдѣ скрылись
 И Оксану взяли;
 А ктитора на погостѣ
 Вчера закопали“...
 Не дослушалъ!.. Конь мой, мчися!..
 И поводья кинуть,
 „Что вчера, пока не зналъ я,
 Что вчера не егинулъ?
 А сегодня, коль умру я,

Такъ изъ гроба встану,—
 Мучить ляховъ, страшно мучить,
 Мучить за Оксану!“
 Замолчалъ; нахмурился ѣдетъ,
 Шагомъ вслѣдъ обоимъ.
 Тяжко бѣдному бороться
 Съ долей,—дунуть слезы.
 Вотъ ужъ близко Боровики,—
 Къ нимъ онъ подъѣзжаетъ;
 Вотъ корма за рѣчкой Лейбы
 Тлѣетъ-догораетъ.
 Усмѣхнулся мой Ярема,
 Горько усмѣхнулся,—
 Не вчера ль еще, не здѣсь ли
 Предъ жидомъ я гнулся?
 А сегодня?—Жалко стало
 Той бѣды прошедшей.
 Гайдамаки, вокругъ оврага
 Лѣсомъ обогнѣвши,
 Догоняютъ пѣшехода,—
 Въ лохмотьяхъ дѣтина
 И въ лаптяхъ, такой убогий,
 На плечахъ корзина.

жельзнякъ.

— Гей, постой-ка, старичина!

старикъ.

— Не старикъ я, паны—
 Гайдамакъ я, паны, вольный!

жельзнякъ.

— Ты откуда жъ, драный?

старикъ.

— Изъ Кириловки я родомъ.—
 Здѣшній въ этомъ краѣ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

— Знаешь озеро въ Будищахъ?

СТАРИКЪ.

— Озеро-то знаю,—
Вонъ оно, за тѣмъ оврагомъ.
Близко до него.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

— Ну, а ляховъ нынче видѣлъ?

СТАРИКЪ.

— Нѣтъ, не видѣлъ никого,—
А вчера ихъ было много;
Вѣнки не святили,—
Ляхи не дали; за то ихъ
Славно мы побили.
Я своимъ ножемъ священнымъ
Тоже не далъ маху,—
Мой отецъ и мать...

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Ну ладно,—

Такъ и надо ляху.
Вотъ возьми себѣ червонецъ...

Посмотрѣлъ немного.

Послѣ взявъ, сказалъ— „Спасибо!“

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

— Ну, теперь въ дорогу!
Только слышите, безъ шуму.
Галайда, за мною!
Есть тамъ озеро въ оврагъ
И лѣсъ подъ горою,—
Тамъ обозъ. Скажи-ка хлопцамъ,

Чтобы подбирались
Оцѣпить его,—чай ляхи
Сторожить остались.

Оцѣпили лѣсъ;—ни ляха
Нѣтъ на караулѣ...

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Вонъ ихъ сколько!—Какъ на вѣткахъ
Понависли дули;—
Такъ сойвайте ихъ скорѣе,—
Такъ живѣй, ребята!

И посыпались на землю
Тутъ конфедераты,—
Словно груши гнилобоки
Наземъ повалились.
И не долго гайдамаки
Съ ляхами возились,
Нашли ямы, раскопали,—
Все успѣли взять,
И отправились въ Лисянку
Ляховъ добивать...

Пиръ въ Лисянкѣ.

Вечерѣтъ. Надъ Лисянкой
Зарево пылаетъ,—
Желѣзнякъ то съ Гонтой-братомъ
Трубки разжигаетъ.
Разожгли и закурили;
Въ пеклѣ не умѣютъ
Такъ курить; вся Тыкичъ-рѣчка

Кровью червонѣть
 И шляхтецкой и жидовской.
 И дома и хаты
 Всѣ въ огнѣ: караетъ доля
 Бѣдныхъ и богатыхъ.
 Желѣзнякъ и Гонта вмѣстѣ
 Встали средь базара
 И кричатъ: „Проклятымъ ляхамъ
 Кара,—ляхамъ кара!
 Пусть покаются злодѣи!..“
 И дѣти караютъ...
 Стонъ и плачъ: тѣ просятъ жизни,
 Эти проклинаятъ;
 А тому грѣхи предъ братомъ
 Исповѣдать надо—
 Ужъ предъ мертвымъ. Гайдамаки
 Рѣжутъ безъ пощады;
 Злы какъ смерть,—не разбираютъ
 Возраста и рода;
 Кровь шляхтенокъ и жидовокъ
 Льютъ, какъ будто воду.
 И калѣкъ и малыхъ дѣтокъ
 Рѣжутъ безъ разбору:—
 Никому не удалось
 Пережить ту пору.
 Все шляхетство, все жидовство
 Покотомъ лежало;
 А пожарнице до тучи
 Пламя поднимало!
 Галайда же знай взываетъ.
 „Кара ляхамъ, кара!“
 Какъ безумный мертвыхъ рѣжетъ,
 Бьется средь пожара.
 „Дайте мнѣ жиды и ляха,—
 Крови ихъ поганой!
 Море крови! Мало моря!..

Оксана! Оксана!
 Гдѣ ты?“ Крикнетъ и исчезнетъ
 Весь въ дыму, въ пожарѣ!..
 Вотъ столы ужъ гайдамаки
 Ставятъ на базарѣ,
 И несутъ туда съѣстное,
 Гдѣ что захватили,
 Чтобъ поуживать до ночи...
 „Гуляй!“ — Завопили.
 Съли ужинать; надъ ними
 Зарево краснѣетъ,
 А на висѣлицахъ труповъ
 Цѣлый рядъ чернѣетъ.
 Подгорить ли столбъ—и въ пламя
 Панскій трупъ свалится.
 „Можетъ быть еще придется,
 Братцы, намъ сойтись
 Съ важной шляхтой—честь большая,—
 Кто про это знаетъ?“
 Желѣзнякъ единымъ духомъ
 Кубокъ выпиваетъ.
 „Поруганье вашимъ трупамъ,
 А душамъ проклятье!
 Пью еще разъ! Пей же, Гонта!
 Пейте, други-братья!“
 — „Подождите, скоро ляхи“...
 — „Гдѣ они, какіе?“
 Всталъ Ярема.

Заперлися

Тамъ вонъ проклятые.

— „Разнесемъ!“

Нѣтъ, выпей лучше,—

Старой, братъ, постройки:

Самъ Богданъ когда-то строилъ,—

Значить будутъ стойки!

Я послалъ сказать проклятымъ,

Чтобъ выдали Паца,
 Подниму не то на воздухъ,
 Не хотятъ коль сдаться!..
 Пой, кобзарь, да не про дѣдовъ,—
 Ляховъ мы караемъ
 Ихъ не хуже; не про горе,—
 Мы его не знаемъ.
 Пой, играй,—да веселѣ,—
 Чтобъ земля дрожала,—
 Про вдовицу-молодицу,—
 Какъ она гуляла.

(Кобзарь играетъ и поетъ).

Отъ села до села
 Музыка играла;
 Куръ и яйца продала—
 Башмаки достала.
 Отъ села до села
 Танцовать мнѣ сладко;
 Ни коровы, ни вола—
 Лишь осталась хатка!
 Я отдамъ, я продамъ
 Хатку ту сосѣду;
 Торговать, шинковать
 Подъ плетнемъ засяду.
 Торговать, шинковать
 Чарочками буду;
 Танцовать и гулять
 Съ молодцами всюду.
 Вы, голубки мои,—
 Дѣтки мои малы,—
 Не печальтесь, не тлядите,
 Что мать загуляла.
 Сама въ наймы пойду,—
 Дѣтокъ въ школу отдамъ,
 А своимъ башмакамъ
 Ужъ задамъ, ужъ задамъ!

— „Плясовую—ну-ка, ну-ка
 Плясовую!“ Весь базаръ
 Заплясалъ, пошелъ въ присядку,
 Разгулялся малъ и старъ.
 Степь трясется.

железнякъ.

Ну-ка, Гонта!

ГОНТА.

А ударь-ка, братъ Максимъ,—
 Погуляемъ, пока цѣлы
 И попьемъ и покутимъ!..
 (Поетъ).

Не дивитесь, дѣвчата,
 Что я ободрался:
 Мой отецъ все дѣлалъ гладко,—
 Я въ него удался!

железнякъ.

Славно, Гонта! славно, братъ мой!
 Хорошо, ей-Богу!

ГОНТА.

Ну, а ты, Максимъ, чего же?

железнякъ.

Подожди немного!

(Поетъ).

Такъ какъ я—ты поступай—
 И дѣвицъ не разбирай:
 Всѣхъ люби,—хотя дьячкову,
 Хоть попову,—мужикову...

Всѣ танцуютъ, а Галайда
 Не видитъ, не чуетъ;
 На концѣ стола сидитъ онъ,—
 Плачетъ и тоскуетъ,
 Какъ ребенокъ. А чего бы?—
 Деньги есть, кафтаны;
 Есть и золото и слава,
 Только нѣтъ Оксаны.
 Не съ кѣмъ счастьемъ подѣлиться,
 Не съ кѣмъ пѣсню спѣть! —
 Знать придется одинокимъ,
 Сиротою умереть.
 Но, бѣдняга, онъ не знаетъ,
 Что онъ близъ Оксаны,
 Что за Тыкичемъ-рѣкою
 Держать ее паны,
 Что отца ея убили...
 Скрылись, негодяи,
 Да и смотреть изъ-за стѣнокъ
 На невзгоду края,
 Да на то, какъ бьютъ ихъ братьевъ,—
 Родъ жидовъ поганый.
 На пожаръ Лисянки смотреть
 Изъ окна Оксана.
 „Гдѣ-то, гдѣ-то мой Ярема?“
 И вздохнетъ глубоко;
 А сама того не знаетъ,
 Что онъ недалеко.
 Что въ Лисянкѣ, да не въ свѣткѣ,—
 Въ аломъ онъ кафтанѣ
 Тоже думаетъ, вздыхаетъ
 О своей Оксанѣ:
 „Гдѣ она, моя родуока,
 Какъ-то ей живется?“
 Изъ оврага въ плащъ окутанъ,
 Кто-то тамъ крадется,

„Кто тамъ? Кто такой?“—Галайда
 Въ темнотѣ пытается.

жидъ.

Я посоль отъ пана Гайты.
 Пусть онъ погуляетъ,—
 Подожду я.

Галайда.

Не дожدهшься

Его, жидъ-собака!

жидъ.

Я не жидъ,—аль не узнаешь,—
 Я, братъ, гайдамака!
 Вотъ копѣйка,—посмотри-ка,
 Не узнаешь, что ли?

Галайда.

Знаю, знаю! (И за ножны,
 Вынулъ ножъ оттолѣ.)
 Жидъ проклятый, признавайся,
 Гдѣ моя Оксана?

(Замахнулся.)

жидъ.

Богъ помилуй!

Тамъ же, тамъ у пана
 И вся въ золотѣ, въ палатахъ...

Галайда.

Выручай, проклятый!..

жидъ.

Ладно, ладно! И какой ты,
 Ярема, завзятый!
 Мигомъ сдѣлаю,—вѣдь деньги

Помогаютъ много.
Дамъ знать ляхамъ, что отъ Паца!..

ГАЛАЙДА.

Ну, теперъ въ дорогу!

жидъ.

Мигомъ, мигомъ! Тороплюся...
Гонту забавляйте
До полночи. Ну, а дальше...
Идите, гуляйте!..
А свести куда Оксану,—
Я того не знаю.

ГАЛАЙДА.

Въ монастырь подъ Лебединомъ,
Знаешь?

жидъ.

Знаю, знаю!..

И Галайда пляшетъ съ Гонтой,
Желѣзнякъ играетъ
На кобзѣ.
— „А ну-ка, кобзарь,
Попляши-ка, старче!“—
И слѣпецъ развеселился:
Молодого жарче,
Пыль взметаешь сапогами,
Наддаешь словами:

„Въ огородъ пустарякъ, пустарякъ!
Чѣмъ тебѣ я не казакъ, не казакъ?
Иль тебѣ я не люблю, не люблю?
Иль тебѣ я бабникавъ не куплю?“

Куплю, куплю, черноброва,—
Я куплю тебѣ обнову!

Буду, сердце, ходить,
Буду, сердце, любить!..

Ой, гоць, гопака!
Полюбила казака,
Да рыжого старика я—
Знать ужъ доля мнѣ такая!
Иди, доля, за тоскою,
А ты, старый, за водою.
Я въ шинель пойду одна,
Выпью чарочку вина,
За одной потомъ другую...
Баба выпила шестую,
Полыскала казака
И пошла съ нимъ гопака.
Рыжий, старый женку кличетъ,
А та ему кукишъ тычетъ.
Коль женился, сатана,—
Добывай теперъ ишена;
Надо дѣтокъ накормить
И за ними походить.
Не сердись, не обижайся
И ужъ больше не грѣши,
А за печку забирайся,
Козыбельку колыши!..

Какъ была я молодою грѣховодницею,—
Такъ повѣсила передникъ подъ оконницею.
Кто пройдетъ, не минетъ,
То кивнетъ, то моргнетъ,
А я шелкомъ вышиваю,
Да въ окошечко киваю.
Ой, Семены! Ой, Иванны
Надѣвайте-ка кафтаны,
Погулять со мной пойдемъ,
Сядемъ вмѣстѣ запоемъ!
Загоняй насьбку въ клѣтку,
А дылзятокъ въ хату...

Ни гу-гу!

Загнулъ батька дугу,
А сунонь затянетъ мать,—
Тебѣ, дочка, вязать!..

Стойте! Будеть!—крикнулъ Гонта,—
 Стойте,—погасаетъ.
 Свѣту, дѣтки! А гдѣ Лейба,
 Гдѣ онъ пропадаетъ?
 Эй, найти, да и повѣсить
 Петлею свинячей.
 Ну-ка, дѣтки,—погасаетъ
 Свѣтильникъ казачій!
 А Галайда:—Атаманъ, мы
 Пройдемся въ присядку,—
 Ярко свѣтитъ,—на базаръ
 И свѣтло и гладко.
 Гдѣ кобзарь? Играй живѣ!...

ГОНТА.

Не хочу плясать я.
 Эй, огня, да дегтю съ паклей,
 Кстати пушки, братья!
 Да пустить огонь въ подкопы,—
 Жалость, что ль, мы знаемъ?
 Заревѣли гайдамаки:
 „Ладно! Понимаемъ!“
 Черезъ рѣчку повалили
 Съ гиканьемъ и крикомъ.
 „Стойте!“ имъ кричить Галайда
 Въ ужасъ великомъ:
 Подождите, не стрѣляйте,
 Тамъ моя Оксана!
 Подождите хоть часочекъ,—
 Я ее достану.

ГОНТА.

Желѣзнякъ, скажи казакамъ,
 Чтобъ зажгли. Шучу я,
 Что ли, съ ляхами?.. Голубчикъ,
 Сыщется другая!

Оглянулся,—нѣтъ Галайды.
 Съ грохотомъ могучимъ
 Вмѣстѣ съ ляхами вся крѣпость
 Полетѣла къ тучамъ.
 Что осталось—занялось.
 Адомъ запылало.
 „Гдѣ Ярема?“ Гонта кличетъ
 Нѣтъ его—не стало...

Пока казаки танцовали,
 Ярема съ Лейбой не зѣвали,
 И дѣло сдѣлали свое,—
 Въ подвалы панскіе пробрались.
 Нашли Оксану и ее
 Ярема вынесъ чуть живую,—
 Ихъ конь осѣдланый ужъ ждалъ,
 И въ монастырь подъ Лебединомъ
 Ярема съ нею усакалъ...

Лебединъ.

— Я сиротка изъ Вильшаны, —
 Сирота, бабуса;
 Батька ляхами замученъ,
 А меня... боюсь
 Разсказать тебѣ, голубка,—
 Увезли съ собою.
 Не спрашивай, бабуса,
 Что было со мною.
 Я молилась, я рыдала,
 Сердце надрывала,—
 Сердце рвалось, слезы сохли;
 Если бы я знала,

Если бъ знала, что придется
 Встрѣтиться съ нимъ снова,
 Вдвое, втрое бы стерпѣла
 За одно лишь слово.
 Ты скажи, моя голубка,
 Можетъ я грѣшила;
 Можетъ Богъ за то караетъ,
 Что я полюбила?
 Полюбила стань высокій
 И карія очи,
 Полюбила, какъ умѣла,
 И какъ сердце хочеть.
 Не себѣ, не батькѣ—Божьей
 Милости просила,—
 Нѣтъ, бабуся, нѣтъ,—ему лишь,
 Кого я любила.
 Судъ пошли мнѣ, Боже,—волю
 Твою не нарушу;
 Страшно вымолвить,—хотѣла
 Загубить я душу;
 Коль не онъ бы, можетъ статься,
 Вправду загубила,—
 Тяжко было! Въ головѣ же:
 Боже ты мой милый.—
 Сирота онъ, кто привѣтитъ
 Безъ меня бѣдняжку,
 Приласкаетъ, какъ отъ горя
 Станетъ ему тяжко;
 Кто, какъ я, его обниметь?
 Кто его полюбить?
 Кто бѣдняжку добрымъ словомъ
 Въ свѣтѣ приголубить?
 Такъ я думала, бабуся,—
 Сердце же смѣялось.
 Сиротинка я, одна я
 На землѣ осталась.

Онъ вѣдь тамъ одинъ на свѣтѣ,
 И меня онъ любитъ,
 А про смерть мою узнаетъ
 И себя погубить!..
 Такъ я думала, молилась,
 Долго дожидалась:
 Нѣтъ его, нейдетъ ко мнѣ онъ,—
 Я одна осталась..
 И заплакала. Черница,
 Стоя передъ нею
 Наклонилась.

ОКСАНА.

— Бабуся,
 Расскажи мнѣ, гдѣ я.

ЧЕРНИЦА.

— Въ Лебединѣ, моя пташка;
 Не вставай,—болѣна ты.

ОКСАНА.

— Въ Лебединѣ? А давно ли?

ЧЕРНИЦА.

— Третій день слегла ты.

ОКСАНА.

— Третій день! Постой, припомню:
 Пожаръ надъ водою,
 Жидь... корчма и Майдановка...
 Зовутъ Галайдою...

ЧЕРНИЦА.

— Галайдою и Яремой
 Себя называетъ,
 Кто привезъ тебя.

ОКСАНА.

— А гдѣ онъ,
Гдѣ онъ пропадаетъ?

ЧЕРНИЦА.

Обѣщался чрезъ недѣлю
Быть онъ за тобою.

ОКСАНА.

Чрезъ недѣлю только, Боже,
Счастья я не стою.
Ахъ, бабуся,—знать минуло
Горе мое нынѣ?—
Мой Ярема—тотъ Галайда,
Славный въ Украинѣ.
Я, вѣдь, знаю какъ горѣли
Села, и какъ въ страхѣ
Предъ Галайдою дрожали
Лиходѣи—ляхи,
Знаютъ ляхи, вѣрно знаютъ
Кто онъ, какъ онъ рыщетъ
По Украинѣ, словно буря,
И кого онъ ищетъ.
Онъ меня искалъ, нашелъ онъ,
Мой орелъ прекрасный,
Прилетай же, мой голубчикъ,
Мой соколикъ ясный!..
О, какъ весело на свѣтѣ,
Весело какъ стало.
Чрезъ три дня еще, бабуся,
Дождать не мало...

„Загребай, мама, жаръ, жаръ, жаръ,—
Тебѣ будетъ дойка жаль, жаль, жаль“...
О, какъ весело на свѣтѣ!

А тебѣ, бабуся,
Иль не весело?

ЧЕРНИЦА.

— Тоской я,
Пташка, веселюсь.

ОКСАНА.

Почему же не поешь ты?

ЧЕРНИЦА.

Мы свое отпѣли...

Вотъ, къ вечернѣ призывая,
Звоны загудѣли,
И одна осталась въ кельѣ
Оксана. Черница
Въ Божій храмъ пошла къ вечернѣ
За нее молиться.
Чрезъ недѣлю мой Ярема
Съ Оксаной вѣнчался;
Въ тотъ же вечеръ, попрощавшись,
Отъ нея умчался;—
Новобрачную покинулъ
Ярема Оксану,—
Поспѣшилъ усердный хлопецъ
Снова къ атаману
Ляховъ рѣзать... Съ Желѣзнякомъ
Свадьбу онъ справляетъ

Тамъ на Уманьскихъ пожарахъ...
Въ кельѣ поджидаетъ
Друга милаго Оксана,—
Все глядитъ съ тоскою
Ужъ не ѣдетъ ли Ярема,
Чтобы взять съ собою...

Чтобъ избавиться отъ горя,
Надо помолиться.
Ну, а мнѣ настало время
Въ Умань воротиться...

Гонта въ Умани.

Проходятъ дни; минуло лѣто,
А Украина все горитъ.
По селамъ плачутъ малы дѣти;
Отцы убиты. Шелеститъ
Листами желтыми дуброва,
И солнце свѣтитъ не свѣтло,
И въ деревняхъ не слышно слова,
И чую труны, звѣрь безъ страха
Итти торопится въ село,—
Теперь вѣдь не хоронятъ ляха,
А кормятъ трунами волковъ,
Пока не скрылъ покровъ снѣговъ.

Не закрылась снѣгомъ кара:
Ляхи мерзли, а казаки
Усѣлись у пожара.
Вотъ весна вернулась снова,
Землю разбудила,—
Яркой зеленью, цвѣтами
Всю ее покрыла.
Соловей и жаворонокъ
Пѣсни распѣваютъ.

То они въ лѣсу и поѣхъ
Такъ весну встрѣчаютъ...
Для людей—ну, рай и только
Люди же, признаться,
Не хотятъ на рай тотъ свѣтлый

И полюбоваться:
Имъ все надо кровью скрасить,
Озарить пожаромъ,
Мало солнца, красокъ мало,—
Горько имъ не даромъ!
Скоро ль будетъ вамъ довольно
Благъ, что потъ руками?
Скоро ль ахъ жаждаютъ люди
Перестанутъ сами?
Не унять веснѣ раздоровъ
Съ злобою людскою.
Тяжко!—Но, вѣдь, то же было,
Если вспомнить Трою;
Такъ и будетъ...

Гайдамаки

Ляхамъ мстятъ, гуляютъ;
Гдѣ пройдутъ—земля сгораетъ,
Кровью заплываетъ.
Подыскалъ Максимъ сыночка!—
На всю Украину;
Не родной хоть сынъ Ярема—
Славная дѣтина.
Желѣзнякъ лишь только рѣжетъ,—
Ярема—лютуетъ.
Ножъ въ рукахъ; онъ на пожарахъ
Днюетъ и ночуетъ.
Капли жалости не зная,
Все караетъ строго,—
Онъ за ктitora метитъ ляхамъ,
За отца святого,
За Оксану...—Вспомнить,—сердце
У Яремы рвется.
А Максимъ ему:—Гуляй, сынъ,
Пока удастся!..
Погуляемъ!..

Погуляли...

Тѣль—на кучѣ куча;
Путь отъ Умани на Кіевъ
Въ ляхахъ мертвыхъ. Тучей
Гайдамаки о-полночи
Умань обступили,
И еще не встало солнце,
Умань запалили,—
Запалили съ грознымъ крикомъ:
„Кара ляхамъ снова!“
Покатились по базару
„Полки Narodowi“ *),
Пали тутъ малютки дѣти,
И калѣки вскорѣ.
Полилася кровь повсюду,
Разлилася какъ море,
Гонта всталъ средь моря крови
Съ Максимомъ завзятымъ
И кричать: „Такъ, дѣтки! Ладно!
Горе имъ проклятымъ!..“
Къ Гонтѣ ксѣндза-іезуита
Привела дружина
И двухъ мальчиковъ.. „Эй, Гонта,
Не твои ль два сына?
Только это,—знаешь, Гонта,
Это католики;
Что же всталъ?—Зарѣжь скорѣ,
Пока не велики,—
Подрастутъ и много горя
Принесутъ тебѣ же..
— Бейте пса! Щенять поганыхъ
Я и самъ зарѣжу!
Кличъ громаду! Признавайся,—
Ты католикъ тоже?

*) „Кавалерія Narodowi“—такъ назывались польскіе драгуны.

— Я по матери католикъ!..
О, Великій Боже!
Замолчите!—Знаю, знаю..
Вотъ громада въ сборѣ.
— Дѣти мои—недовѣрки;
Чтобъ не быть намъ въ ссорѣ,
Чтобы не было насмѣшекъ,—
„Панове-громада“..
Бить католиковъ я клялся,—
Всѣхъ ихъ рѣзать надо!..
Дѣти мои дорогія,
Ахъ, зачѣмъ вы малы,
Что не рѣжете вы ляховъ!?
— Будемъ...

Нѣтъ, пожалуй,
И не будете!.. Проклятье
Той, кто васъ родила,
Той проклятой католичкѣ,
Что васъ погубила;
Что не бросила васъ въ рѣку
Въ самый день рожденья.
Не легло бы мнѣ на душу
Это прегрѣшенье.
Не пришлось бы мнѣ дѣлать
Рокового шага.
А теперь... не я убью васъ,
А моя присяга!
Ножъ блеснулъ;—дѣтей не стало.
„Тятя“—лепетали—
„Тятя, тятя!—Мы не ляхи,—
Мы“... И замолчали.
— Схоронить ихъ что ль?
— Не надо
Недовѣркамъ гроба!..
Дѣти мои дорогія,
Что вы малы оба!

Что не рѣзали вы ляховъ
И той католички,
Васъ родившей?..

— „Ну, идемъ же,
Братецъ!“ По привычкѣ
Взялъ Максимъ его подъ руку.
Идутъ по базару
Съ грознымъ, страшнымъ крикомъ оба
„Кары ляхамъ, кары!“
И карали страшно, страшно!
Умань запылала.
И ни въ крѣпости, ни въ церкви
Никого не стало:
Полегли всѣ. Не бывало
Кары столь тяжелой,
Какъ тогда досталось ляхамъ!..
Базиліанъ школу,
Гдѣ учились дѣти Гонты,
Самъ онъ разоряетъ.
— Ты вспоила моихъ дѣтокъ—
Ляховъ проклинаятъ,—
Ты вскормила неразумныхъ,—
Добру ль научила?
Вали стѣны!

Стѣны школы
Толпа развалила.
Ксендзовъ камнями побили,—
Мучили, терзали...
А дѣтей же всѣхъ въ колодезь
Въ воду побросали.

—
Такъ кровью до ночи ножки обогрелись;
Души не осталось,—а Гонта кричитъ:
„Гдѣ вы, людиѣды? Куда подѣвались?
Вы дѣтокъ заѣли!.. Охъ, сердце болить.
Ужъ мнѣ не увидѣть ихъ черныя брови—

Родныхъ моихъ дѣтокъ!.. О, крови, мнѣ крови
Поганой шляхтецкой,—мнѣ хочется пить!
Хочу наглядѣться, какъ кровь червонѣетъ,
Хочу ей напиться! Что жъ вѣтеръ не вѣетъ,
Не гонить мнѣ ляховъ? Охъ, тяжело мнѣ жить!
Тяжело мнѣ плакать! Праведныя зори,
Скройтесь за горою, свѣтъ не нуженъ сталъ:
Я дѣтей зарѣзалъ! Горе мнѣ! О, горе!
Куда мнѣ дѣваться?..

Такъ Гонта кричалъ,
По Умани бѣгалъ. А среди базара
Столы гайдамаки ужъ ставятъ въ крови:
Добычу отсюду туда нанесли
И ужинать сѣли.—Послѣдняя кара,
И ужинъ послѣдній!..

— Ребята, гуляй!—
Кричитъ Желѣзнякъ,—не стѣсняйся, и жарь!
Пей, пока пьется и бей, пока бьется!
Пускай подъ ногами земля затрясется.
Живѣй плясовую по струнамъ ударь!—

И вотъ ударяетъ по струнамъ кобзарь:

„А мой батька шинкарь
И чеботарь;
Моя matka и пряха
И сваха!

А какъ братъ мой соколъ,—
Онъ привелъ
Мнѣ корову
Изъ дубровы;
Онъ принесъ мнѣ
Серьги, бусы,—
Въ нихъ я, Христа,
Наряжуся!
У меня ль у Христа
Дорога монеты;
На плечахъ сорочки.
А на нихъ-то строчки—

Все листы листочки!
Сапожки козловы,
А на нихъ подковы;
Въ нихъ пойду я рано
За своей коровой;
Я корову напою,
 Подую;
Съ молодцами постою,
 Постою!..

Ужинъ конченъ; ну теперь
Запирайте, дѣти, дверь!
Ты, старуха, не крушись,
Ко мнѣ ближе ты садись!..

Всѣ гуляютъ. Гдѣ же Гонта?
Что онъ не гуляетъ?
Что не пьетъ онъ съ казаками?
Что не распѣваетъ?
Нѣтъ его; на умъ ему, знать,
Пѣсня не приходитъ.
Кто же черный, словно туча,
По базару бродитъ?
Всталъ, кого-то ищетъ, роетъ
Въ грудѣ труповъ цѣлой;
Вотъ нагнулся и приподнялъ
Два малютокъ тѣла.
Взялъ къ себѣ онъ ихъ на плечи
И, позадь базара,
Зашагалъ чрезъ трупы мертвыхъ
Въ дымной мглѣ пожара.
Кто такой?—То бѣдный Гонта,
Сломленный тоскою.
Погребать несетъ двухъ дѣтокъ,—
Скрыть ихъ подъ землею,
Чтобы псы не обглодали
Нѣжное ихъ тѣло.
Темной улиной идетъ онъ,

Меньше гдѣ горѣло,
Чтобъ могилوکъ ихъ безвѣстныхъ
Не видали люди,
Не слышали бъ слезъ и вздоховъ
Изъ казацкой груди!
Въ поле чистое онъ вынесъ,
Ножъ онъ вынимаетъ,
Роетъ онъ пожемъ могилу,
Дѣтокъ укладываетъ;
А вдаль вылаетъ Умань,
Свѣтитъ на работу,
Свѣтитъ заревомъ на дѣтокъ...
Гонта, отчего ты
Озираешься? Крадешь ли,
Прячешь ли добычу,
Или трусишь? Иль не слышишь
Побѣднаго клича?
Гайдаматчина гуляетъ,
Весело пируетъ,
Но не слышитъ ихъ веселья
Гонта и не чуетъ.
Онъ глубокую средь степи
Строить дѣтямъ хату,
А въ ушахъ его все голосъ:
„Мы не ляхи, тату!“
Вотъ китайку изъ кармана
Гонта вынимаетъ;
Очи мертвыя цѣлуетъ,
Крестить, покрываетъ
Дѣтямъ головы казачьи
Той китайкой алой;
Вотъ раскрылъ ихъ снова,—плачетъ
Какъ ребенокъ малый.
„Дѣти мои, поглядите
Вы на Украину,—
За нее вѣдь вы погибли,—

За нее я сгину!
 А меня кто похоронить
 Средь чужого поля?
 Кто заплачетъ надо мною?
 Доля моя, доля!—
 Доля горькая и злая,
 Что ты патворила?—
 Для чего дѣтей дала мнѣ,
 Меня жъ не убила?
 Пусть не я ихъ, а они бы
 Здѣсь меня зарыли“.
 Покрестилъ, поцѣловалъ ихъ
 Да и скрылъ въ могилѣ.
 „Почивайте, мои дѣтки,
 Спите!—Неужели
 Не сготовила вамъ лучшей
 Злая мать постели?
 Безъ цвѣтовъ въ сырой могилѣ
 Здѣсь усните, дѣти,
 Да у Бога попросите,
 Чтобъ на этомъ свѣтѣ
 Покаралъ за грѣхъ мой страшный!
 Не питаю гнѣва,
 Что католиками стали;
 Смерть простите мнѣ вы!..“
 Землю онъ сравниалъ, могилку
 Дерномъ покрываетъ:
 Гдѣ почіють дѣти Гонты
 Пусть никто не знаетъ!
 „Поджидая меня, батьку,
 Почивайте дѣти.
 Скоро-къ вамъ приду,—недолго
 Жить и мнѣ на свѣтѣ;
 И меня убьютъ. Скорѣй бы!
 Одного не знаю—

Кто схоронить? Гайдамаки?
 Съ ними погуляю!..“

Пошелъ Гонта наклонившись,
 Что ни шагъ—споткнется;
 Все кругомъ горить—и Гонта
 Взглянетъ, усмѣхнется.
 Страшно, страшно усмѣхался,
 А потомъ на степь взглянулъ;
 Вытеръ очи и въ пожарномъ
 Дымѣ утонулъ!..

Эпилогъ.

Давно это было! Въ то время ребенкомъ.
 Оборвышемъ жалкимъ блуждалъ,
 Порою голодный, по тѣмъ я сторонкамъ,
 Гдѣ Гонта когда-то съ „священнымъ“ гулялъ.
 Давно это было;—по тѣмъ же оврагамъ,
 Гдѣ шли гайдамаки, младенческимъ шагомъ
 Ходилъ я и все человѣка искалъ,
 Который добру бы меня поучалъ.
 И вспомнилъ,—и жаль стало мнѣ, что бѣда
 миновала,—

Бѣда молодая. О, если бы снова настала,—
 И я на нее бы все счастье смѣнялъ.
 Припомню невзгоды и степи безъ края,—
 И батьку, и дѣдушку я вспоминаю:
 Отецъ мой давно ужъ покинулъ нашъ свѣтъ,
 Но—старецъ столѣтній—все живъ еще дѣдъ,
 Бывало отецъ мой, закрывши Минею,
 Съ сосѣдомъ подвынивъ, за чаркой своею,
 У дѣда просилъ, чтобы онъ рассказалъ
 Про старое время, про старые годы,

Какъ Гонты съ Максимомъ поляковъ караль.
 Столѣтнія очи сіяють, какъ зори,
 И слово за словомъ смѣялось, лилось,—
 Какъ ляхи бѣжали, какъ Смѣла горѣла,—
 И сердце нерѣдко отъ страха нѣмѣло;
 Мнѣ тоже ребенку не разъ довелось
 За ктитора плакать. Кому же забота,
 Что малому мальчику плакать охота?
 Возиться кому было надобно съ нимъ?
 Спасибо, что славу казачью, дѣдуся,
 Ты помнилъ; со внуками нынѣ дѣлюся,
 Дѣлюся я дивнымъ рассказомъ твоимъ!..

Вы простите, добры люди,—
 Рассказалъ не слишкомъ
 Складно, мало
 Довѣряя книжкамъ.
 Коли дѣдъ не такъ повѣдалъ,—
 Многи ему лѣта,—
 Такъ и я за нимъ; не зналъ онъ,
 Что писанье это
 Расскажу я грамотѣямъ.

Не вини, дѣдуся!
 Но пускай, съ чего ужъ началъ
 Я къ тому вернуся.
 Какъ во снѣ на Украину
 Унесусь мечтою;
 Полюбуюсь, да припомню
 Пропшое, бывшее,—
 Гдѣ ходили гайдамаки
 Съ „святыми“ ногами,
 Тѣ дороги, что я мѣрилъ.
 Малыми ногами.

Погуляли гайдамаки,
 Славно погуляли;—
 Чуть не годъ шляхтецкой крови
 Рѣки проливали,
 И исчезли; и пожи ихъ
 Ржавчина покрыла.
 Гонты нѣтъ; и гдѣ—не знаю
 Безъ креста могила.
 Лихо буйный вѣтръ развѣять
 Пепель гайдамачій,—
 Даже некому поплакать
 О судьбѣ казачьей;
 Только братъ одинъ названный
 И остался въ свѣтъ.
 Да и тотъ, когда прослышалъ,
 Какъ „бѣсовы“ дѣти
 Расплатились съ нимъ,—впервые
 Предался кручинѣ,
 И заплакалъ и съ слезами
 Умеръ на чужбинѣ;
 Грусть-тоска его свалила
 Не въ родимомъ полѣ,
 А въ чужой землѣ зарыла—
 Злая его доля.
 Грустно, грустно гайдамаки
 Желѣзную силу
 Погребли и накопили
 Надъ нею могилу.
 Поплакали, разошлись
 Кто откуда взялся;
 Только мой одинъ Ярема—
 Онъ одинъ остался.
 Долго онъ стоялъ. „Ну, батька,
 Спи ты на чужбинѣ,
 Коль тебѣ не стало мѣста
 Въ милой Украинѣ.“

Спи же съ миромъ;—будеть время,
 Кто-нибудь вспомнеть!..“
 И пошелъ онъ, сиротина;
 Отойдетъ да взглянеть
 И смахнеть слезу съ рѣсницы.
 Вотъ ушелъ далеко—
 И осталася могила
 Въ степи одинокой...

Посѣяли гайдамаки
 Рожь на Украинѣ,
 Но пожать не удалось;
 Намъ пожать ли нынѣ?
 Не родилась правда,—только
 Кривда процвѣтаеть.
 Разонилися гайдамаки
 Кто куда желаетъ.
 Тотъ домой пошелъ, съ „священнымъ“
 Этотъ не разстался
 И съ жидами кончить счеты
 Здѣсь еще остался.
 Той порою пришелъ послѣдній
 Часъ и старой Сѣчи.
 Разбрелися кто за Кубань,
 За Дунай—далече;
 Лишь пороги среди степи
 Стонуть, завываютъ:
 „Разсѣяли нашихъ дѣтокъ,
 И насъ разрываютъ!“
 И режутъ пороги плачутъ—
 Время ихъ минуло,—
 И Украина навѣки,
 Навѣки заснула!..

И съ тѣхъ поръ по всей Украинѣ
 Нивы зеленѣютъ;

Пушекъ болѣе не слышно,—
 Только вѣтры вѣютъ;
 Нагибаютъ вербы въ чащѣ,
 Да цвѣточки въ полѣ...
 Все безмолвно.—Пусть безмолвно,—
 На то Божья воля!..
 Лишь Дибиромъ порою ночью
 Идутъ гайдамаки
 Посѣдѣлые;—ихъ пѣсня
 Слышится во мракѣ:
 „Высока Галайды хата,—
 Не достанетъ и бѣда!
 Разыграйся сине море,
 Веселися Галайда!..“

Н. Головановъ и И. Б—овъ.

— 1844 г. —

Работница.

ПРОЛОГЪ.

Поле, утреннимъ туманомъ
Все покрытое, лежитъ,
А въ туманѣ, надъ курганомъ,
Словно деревцо стоитъ
Молодица-молодая,
Что-то къ сердцу прижимая,
И съ туманомъ говорить:

„Что меня ты не задавишь,
Что не скроешь подъ землею;
Что мнѣ вѣку не убавишь,—
Не убавишь доли злой?
Или нѣтъ, голубчикъ мой,
Не дави, а только въ полѣ
Спрячь, чтобъ люди не нашли;
Чтобъ моей несчастной доли
Знать и видѣть не могли!

Не одна, не сирота я:
Мать съ отцомъ еще живутъ,
И еще,—туманъ, мой братецъ,—
Есть сыночекъ; вотъ онъ тутъ...

„Ты, дитя мое родное,
Некрещеное дитя!
Въ часъ недобрый, на невзгоду,
Горемычнаго тебя
Окрестятъ чужіе люди.
А твоя родная мать,
Можетъ быть, и не узнаетъ,
Какъ сыночка будутъ звать.
Ахъ, вѣдь я была богата...
Не вини ты мать свою!
Стану Богу я молиться,
Много горькихъ слезъ пролью—
Съ неба выплачу я долю
И къ тебѣ ее пошлю!“

И пошла она полемъ, рыдая,
Укрываясь въ туманѣ, пошла;
И тихонько сквозь слезы запла—
Про вдову эта пѣсня была:
Какъ вдова на Дунай выходила,
Какъ въ Дунаѣ дѣтей схоронила...

„Во чистомъ полѣ могила.
Къ той могилѣ приходила
Молода вдова гулять,—
Злого зелья поискать.
Злого зелья не нашла,
Двухъ сыночковъ принесла.
Въ китаечку повила—
На Дунай рѣку пошла.
Тихій, тихій, мой Дунай,

Монхъ дѣтокъ забавляй..
Ты, песочекъ золотой,
Подъ собою ихъ укрой.
Накорми монхъ дѣтей,
Искунай ихъ и повей!“

I.

Былъ старикъ, была старушка;
Съ давнихъ поръ они вдвоемъ
Надъ прудомъ за рощей жили
Въ хуторочкѣ небольшомъ;
И, бывало, всюду вмѣстѣ,
Словно парочка ребятъ.
Подружились съ малолѣтства,
Какъ пасли еще ягнятъ;
А потомъ себѣ женились
И хозяйничать пошли:
Хуторъ, мельницу, садочекъ
Понемножку завели.
Было пчелъ у нихъ не мало,
И во всемъ порядокъ былъ;
Только дѣточками бѣдныхъ
Ихъ Господь не наградилъ.

А ужъ смерть-то за спиною
Косу точить ужъ свою.
Кто жъ ихъ старость приголубить?
Кто имъ будетъ за семью?
Кто схоронить, кто поплачетъ,
Кто помянетъ ихъ добромъ,
Распорядится, какъ должно,
Всѣмъ, что нажито трудомъ?
Тяжело въ некрытой хатѣ
Матихъ пѣстовать дѣтей;

Но состарѣться въ довольствѣ.
Да бездѣтнымъ, — тяжелѣй.
Тяжелѣй между чужими
Одиного умирать.
Въ посмѣянье на растрату
Все добро имъ покидать!

II.

Въ воскресенье разъ сидѣли
Старички мои рядкомъ,
Въ чистыхъ бѣленькихъ сорочкахъ,
На скамьѣ предъ хуторкомъ;
Небо радостно сіяло,
Тучекъ не было на немъ;
И спала далеко въ сердцѣ
Грусть, какъ звѣрь въ лѣсу глухомъ.

Что жъ въ раю такомъ печалить
Стариковъ? Какое зло?
Горе старое, быть можетъ,
Снова въ хату къ нимъ пришло?
Или въ сердцѣ шевельнулось,
Что подавлено вчера?
Или новая певзгода
Повстрѣчалась имъ съ утра?
Я не знаю, что тоскуютъ
Старикъ, что ихъ гнететъ:
Собрались, быть можетъ, къ Богу?
Кто же въ дальнюю дорогу
Имъ лошадокъ запряжетъ?

„Настя! кто насъ похоронитъ?“
— Знаетъ Богъ... Спроси Его.
Я ужъ думала не мало,

Да такъ горько, горько стало.
Много есть у насъ всего,
А кому мы накопили?
Одинешеньки съ тобой
Мы состарѣлись...—

„Постой!

Мнѣ сдается, кто-то плачетъ
У воротъ... Никакъ дитя!
Вотъ опять... пойдемъ скорѣе...
Что? Неправду молвилъ я?

Поднялись, бѣжать пустились;
Прибѣгають къ воротамъ
И какъ вкопанные встали,
Увидавъ ребенка тамъ.
Передъ самымъ перелазомъ,
Свиткой новенькой покрытъ,
И легко, легко повить,
Онъ лежалъ. Знать повивала
Мать своей рукой его...
И хоть лѣто, все же свитку
Положила на него.

И дивились и молились
Старики мои... У нихъ
Сердце выпрыгнуть хотѣло.
А ребеночекъ притихъ:
Не кричалъ ужъ и не плакалъ,
Улыбаясь, лишь глядѣлъ.
И ручонками, казалось,
Стариковъ достать хотѣлъ.

„Вотъ и доля, вотъ и счастье!
Видишь, какъ я угадалъ!
Не одинъ теперь мы, Настя,—
И сыночка Богъ послалъ!

Пеленай его, да въ хату...
Ишь, какъ смотритъ,—молодцомъ!
Ну! скорѣй за кумовьями
Въ городъ я пуцусь верхомъ“.

Чудно, право, какъ посмотришь,
Бѣлый свѣтъ нашъ сотворентъ!
Этотъ сынъ проклинаетъ
И изъ дому гонитъ вонъ;
Тѣ съ молитвой и слезами
Передъ образомъ святымъ
Ставятъ свѣчку, добытую
На копѣйку трудовую,
Чтобъ Господь далъ дѣтокъ имъ!

III.

Вотъ ребенка окрестили,
Маркомъ назвали его;
Кумовьевъ три пары было
На крестинахъ у него.
Маркъ растетъ. Его лелѣютъ,
Холятъ, нѣжатъ, берегутъ:
Что и дѣлать съ нимъ, не знаютъ,
Положить гдѣ—не найдутъ;
Даже дойная корова
Въ страшной роскоши живетъ.
Маркъ растетъ; проходитъ годъ.
И въ работницы на хуторъ
Наниматься разъ пришла,
Молодица-молодая
Черноброва и бѣла.

„Не взять ли, Настенька?“

— Пожалуй,
Возьмемъ, Трохимушка. Хотя

И подросло теперь дитя,
 А все жъ заботы съ нимъ не мало;
 Мы стары, хилы, захворать
 Мы оба можемъ... Надо взять.
 „И у меня ужъ силъ-то мало!
 Пожить и мнѣ-таки пришлось...
 Ну, что жъ? какую бы желала
 Отъ насъ ты плату? въ годъ небось,
 Иль въ мѣсяцъ, что ли?“—Какъ хотите.
 Вы лучше сами положите.
 „Э, нѣтъ! Святое дѣло трудъ,
 И счетъ, голубка, нуженъ тутъ.
 Кто не считаетъ, у того
 Весь вѣкъ не будетъ ничего.
 А развѣ такъ уговориться:
 Ты поживи да насъ узнай
 И намъ къ себѣ привыкнуть дай;
 А тамъ и станемъ ужъ рядиться.
 Ну, что же, дочка, по рукамъ?“
 — Идетъ!—„Такъ просимъ въ хату къ намъ“.

Дѣло слажено; довольна
 Молодица, весела,
 Точно съ паномъ породнилась
 Иль деревню нажила.
 Все трудится, все хлопочетъ.
 Вечеру и на зарѣ:
 То скребетъ и моетъ въ хатѣ,
 Тѣ съ скотинкой на дворѣ.
 А ребенка какъ лелѣетъ.
 Лучше матери родной.
 Въ праздникъ, въ будни головенку
 Моетъ теплой водой.
 Мальчикъ въ чистенькой рубашкѣ
 Щеголяетъ каждый день;
 Передъ нимъ молодкѣ нашей

И плясать, и пѣть не лѣнь.
 Научилась и телѣжки
 Вырѣзать она ему;
 А ужъ въ праздникъ съ рукъ не спустить,
 Не уступить никому.
 Старики не наливятся,
 Бога все благодарять,
 Что послать имъ на подмогу
 Не работницу, а кладъ;
 А не знаютъ, что проводить
 Ночи цѣлыя безъ сна,
 Злую долю проклиная,
 Горемычная она!
 И никто того не знаетъ...
 Развѣ Маркъ... Но для него
 Непонятно, отчего
 Такъ надъ нимъ она рыдаетъ
 И цѣлуетъ такъ его!
 Въ хлопотахъ сама нерѣдко
 Не доѣстъ и не допьетъ,
 А малютку не забудетъ,
 Покормить его придетъ!
 Ахъ! не знаетъ Маркъ, что ночью,
 Какъ застонетъ онъ подчасъ,
 И она съ постели вскочитъ
 И съ него не сводитъ глазъ,
 Покачаетъ и прикроетъ,
 И молитву сотворитъ...
 Каждый вздохъ младенца слышитъ,
 Хоть въ другомъ покоѣ спитъ.

Раннимъ утромъ, чуть проснувшись,
 Мальчикъ тянется скорѣй
 Къ неусыпной доброй Ганнѣ,
 И лепечетъ „мама“ ей...

Такъ идетъ за годомъ годъ
Маркъ и крѣпнеть, и растеть.

IV.

Съ тѣхъ поръ не мало лѣтъ минуло,
Воды не мало утекло.
На хуторъ горе завернуло
И слезъ не мало принесло.
Не стало тамъ бабуси Насти,
Чуть не отправился во слѣдъ
За нею, съ горя, старый дѣдъ.
Промчалось страшное несчастье
Подобно вихрю—и потомъ
Опять заснуло крѣпкимъ сномъ;
И изъ-за лѣсу благодать
Вернулась въ хуторъ отдыхать.

Маркъ давно ужъ чумакуеть *)
И осеннею порою
Дома вовсе не поучеть.
„Время сватать!“ самъ съ собой
Разсуждаетъ старый дѣдъ.
У кого бы? На совѣтъ
Ганну надобно позвать;
А она не прочь заслатъ
Сватовъ къ царскимъ дочерямъ.
— Спросимъ Марка. Скажетъ самъ.—
— Ладно, спросимъ. И потомъ
Тотчасъ сватовъ позовемъ“.
Разспросилъ. Согласились,
И спроводилъ въ тотъ же мигъ
Къ сватамъ Марка нашъ старикъ.

*) Нанимается возить товаръ.

Скоро сваты воротились,
Рушники и хлѣбъ святой
Принесли они съ собой.
Марку высватали кралою,
Да такую, что не звали,
Какъ о ней и рассказать:
Хоть бы гетману подъ стать;
И въ жупанѣ словно панна!
Радъ Трохимъ и рада Ганна.

„Ну спасибо, молодцы!
Такъ сведемъ же мы концы:
Надо тутъ же порѣшить,
Гдѣ и скоро ль свадьбѣ быть.
Да еще,—промолвилъ дѣдъ,—
Кто же матерью у насъ
Будеть?.. Насти бѣдной нѣтъ,
Нѣтъ ея! не дождалась...“

По лицу у сѣдого Трохима
Покатались слезы рѣкой;
А межъ тѣмъ у дверей недвижима,
За косякъ ухватившись рукой,
Какъ убитая Ганна стояла.
Въ хатѣ стихло... рѣчей не слышать,
И работница только шептала:
„Кто же матерью будетъ?.. гдѣ мать?“

V.

Каравай мѣситъ на хуторъ
Молодицъ гурьба сошлась.
Старый дѣдъ развеселился
И пустился съ ними въ плясъ;
Такъ и топаешь, и скачешь,

И ногами дворъ мететь;
 И прохожихъ, и проѣзжихъ
 Всѣхъ во дворъ къ себѣ зоветъ,
 Варенухой угощаетъ,
 И на свадьбу просить всѣхъ.
 На дворѣ и въ хатѣ слышны
 Пѣсни, говоръ, шумъ и смѣхъ.
 Старый мечется, хотъ ноги
 Измѣняютъ ужъ совсѣмъ;
 А изъ погреба за бочкой
 Бочку катятъ между тѣмъ.
 Напекли и наварили
 Много всякаго добра;
 И скребутъ и выметають
 Всюду съ самаго утра.

Только все чужіе люди...
 Что жъ работница не тамъ?
 Въ Кіевъ Ганна поклониться
 Побрела къ святымъ мощамъ.
 Не пускалъ старикъ, и плакалъ
 Маркъ, прося, чтобы за мать
 У него она на свадьбѣ
 Оставалась. Удержать
 Не могли однакожъ Ганны.

— Нѣтъ ужъ, Маркъ,пусти меня.
 Мнѣ за мать сидѣть не ладно...
 Богачи твоя родня,
 Я работница... Пожалуй,
 Осмѣютъ тебя, какъ разъ.
 Помоги вамъ Богъ. Молиться
 Лучше я пойду за васъ...
 Если примете, оттуда
 Къ вамъ опять я ворочусь

И, покуда силы хватитъ,
 Въ вашей хатѣ потружусь—

И ему благословенье
 Съ сердцемъ искреннимъ дала
 И заплакала... И тихо
 Изъ воротъ она пошла.

Пиръ на хуторѣ въ разгарѣ:
 Не умолкаетъ шумъ и гамъ;
 Достается музыкантамъ,
 Достается каблукамъ;
 Варенухой лавки моютъ.
 А межъ тѣмъ свой дальній путь
 Ужъ работница кончаетъ;
 Не успѣла отдохнуть
 И къ хозяйкѣ, гдѣ пристала,
 Нанялась ужъ поскорѣй—
 И таскаетъ воду ей.
 На пути деньжонки вышли;
 Надо что-нибудь скопить.
 Чтобъ Варварѣ преподобной
 Хотъ молебень отслужить.
 Работаетъ, воду носить;
 Накопила семь рублей.
 Марку шапочку кушила
 У святыхъ она мощей,
 Голова чтобъ не болѣла...
 Для жены его потомъ
 Отъ Варвары преподобной
 Запаслася перстенькомъ;

И, святымъ всѣмъ поклонившись,
 Побрела опять домой.
 Воротилась; Маркъ встрѣчаетъ
 У воротъ ее съ женой;

Входятъ въ хату и сажаютъ
 Нашу странницу за столъ.
 Накормили, и про Кіевъ
 Разговоръ у нихъ пошелъ.
 Отдохнуть ей Катерина
 Постлала сама постель.
 — Чтò они меня такъ любятъ!
 О, мой Боже! Неужель
 Обо всемъ они узнали...
 Догадалися, кто я?
 Нѣтъ, а добрыми родились!..

И изъ глазъ у ней катились
 Слезы, слезы въ три ручья!

VI.

Рѣка ужъ трижды замерзала,
 И трижды уносились льдины;
 И въ дальній Кіевъ провожала
 Ужъ трижды Ганну Катерина,
 Какъ мать родную провожала.
 Въ четвертый разъ далеко съ нею
 Прошлася полемъ—до кургана
 И все просила, чтобъ скорѣ
 На хуторъ возвращалась Ганна:
 Какъ бы безъ матери, уныло
 У нихъ въ семьѣ безъ Ганны было.

Послѣ Троицы, однажды
 Въ воскресенье, дѣдъ Трохимъ
 На дворѣ сидѣлъ у хаты;
 И съ собакой передъ нимъ
 Внуку игралъ, а внучка юбку
 Катеринину нашла

И, въ нее одѣвшись важно,
 Тихо въ гости къ дѣду шла.
 Засмѣялся старикъ, внучку
 Рядомъ сѣсть онъ пригласилъ,
 Будто вправду молодницу,
 И потомъ ее спросилъ:
 „А куда ты хлѣбъ дѣвала?
 Можетъ, отнялъ кто въ лѣсу?
 Или испечь его забыла?
 Такъ вотъ я тебя, лису!“

А работница въ ворота
 Входитъ въ этотъ самый мигъ;
 Ей съ внучатами навстрѣчу
 Живо бросился старикъ.

— Гдѣ же Маркъ? спросила Ганна.
 Видно все въ дорогѣ?—

„Да“.

— Охъ! пасилу я, пасилу
 Дотацилась къ вамъ сюда.
 Умирать-то не хотѣлось
 Мнѣ въ далекой сторонѣ.
 Хотъ бы Маркъ скорѣй вернулся.
 Чтò-то больно, тяжело мнѣ.—

И гостинцы изъ лукошка
 Вынимаетъ для ребятъ:
 Внучкѣ старшенькой Оришѣ
 Крестикъ, бусы и дукать;
 Въ золотой, изъ фольги, ризѣ
 Образочекъ тоже ей;
 И для Карпа есть игрушки:
 Два коня и соловей.
 Катеринѣ съ богомолья
 Ужъ четвертый разъ съ собой

Перстенекъ она приносить
 Отъ Варвары, отъ святой.
 Вотъ три свѣчки изъ святого
 Воску дѣду отдала.
 А себѣ и Марку нынче
 Ничего не принесла:
 Денегъ больше не хватило,
 А работать нѣту силъ.
 — Да! вѣдь бубличка кусочекъ
 У меня есть гдѣ-то тамъ...—
 Отыскала и внучатамъ
 Раздѣлила пополамъ.

VII.

Въ хатѣ тотчасъ ей умыла
 Ноги Маркова жена,
 Принесла потомъ ей полдникъ;
 Но не ѣсть, не пить она.
 — Катерина! Послѣ завтра
 Воскресенью надо быть;
 Хоть бы вынуть часть за здравье
 Да молебень отслужить
 Чудотворцу Николаю.
 Что-то Маркъ у насъ пропалъ...
 Какъ бы гдѣ-нибудь въ дорогѣ,
 Бѣдный, онъ не захворалъ—

И катились тихо слезы
 Изъ потухшихъ старыхъ глазъ;
 Изнуренная, наизу
 Съ мѣста Ганна поднялась.
 — Охъ, не та ужъ, Катерина,
 Стада я, Хила, стара,
 На ногахъ едва держуся;
 На покой мнѣ, знать, пора.

Хоть въ теплѣ, а тяжело, Катря,
 Умирать въ дому чужомъ.—

Захворала крѣпко Ганна.
 Посылали за попомъ
 И соборовали масломъ,
 Но не стало легче ей.
 Катерина не спускала
 Съ умирающей очей,
 День и ночь надъ ней сидѣла,
 Грустно голову склонивъ.
 Дѣдъ бродилъ все по надворью
 И унылъ, и молчаливъ.
 По ночамъ надъ хатой слышенъ
 Былъ зловѣщій крикъ совы.
 Съ каждымъ часомъ становилось
 Ганнѣ хуже. Головы
 Ужъ она не подымала
 И не ѣла ничего,
 Только Марка вспоминала...
 — Катря! охъ, когда бъ я знала,
 Что увижу я его...
 Я еще бы подождала...—

VIII.

Беззаботно съ чумаками
 Степью Маркъ себѣ идетъ;
 Не спѣшитъ онъ, распѣваетъ
 И воловъ въ степи пасетъ.
 Онъ сукна везетъ въ гостинецъ
 Дорогого два куска
 Для жены и поясъ алый
 Для Трохима старика,
 Парчевой очипокъ Ганнѣ,

Да еще купилъ онъ ей
 Съ расписной каймой платочекъ;
 А для маленькихъ дѣтей
 Черевички, винограду,—
 Всѣмъ же вмѣстѣ изъ Царьграду
 Въ бочкѣ красное вино;
 И икры не мало съ Дону
 У него запасено.
 Онъ идетъ да распѣваетъ,
 А что дома ждетъ—не знаетъ.

Дотацился понемногу;
 Вотъ и дома онъ опять.
 Помолившись прежде Богу,
 Сталь ворота отворять.
 — Катря, Катря! Иль не слышишь?
 Воротился Маркъ. Иди
 Поскорѣй ему навстрѣчу,
 Да сюда его веди.
 Слава Господу! Дождаться
 Грѣшной мнѣ сподобилъ Онъ...—
 И читала Ганна тихо
 „Отче нашъ“, какъ бы сквозь сонъ.

На дворѣ ярмо снимаетъ
 Расписное дѣдъ съ воловъ.
 Вышла къ мужу Катерина,
 На него глядитъ безъ словъ.
 „Катря! Гдѣ же наша Ганна?
 Что нейдетъ ко мнѣ сюда?
 Ужь, помилуй Богъ, жива ли?
 Не случилась ли бѣда?“
 — Нѣтъ! А крѣпко захворала...
 Ужь давно она лежитъ,
 Все тебя зоветъ... „Когда же
 Маркъ вернется?“ говорить.

Поскорѣй пойдѣмъ, а батько
 За волами приглядитъ.

Входятъ въ хату. Маркъ не смѣетъ
 Перейти черезъ порогъ.
 — Слава Богу! шепчетъ Ганна.
 Не пугайся, Маркъ, дружокъ,
 Подойди: а ты, Катруся,
 Выйди изъ хаты и вдвоѣмъ
 Съ нимъ оставь насъ. Нужно Марка
 Разспросить мнѣ кой-о-чемъ...—

Вонъ выходитъ Катерина.
 Маркъ нагнулся надъ больной.
 — Маркъ, голубчикъ! подивися,
 Посмотри ты, что со мной!
 Видишь, я какая стала?..
 Вся измучилась, больна...
 Не работница, не Ганна
 Я...—

И стихла вдругъ она.
 Маркъ и плакалъ, и дивился,
 И стоялъ не шевелясь,
 Вдругъ глаза она открыла
 И слезами залилась.
 — Не вини меня! Казнилась
 Я весь вѣкъ въ чужой избѣ.
 Не вини меня, сыночекъ,
 А прости: я мать тебѣ.—

Земля какъ будто разступилась
 Подъ бѣднымъ Маркомъ въ этотъ мигъ.
 Онъ съ воплемъ къ матери приникъ...
 Но сердце матери не билось.

А. Н. Плещеевъ.

— 1845 г. —

Къ основьяненкъ.

На Днѣпрѣ шумять пороги;
Всходитъ, какъ бывало,
Въ небѣ мѣсяцъ... Только Сѣчи —
Сѣчи ужъ не стало!
Камыши, къ водѣ склоняясь,
Синій Днѣпръ пытаются:
„Гдѣ же, гдѣ же наши дѣти?
Гдѣ они гуляютъ?“
Съ жалкимъ стономъ вьется чайка,
Словно дѣтокъ ищетъ;
По казачьей вольной степи
Буйный вѣтеръ рыщетъ.
А вдоль степи за могилой
Высятся могилы,
Съ буйнымъ вѣтромъ тѣ могилы
Шепчутся уныло:
„Гдѣ же наши? гдѣ вы, братья?
Гдѣ зашировались?
Воротитесь! поглядите...
Мы одни остались —

Гдѣ паслися ваши кони,
Гдѣ трава шумѣла,
Гдѣ татарской, ляхской кровью
Степь кругомъ алѣла...
Воротитесь!“

— Не вернутся! —

Глухо простонали
Волны въ морѣ: — не вернутся!
Всѣ навѣкъ пропали! —
Правда, правда, сине море:
Такова ихъ доля.
Не вернутся удалые,
Не вернется воля,
Не вернется вѣкъ казачій,
Не придутъ гетманы,
Не покроютъ всей Украины
Красные жупаны.
Надъ Днѣпромъ она горюетъ
Жалкой сиротою,
И ничьей души не тронетъ
Горькою бѣдою.
Только врагъ одинъ смѣется:
Лишь ему забава!
Смѣйся! Все пускай погибнетъ —
Не погибнетъ слава;
Не погибнетъ, а расскажетъ,
Что творилось въ свѣтѣ,
Чья неправда и чья правда,
Скажетъ чьи мы дѣти.
Нашей думы, нашей пѣсни
Ворогъ нашъ не сгубитъ —
И родную нашу славу
Пѣсня та протрубитъ.
Нѣтъ въ ней злата, камней цѣнныхъ —
Степи да оковы,

А громка, свѣтла, правдива,
 Какъ Господне слово.
 Такъ ли, такъ ли, мой сердечный?
 Правду ль говорю я?
 Эхъ, и радъ бы молвить больше,
 Да молчишь, горюя.
 А кругомъ земля чужая,
 Да чужіе люди.
 Можетъ, скажешь: „Пой, не бойся!“
 Что жъ въ томъ проку будетъ?
 Осмѣютъ псаломъ мой горькій,
 Вылитый слезами;
 Осмѣютъ его... Ахъ, тяжело,
 Тяжко жить съ врагами!
 Можетъ я и поборолся бъ,
 Если бъ стало силы,
 И заплѣлъ бы — только голосъ
 Стужей захватило.
 Таково-то мое горе,
 Милый мой, родимый!
 Затянуть средь зимней вьюги
 Свой напѣвъ любимый —
 Голосъ рвется. Ты жъ, сердечный —
 Всѣ тебя тамъ знаютъ,
 И тебя за голосъ громкій
 Люди уважаютъ.
 Пой про Сѣчь имъ, голубъ сивый,
 Пой имъ про могилы.
 Кто насыпалъ ихъ, кого въ нихъ
 Мать-земля укрыва.
 Пой про старь, про то что было,
 И чего ужъ нѣту...
 Пой, чтобъ голосъ твой далеко
 Разнесся по свѣту;
 Пой, что дѣлалось въ Украинѣ,
 Какъ она терзалась,

Отчего казачья слава
 Съ края въ край промчалась!
 Пой, орелъ мой! я съ тобою
 Сердцемъ погорюю,
 Хоть во снѣгъ ее увижу —
 Родину святую;
 Пусть хоть разъ еще услышу,
 Какъ море играетъ,
 Какъ плетъ вербою дѣвица
 „Гриця“ запѣваетъ;
 Пусть хоть разъ я на чужбинѣ
 Встрепенусь душою —
 А ужъ тамъ засыплютъ очи
 Мнѣ чужой землею.

М. Михайловъ.

Завѣщаніе.

Какъ умру я — схороните
 На Украинѣ милой;
 Пусть курганъ въ степи широкой
 Будетъ мнѣ могилой.
 Мнѣ оттуда будутъ видны
 Днѣпръ, луга и кручи;
 Будетъ слышно, какъ волнами
 Днѣпръ реветъ могучій...
 Схоронивъ, соединитесь
 Въ братствѣ вольномъ, новомъ
 И меня не позабудьте
 Вспомнить добрымъ словомъ!..

Ив. Бѣлоусовъ.

Мертвымъ, и живымъ, и ненарожденнымъ
землякамъ моимъ, въ Украинѣ и не въ
Украинѣ находящимся, мое дружеское
посланіе.

„Аще кто речеть, яко люблю
Бога, а брата своего ненави-
дитъ—ложь есть.“

Солнце всходитъ и садится,—
Божій день проходить,
И уставшій, утомленный
Людъ покой находитъ;
Только я, какъ окаянный
День и ночь все плачу,—
Окруженъ толпою шумной
Даромъ слезы трачу,—
Видѣть ихъ никто не хочеть,
Словно и не чують.—
И оковами мѣнясь,
Правдою торгуютъ;
И людей въ ярмо впрягая,
Бога унижаютъ;
Пашутъ ими и бѣдою
Поле засѣвають.
А что будетъ?—Посмотрите—
Что тамъ выйдетъ въ полѣ!
Опомнитесь, недолудки,
Дѣти злой недоси!
Полюбуйтесь, посмотрите
На рай—Украину,
И всѣмъ сердцемъ полюбите
Родину-руину...

Цѣпь порвавъ, соединитесь
Вы и на чужбинѣ;
Не ищите понапрасну
Чего нѣтъ въ поминѣ
И на небѣ,—а не только
У чужого поля:
Въ своей хатѣ—своя правда
И сила, и воля!...

Другой Украины нѣтъ на свѣтѣ,
Другого нѣтъ нигдѣ Днѣпра!—
А вы стремитесь на чужбину
Тамъ добывать себѣ добра,—
Добра святого, братства, воли,
Любви и истины.... Нашли,—
Несли, несли съ чужого поля
И въ Украину принесли
Одни слова!—Слова—и только;
А кто изъ васъ намъ не кричалъ,
Что вы избранники, пророки,
Что самъ Господь васъ къ намъ послалъ
Не для того, чтобъ предъ неправдой
Склонялись головы у васъ!
А гнетесь вы, какъ гнулись прежде,
Дерете шкуру такъ же съ насъ
Съ людей и темныхъ и убогихъ,
И снова въ правдѣ подкрѣплять
Себя въ нѣметчину стремитесь...
О, если бы съ собою взять
Могли все доброе, что дѣды
Для васъ награбили,—тогда
И Днѣпръ и горы бѣ сиротами
Безъ васъ остались навсегда!..

Когда бы такъ случилось, что вы не вернулись,
Тамъ сгибли, гдѣ свѣтъ вамъ пришлось увидеть,—
Не плакали бѣ дѣти, и мать не рыдала бѣ,—
Не стали бѣ напрасно на Бога роптать!

25 зис 18

И вы не носились бы гнойной заразой
Надъ чистой, широкой, свободной землей;
И что за орлы вы—не знали бы люди,
И не кивали бъ на васъ головой!...

Оглянитесь! Или скоро ✓

Къ вамъ бѣда нагрянетъ:

Людь порветъ свои оковы

И свободный встанетъ.

Судъ придетъ,— и Днѣпръ, и горы

Скажутъ вамъ—о, горе!..

Кровь рѣками разольется

И польется въ море.

Братъ отъ брата отречется;

Мать свою родную

Не признаетъ сынъ въ ту пору—

Въ ту годину злую.

И дымъ тучею закроетъ

Солнце передъ вами,

И навѣки проклянетесь

Вашими сынами!...

Умойтесь, образъ Божій

Грязью не скверните,

✓ Господами быть надъ нами

Дѣтокъ не учите.

Будетъ время—Правда Божья

Въ душу имъ заглянетъ

И суда, расправы грозной

День для нихъ настанетъ.

Когда бъ учились вы какъ нужно,

То мудрость бы была своя.

А то залѣзете на небо—

„И мы—не мы! и я—не я!“

И все-то вижу, все-то знаю

И ада нѣтъ, и нѣту рая,

И Бога нѣтъ! и только я

Да нѣмецъ мудрый и ученый!..“

— Такъ въ чемъ же мудрость-то твоя?

— „Пусть за насъ отвѣтитъ нѣмецъ,—

Мы про то не знаемъ!“

— Такъ вотъ какъ вы просвѣтились

Чужеземнымъ краемъ!

Нѣмецъ скажетъ: „Вы монголы!“

— Монголы, монголы!

Золотого Тамерлана

Мы внучата голы!

Нѣмецъ скажетъ: „Вы славяне!“

— Мы славяне, вѣрно—

Нашихъ прадѣдовъ великихъ

Правнуки мы скверны!..

Шафарика и Коляра,

Ганку изучаютъ

И брататься со славянствомъ

Отъ души желаютъ.

Всѣ исторіи, языки—

Все вы изучили,

Научиться лишь родному

Языку забыли.

— „Какъ понять родное слово,

Нѣмецъ намъ укажетъ,

А пока онъ намъ же нашу

Жизнь всю поразскажетъ.

Вотъ тогда мы разойдемся!“

Ну, и заходили,—

По нѣмецкому показу

Всѣ заговорили,

Такъ что нѣмецъ самъ не понять—

Учитель великій;

Гдѣ же возникнуть сѣрымъ людямъ?

А гвалту, а крику!

И гармонія, и сила.—

Музыка Эдема!

А исторія,—народа
 Вольнаго поэма!
 Что тамъ съ Брутами своими
 Старый Римъ надменный!—
 У насъ Бруты и Коклеса
 Въ славѣ незабвенной!
 У насъ воля выростала,
 Дѣвпромъ умывалась,
 Подъ головы горы клала,
 Степью укрывалась.
 И не разъ ей приходилось
 Кровью умываться,
 Сномъ тяжелымъ на казацкихъ
 Трупахъ забываться!..
 Пораздумайте объ этомъ,
 Прочитайте снова
 То, что сказано о славѣ
 Отъ слова до слова.
 И ни титлы, и ни знака
 Вы не пропускайте,—
 Что такое вы за люди—
 Подлинно узнайте
 Кто отцы? и чьи вы дѣти?
 И кому въ неволю
 Вы запродали навѣки
 Свою вольну волю!

Польской знати соръ и грязь
 Ваши славные гетманы
 Чѣмъ же чванитесь вы,—
 Вы украинскіе паны?
 Тѣмъ, что носите ярмо
 Лучше дѣдовъ, какъ бывало?
 Съ васъ теперь дерутъ ремни,
 А изъ нихъ топили сало!..

И конецъ пришелъ Украинѣ!—
 Пусть про это знаютъ,—
 Что, какъ ляки, свои дѣти
 Ее распинаютъ.
 Словно пиво, кровь изъ реберъ
 Праведную точать,—
 Современными огнями
 Просвѣтитъ, вишь, хочутъ,—
 Мать сѣдую и слѣпую
 Повести за вѣкомъ,
 По нѣмецкому указу
 Сдѣлать человѣкомъ.
 — Что жъ,—ведите и учите,—
 Будетъ вамъ награда:
 Передъ вашими очами
 Упадетъ преграда,
 И поднимется и встанетъ,
 Передъ вами слава
 Вашихъ прадѣловъ и дѣдовъ
 И отцовъ лукавыхъ!..

Учитесь, братцы мои,—
 Учитесь, читайте;
 Но чужому научаясь,
 Свое не бросайте:
 Кто забудетъ мать родную,—
 Тѣхъ Господь караетъ,
 Отъ людей тотъ ни привѣта,
 Ни ласки не знаетъ.
 Свои дѣти—какъ чужія;
 И нигдѣ для злого
 На всей землѣ безконечной
 Нѣтъ пріюта, крова!

Я рыдаю,—только вспомню
 Про дѣла бывшая
 Нашихъ дѣдовъ. Чтобъ забыть ихъ
 Годы молодые
 Я бы отдалъ,—не жалѣлъ бы
 Жизни половины.—
 Вотъ какая наша слава,
 Слава Украины!
 Глубже вдумайтесь, вчитайтесь,
 Чтобы передъ вами
 Вся неправда поднялася
 Съ вашими дѣлами.
 Чтобъ раскрылися могилы
 И вамъ показали
 Тѣхъ, кого за правду люди
 Въ прошломъ распинали...

Обнимите же, о, братья,
 Брата бѣдняка,—
 Пусть у матери не льется
 Горькихъ слезъ рѣка.
 Пусть она благословитъ ихъ
 Твердыми руками,
 Вы же братьевъ поцѣлуйте
 Вольными устами;—
 И забудется навѣки
 Давняя година,—
 Снова въ доброй славѣ встанетъ
 Наша Украина;
 Свѣтъ великій разольется
 По родному краю...
 Обнимитесь же, о, братья,
 Я васъ умоляю...

Ив. Бѣлоусовъ.

— 1846 г. —

Пустая хата.

(М. С. Щепкину)

Научи меня, кудесникъ,
 Другъ мой сѣдоусый,
 Какъ быть въ мірѣ равнодушнымъ,
 Такъ, какъ ты? Боюсь.
 Погорѣлую разрушить
 Хату нѣту воли,
 Схоронить живое сердце
 Жалко мнѣ до боли!..
 Можетъ быть придетъ надежда,—
 Приплыветъ съ водою—
 Животворною, цѣлебной—
 Съ тихою слезою.
 Можетъ быть придетъ надежда
 Зимовать со мною,
 И нагрѣетъ мою хату
 Лютою зимою.
 Съ нею легче заживется
 Мнѣ на бѣломъ свѣтѣ,—

И проснутся, и вернутся
 Думы — мои дѣти,
 Съ ними вмѣстѣ погорюю
 И зальюсь слезою,—
 Хоть сквозь сонъ увижу правду
 Надъ родной землею.

Ив. Бѣлоусовъ.

— 1847 г. —

Утопленница.

Вѣтеръ по лѣсу не рыщетъ—
 Спать—опочиваетъ!
 А пробудится—тихонько
 Тростинки пытается:
 „Кто здѣсь косу холить, чесеть,
 Бродить по откосу?
 Кто тамъ, кто тамъ за рѣкою
 Рветъ и треплетъ косу?
 Кто же это? кто?“ тихонько
 Спроситъ онъ, повѣтъ—
 И опять заснетъ, доколѣ
 Небо не зардѣтъ.
 „Кто же это? кто же?“ спроситъ
 Дѣвица иная.
 Та, что ходитъ по откосу—
 Дочка, а другая,
 Что блуждаетъ за рѣкою—
 Мать ея родная.
 Ужъ давнымъ-давно Украина
 Ту былинку знала,

Какъ въ селѣ, въ нарядной хатѣ,
 Вдовушка жила.
 Черноброва, бѣлолица,
 Статна да висока;
 А въ жупанѣ, словно панна—
 Спереди и съ боку.
 Молода была, пригожа,
 А за молодою,
 Да къ тому жъ еще за вдовой,
 Казаки ордою
 Такъ и ходять. И за нею
 Вся орда ходила
 До тѣхъ поръ, какъ на свѣтъ дочку
 Вдовушка родила...
 И не тужить: къ добрымъ людямъ
 Вызнала дорожку,
 И сдала въ чужой деревнѣ
 Дочку на кормежку.
 Подождите, то ли будетъ!
 Люди дочь растили,
 А вдова-то—былъ ли праздникъ,
 Или будни были—
 Съ холостымъ ли, иль женатымъ—
 Пила да гуляла
 До тѣхъ поръ, пока на горе
 Ужъ не тою стала:
 Не слыхала, какъ минули
 Красные годочки...
 Горе, горе! мать старѣетъ,
 Расцвѣтаетъ дочка,
 Вырастаетъ... И вотъ—Ганна
 Вырасла на волѣ
 Высока, тонка, красива,
 Словно голубъ въ полѣ.
 „Я Ганнуся не боюсь“.
 Мать имъ напѣваетъ:

А молодчики смѣются,
 Да на дочь моргаютъ.
 Тутъ рыбакъ ей подвернулся,
 Бравый да кудривый:
 Млѣть, сохнеть, тутъ сойдется
 Съ Ганною чернявой.
 Увидала мать-старуха—
 Къ ней простоволосой:
 „Вишь, растрепанная погань,
 Выкидывъ ты босый,
 Разневѣстилась некстати—
 Съ парнями гуляешь...
 Больно рано!—вотъ постой-ко!
 Мать вѣдь не захаетъ,
 Нѣтъ, голубка!“
 И, со злости,
 Съѣла бы, казалось...
 И то мать была! Гдѣ жъ сердце
 Женское дѣвалось—
 Сердце матери? Охъ, горько
 Такъ на свѣтъ родиться:
 Красоту имѣть, а сердце
 Не имѣть, дѣвицы!
 Станъ согнется, взоръ потухнетъ,
 Брови блекнуть стануть—
 И не хватитесь; а люди,
 Смѣются, вспомануть
 Ваши годы молодые,
 Да и скажутъ: „святая“.
 Тяжко плакала Ганнуся,
 И сама не знала
 Отчего ее родная
 Лаешь-проклинаятъ.
 Безъ стыда дитя родное
 Выкидышемъ хаетъ.

Крѣпко мучила, томила—

Все не помогало:

Словно макъ на огородѣ,

Ганна расцвѣтала;

Какъ калина при долинѣ

Подъ росистой зорькой,

Красотой разубиралась,

Мылась слезкой горькой.

„Заколдована!.. постой же!“

Шепчетъ мать со злости:

„Ужъ пойду же я за зельемъ

Къ старой вѣдьмѣ въ гости!“

Отыскала вѣдьму, зелья

У нея добыла,

И тѣмъ зельемъ до разсвѣта

Дочку напоила.

Все нѣтъ толку... И съ досады

Мать клянеть, бывало,

Тотъ и день и часъ, въ который

Дочь на свѣтъ рожала.

— „Душно мнѣ. Пойдемъ-ко, дочка,

Въ озеро купаться“.

— „Ладно, мама“.

На откосѣ

Стали раздѣваться.

И раскинулась Ганнуса

На сорочкѣ тонкой...

А рыбакъ чуть дышетъ, глядя

Сквозь ивнякъ сторонкой...

(Ахъ, и я, бывало!.. вспомнишь—

Стыдъ одолеваетъ...)

Какъ дитя, зеленой вѣткой

Дѣвица играетъ.

Станъ сгибаетъ, разгибаетъ

И на солнцѣ грѣетъ.

Мать глядитъ и отъ досады

Млѣетъ и нѣмѣетъ.

Растрепавшись, босая

Ходить по откосу

Съ пѣной у рта и съ досады.

Рветъ да треплетъ косу...

Вдругъ какъ кинется на Ганну—

Въ косы ей вцѣпилась...

— „Мама! мама! что съ тобою?“

Бездна разступилась,

Закипѣла, застонала

И обѣихъ скрыла.

Только тутъ рыбакъ очнулся—

Знать проснулась сила—

Въ воду кинулся; руками

Волны разсѣкаетъ;

Вотъ доплылъ—нырнулъ въ пучину,

Снова выплываетъ,

И утопленницу Ганну

На берегъ выносить,

Изъ заклѣтыхъ рукъ старухи

Вырываетъ косы.

— „Охъ ты, сердце мое, доля!

Дай взглянуть мнѣ въ очи!

Погляди же, улыбнися!

Аль ужъ нѣтъ и мѹчи?“

Плачетъ, падаетъ на землю,

Очи ей цѣлуетъ,

Раскрываетъ. „Погляди же!..

Нѣтъ, она не чувствуетъ!“

На песокъ лежитъ недвижно,

Руки раскидала...

Рядомъ съ нею мать-старуха

Мертвая лежала:

На лобъ выкатились очи
 Отъ ужасной муки:
 Глубоко въ песокъ впилися
 Скорченныя руки.
 Долго плакалъ чернобровый:
 „Нѣтъ у парня роду.
 Нѣту доли здѣсь на свѣтѣ,
 Такъ пойдемъ же въ воду!“
 Поднялъ дѣвицу—цѣлуетъ...
 Бездна застонала,
 Разступилась, вновь закрылась—
 И слѣда не стало...
 Съ той поры къ пруду дорога
 Заросла травой;
 Не купаются дѣвицы,—
 Ходятъ стороною;
 А завидятъ—начинаютъ
 Набожно креститься,
 И зовутъ его заклятымъ...
 А въ ночи, дѣвицы,
 Выплываетъ мать-старуха,
 Сядетъ на откосъ,
 Въ мокрой, порванной сорочкѣ,
 Рветъ и треплетъ косы,
 И глядитъ на берегъ дальній
 И чего-то просить.
 А волна межъ тѣмъ Ганнуся
 На берегъ выносить.
 Вся нагая, встрепететъ,
 Сядетъ на песочкѣ...
 И рыбакъ плыветъ съ подаркомъ
 Ганнѣ на беречку:
 Онъ несетъ ей травъ душистыхъ...
 Поцѣлуетъ въ очи—
 Да и въ воду: любоваться
 На красу нѣтъ мочи.

И никто того не знаетъ,
 Что въ лѣсу бываетъ:
 Только вѣтеръ у осокни
 Пошепотомъ шепчетъ:
 „Кто тамъ легкой, свѣтлой тѣнью
 Бродитъ по откосу,
 И, роняя слезы, чешетъ
 Шеяковую косу?“

В. Крестовскій.

Н. Маркевичу.

Бандуристъ! Орелъ нашъ сизый!
 Хорошо тебѣ, родной:
 Есть и сила, есть и крылья,—
 Взялъ да взвился надъ землей.
 Вотъ летишь ты на Украину.—
 Будутъ тамъ тебя встрѣчать
 Полетѣлъ бы за тобою
 Да кому меня тамъ ждать?
 Здѣсь живу я одинокимъ,
 И въ родимой сторонѣ
 Сиротливо, мой голубчикъ,
 Одиноко будетъ мнѣ!..
 Что же сердце бьется-рвется?
 Сирота я, сирота!..
 А Украина родная,
 Вольной степи широта?
 Тамъ повѣсть буйный вѣтеръ,
 Словно братъ заговорить;
 Тамъ въ широкомъ полѣ—воля,
 Море синее шумить
 И волнами хвалить Бога.

Мѣста нѣтъ печали тамъ
И бесѣдуютъ могилы
Съ буйнымъ вѣтромъ по ночамъ,—
Разговоръ ведутъ тоскуя,
И о томъ у нихъ печаль,—
То, что было, не вернется.
И прошедшаго имъ жаль...
Полетѣлъ бы я, поплакалъ
И послушалъ бы я ихъ,—
Только доля приковала
Посреди людей чужихъ!..

И. Бѣлоусовъ.

* * *

Льется рѣчка въ сине море,
Да не вытекаетъ;
Ищетъ доли казачина—
Долюшки не знаетъ.

И пошелъ казакъ по свѣту...
Бьется сине море,
Бьется сердце въ немъ, а дума
Говорить про горе:

„Ты куда идешь—не спросишь?
На кого покинулъ
Мать, отца, красу-дѣвицу?
Бросилъ все—и сгинулъ?”

„Тамъ не тѣ—иные люди:
Тяжко жить межъ ними:
Не съ кѣмъ будетъ подѣлиться
Думами своими“.

И сидитъ казакъ надъ моремъ:
Бьется сине море;
Думалъ, доля повстрѣчаетъ—
Повстрѣчало горе.

Журавли домой несутся
Цѣлыми стадами.
Зарыдалъ казакъ: дороги
Поросли тернами.

Н. Гербель.

* * *

Вѣтеръ буйный, вѣтеръ буйный,
Говоришь ты съ моремъ,—
Разыграйся, разбуди ты,
Спроси сине море:
Оно знаетъ, гдѣ мой милый—
Подъ нимъ бушевало;
Оно скажетъ, сине море,
Гдѣ его дѣвало?
Если друга утопило—
Разбей сине море:
Я пойду искать милѣго,
Утоплю я горе...

.....
Отыщу его, прижмуся,
На груди застыну
И съ волною понесуся,
Вмѣстѣ съ нимъ я сгину;
Если жъ милый другъ далече,
Ты, мой буйный, знаешь,
Съ кѣмъ онъ ходитъ, хлѣбъ-соль водить,—
Ты съ нимъ держишь рѣчи.

Если плачешь—и я плачу,
 А нѣтъ—распѣваю;
 Если жъ умеръ чернобровый —
 Смерти я желаю!
 Повеси ты мою думу
 Туда, гдѣ мой милый,
 И цвѣтущею калиной
 Поставь надъ могилой.
 Будетъ легче въ чуждомъ полѣ
 Сиротѣ остаться—
 Надъ нимъ будетъ его любя
 Цвѣтомъ разстилаться.
 Я калиною густою
 Цвѣсть надъ милымъ буду,
 Чтобъ не жгло чужое солнце,
 Не топтали люди.
 Ночь придетъ,—я погорю,
 А съ зарей поплачу;
 Встанетъ солнце—вытру слезы,
 Ото всѣхъ ихъ спрячу.
 Вѣтеръ буйный, вѣтеръ буйный,
 Говоришь ты съ моремъ,—
 Разыграйся, разбуди ты,
 Спроси сине море.

П. Ковалевскій.

Думки

Для чего мнѣ черны брови,
 Годы молодые,
 Красота моя дѣвичья,
 Очи голубыя?

Даромъ годы молодые
 Въ грусти пропадаютъ.
 Очи плачутъ, черны брови
 Блѣкнуть и вянуть.
 Сердце свѣтомъ таготится,
 Какъ въ неволѣ пташка;
 Что мнѣ въ томъ, что я пригожа,
 Если жить мнѣ тяжело?
 Тяжело мнѣ жить на свѣтѣ
 Бѣдной сиротою;
 Межъ своими, межъ родными
 Вѣчно быть чужою.
 Нѣтъ того, кто разспросилъ бы—
 Что такъ плачутъ очи,
 Отчего такъ сильно сердце
 Ноетъ дни и ночи?
 Отчего оно голубкой
 День и ночь воркуетъ?
 Ахъ, никто того не знаетъ,
 И никто не чувствуетъ!
 Да зачѣмъ чужимъ то вѣдать,
 Что меня терзаетъ?
 Пусть сиротка вѣчно плачетъ,
 Пусть она рыдаетъ!
 Плачь же, сердце, плачьте, очи,
 Если не устали;—
 Громче, жалобнѣй, чтобъ стоны
 Вѣтры услышали;
 Пусть ихъ буйные относятъ
 Въ дальній край, за море,
 Къ чернобровому красавцу
 На лихое горе!..

А. Шкаффа.

* * *

Тяжко, тяжело жить на свѣтѣ
 Сиротѣ безъ роду.
 Гдѣ дѣваться, пріютиться?
 Хоть съ горы да въ воду!
 Утопился бѣ, чтобы лишнимъ
 Въ свѣтѣ не болтаться;
 Утопился бѣ! Тяжело мнѣ,
 Некуда дѣваться!
 У иного доля въ полѣ
 Жатву собираетъ,
 А моя, бѣдняга, гдѣ-то
 За моремъ гуляетъ!
 Хорошо тому, кто счастливъ,—
 Люди его знаютъ.
 А меня при встрѣчѣ даже
 И не замѣчаютъ.
 Богача, хоть и урода,
 Красная дѣвица
 Любитъ, чтитъ и уважаетъ,
 Даже имъ гордится;
 Надо мною же смѣется,
 Бѣднымъ сиротою.
 Развѣ я въ красѣ и силѣ
 Обдѣленъ судьбою?
 Надъ тобою я, дѣвица,
 Развѣ надсмѣялся?
 И къ тебѣ не крѣпко развѣ
 Сердцемъ привязался?
 Такъ люби кого ты знаешь
 Юною душою,
 Но не смѣйся, не глумися
 Ты надъ сиротою.
 Я уйду теперь далеко
 Въ сторону чужую.

И погибну. А быть можетъ
 Тамъ найду другую.
 Буду счастливъ... И тоскую,
 Онъ уйдетъ далеко;
 Не найдетъ себѣ тамъ доли—
 Бѣдный, одинокій!
 Все глядѣлъ на край родимый,
 Умирая въ полѣ...
 Сиротинѣ на чужбинѣ
 Умирать легко ли?..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Отчего мнѣ тяжело, отчего мнѣ больно?
 Отчего такъ сердце плачетъ и кричитъ,
 Какъ ребенокъ малый? Чѣмъ ты недоволенъ,
 Расскажи мнѣ, сердце? Что тебя томитъ?
 Голодно ты что ли, иль уснуть желаешь,
 Чтобъ забыть неволю въ сторонѣ чужой?..
 Такъ усни навѣки, и тогда не станешь
 Биться ты и горя раздѣлять со мной.

С. Дрожжинъ.

* * *

Идутъ, проходятъ дни за днями:
 Минуло лѣто; шелеститъ
 Гонимый вѣтромъ листъ осенній;
 Безъ думъ, безъ жизни сердце спитъ.
 Все такъ спокойно, что не знаю—
 Живу ли я, иль доживаю
 Иль просто по свѣту влачусь,—
 Уже не плачу, не смѣюсь!

Боже, не дажь Ты мнѣ доли
 Въ жизни никакой!
 Если было жалко доброй—
 Не жалѣль бы злой.
 А безъ доли, да безъ счастья
 Заживо умрешь;
 Какъ негодная колода
 Пропадешь, сгниешь!..
 Боже добрый! Боже щедрый!
 Дай душой мнѣ жить
 И весь міръ твой—чудный, дивный
 И людей любить!
 Страшно, тяжело жить въ неволѣ—
 Взаперти сидѣть;
 Но страшнѣй на вольной волѣ
 Мертвецомъ глядѣть
 На борьбу, на трудъ упорный,
 Что кипитъ кругомъ!..
 Жить—и слѣда не оставить
 По себѣ ни въ чемъ—
 Страшно!.. Доля, отзовися!
 Гдѣ твой слѣдъ пропалъ?..
 Если доброй доли не дажь,
 Боже, злую бь дажь!..

Ив. Блудновъ.

* * *

За думою дума роємъ вылетаетъ;
 Одна давить сердце, другая сжимаетъ,
 А третья какъ будто тихо, тихо плачетъ
 И съ собой всѣ слезы въ самомъ сердцѣ прячетъ.
 Такъ кому жь я ихъ довѣрю,
 И кому, тоскуя,

Въ сердцѣ спрятанную думу
 Громко расскажу я?
 Всѣ оглохли, и поникли
 Робко головою...
 И никто понять не можетъ,
 Другъ мой, насъ съ тобою.
 До сѣдыхъ волосъ по свѣту
 Намъ пришлось скитаться,
 Что же дѣлать? будемъ вѣкъ свой
 Плакать и смѣяться.

С. Дрожжинъ.

* * *

Не женися на богатой,—выгнать изъ хаты,—
 Скажетъ:—„вонъ пошелъ, оборвышъ, изъ хоромъ
 богатыхъ!“
 И наплачешься тогда ты вволю на просторѣ...
 Не женися и на бѣдной,—много будетъ горя.
 А женись-ка ты на волѣ,—на казацкой волѣ,—
 Беззаботной и свободной, словно вѣтеръ въ полѣ.
 Не бѣда, что одинокимъ вѣкъ свой скоротаешь,
 Не бѣда,—зато и горя меньше ты узнаешь.
 Заболѣешь ли, не спросятъ: отчего хвораешь?
 Отчего, легко иль тяжело,—зналъ одинъ и знаешь.
 Говорять,—вдвоемъ не трудно сжиться и съ тоскою,
 Говорять,—вдвоемъ и слезы легче лить порою,—
 Да неправда,—легче плакать за пятью замками,
 Чѣмъ открыто предъ людскими зоркими очами...

С. Лютовъ.

Къ сестрѣ.

Не проси моихъ ты пѣсенъ,
 Милая сестрица,—
 Въ моихъ пѣсняхъ, какъ въ могилѣ,
 Грусть-тоска таится.
 Что же слушать, какъ на кровлѣ
 Филинъ завываетъ,—
 Коль соловушка въ садочкѣ
 Сладко распѣваетъ?
 Не одно съ тобой досталось
 Въ жизни мнѣ, сестрица:—
 Твое солнце только всходить,
 А мое садится!
 Пусть же путь твой устилаютъ
 Розы расцвѣтая;
 Пусть весна твоя проходить,
 Непогодѣ не зная.
 Пусть же доля, что съ маленьку
 На меня все злится,
 Тебя счастьемъ надѣляетъ,
 Милая сестрица!..

Изъ Бѣлорусовъ.

Русалка.

Въ барскихъ каменныхъ палатахъ
 Мать меня родила;
 Отнесла къ Днѣпру украдкой —
 Тамъ и утопила.
 Такъ, меня бросая въ воду,

Тихо говорила:
 „Ты плыви, плыви, родная
 Съ синею волною;
 Завтра выплыви русалкой
 Ты ночью порою;
 Завтра выйду съ нимъ гулять я,—
 Замами съ собою
 Своего родного батьку,
 Пусть онъ не смѣется,—
 Не моими кровь-слезами,
 А водой унется.
 Пусть въ рѣкѣ онъ погуляетъ
 Съ дочкою родною...
 Такъ плыви, плыви, сиротка,
 Съ синею волною...“
 И отъ берега, рыдая,
 Побѣжала мать моя.
 Поплыла, качаясь тихо,
 По волнамъ Днѣпровскимъ я—
 И русалокъ повстрѣчала,—
 Захвативъ меня съ собой,
 Дно онѣ мнѣ показали,
 Стали звать меня сестрой.

Вотъ недѣля—какъ расту я,
 Съ сестрами гуляю,
 Въ полночь въ заросли зеленой
 Батьку поджидаю.
 Да и думаю: быть можетъ
 Мать его простила,
 И живетъ, и веселится—
 Про меня жъ забыла!
 И русалка въ Днѣпрѣ глубокой
 Бросилась, нырнула
 Словно камень, только ива
 Вѣтви всколыхнула...

Вышла мать гулять на берегъ
 Полночью глубокой:
 Пана Яна нѣту дома,—
 Скучно одинокой.
 Вотъ и вспомнилась ей дочка
 Будто ненарокомъ,
 Какъ она ее топила
 Въ омутѣ глубокомъ.
 И опять пошла къ палатамъ
 Въ сердцѣ безъ печали,
 А ее въ кустахъ русалки
 Ждали, поджидали;
 Обступили незамѣтно
 Цѣлою толпою
 И со смѣхомъ потащили
 Въ воду за собою.
 Поиграли, посмѣялись,
 Въ вершу зачихали..
 У одной русалки только
 Слезы засверкали!

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Буйный вѣтеръ клонить лозу,
 Тополь нагибаетъ,
 Мчится вихремъ—дубъ могучій
 Съ корнемъ вырываетъ.

Такъ и доля: кого сломить,
 Или нагибаетъ;
 Меня клонить, а гдѣ свалить—
 Знать того не знаетъ!

* * *

Въ какомъ краю меня хоронять?
 Гдѣ тлѣть судьбой мнѣ суждено?
 Умру—никто меня не вспомнить,
 Когда мнѣ счастья не дано!
 Никто, хоть на смѣхъ мнѣ не скажетъ:
 „Покой смѣхъ въ землѣ сырой,—
 Онъ только тѣмъ былъ, бѣдный, счастливъ,
 Что рано кончилъ путь земной!“

Ив. Бѣлоусовъ.

Калина.

— „Что все ходишь на могилу?“
 Говорила дочкѣ мать.
 „И о чемъ тебѣ такъ плакать,
 „Убиваться и рыдать“..
 — Такъ я, матушка!—на это
 Дочь старухѣ отвѣчала;
 И ушла опять къ могилѣ:
 Мать все дочку поджидала..

Не сонъ-трава на могилѣ
 Въ ночи расцвѣтаетъ,—
 То дѣвица на могилѣ
 Калину сажаетъ.
 Просить Господа и плачетъ
 Горькими слезами:
 Ты полей, Господь, калину
 По утрамъ росами,
 Чтобъ калина зеленѣла,
 Листьями одѣта;

Прилетить, быть можетъ, милый
Птичкой съ того свѣта.

Я совью ему гнѣздечко,
Стану дожидаться;
Сядя рядомъ, другъ на друга
Будемъ любоваться;—
Будемъ плакать да другъ другу
Думы повѣрять,
И на небо каждымъ утромъ
Будемъ улетать...

И калина принялася,
Вѣтви распустила:
Такъ три года на могилу
Дѣвица ходила.
На четвертый—не сонъ-травя
Въ ночи расцвѣтаетъ,—
То дѣвица подъ калиной
Плачетъ, причитаетъ:

— Широкая, высокая,
Калина моя,
Не водой тебя поутру
Поливала я!
Широкія рѣки-слезы
Тебя полили,—
Ихъ славою лукавою
Люди пронесли.

Осмѣяли подруженьки
Подругу свою,
Осмѣяли калинушку
Красную мою!..
Покрой мою головушку,
Росою умой

И вѣтвями широкими
Отъ солнца закрой!
Люди сыщутъ, похоронять,
Да и осмѣютъ;
Твои вѣтви зеленныя
Дѣти оборвутъ!..

Рано утромъ на могилѣ
Птичка щебетала;
Подъ калиною дѣвица
Крѣпко почивала:
Утомилась молодая,
Навѣки заснула;
Вышло солнышко на небо,
На землю взглянуло.
Встали люди;—а старуха
Спать и не ложилась:
Все ждала съ погоста дочку,—
Плакала, крушилась!

Ив. Бѣлоусовъ.

Три дороги.

Три дороги въ перекресткѣ
Вмѣстѣ всѣ сошлись;
По дорогамъ, мать покинувъ,
Братья разошлись.
Первый братъ жену оставилъ,
А второй сестрицу;
Третій, младшій братъ, покинулъ
Красную дѣвицу.

Три ясеня посадила
Старуха съдая;

Посадила тополь въ полѣ
Женка молодая.

Посадила при долигѣ
Три дуба сестрица;
Посадила калинушку
Красная дѣвица.

Не принялись тополь, яшень
И расти не стали;
Три дубочка и калина
Засохли, завяли...

Не идутъ назадъ три брата,
Плачетъ мать сѣдая;
Плачетъ съ дѣтками своими
Женка молодая.

Поискать пошла сестрица
Братевъ на чужбинѣ,
А дѣвица молодая
Сгинула въ кручинѣ.

Не идутъ назадъ три брата,
По свѣту гуляютъ;
Три широкія дороги
Терномъ заростають!..

Ив. Бѣлоусовъ.

Покинутая хата.

Предъ зарею шли гурьбою
Новобранцы изъ села,
А за ними, молодыми,
Красна дѣвица пошла.

Да надумала, родная,
Дочку съ милымъ разлучить,
И пришлось потомъ ей дочку
Уговаривать, учить.
Уговаривала дочку,
Утѣшала, какъ могла,
Только скоро дочь скончалась,
Мать же схиму приняла.

И стоитъ село, какъ прежде,
Мало измѣнилось,
Лишь покинутая хата
На бокъ наклонилась.
Передъ ней хромою солдатикъ
Тихо ковыляетъ,
Смотритъ въ садикъ передъ хатой,
Въ окна взоръ кидаетъ.
Но не выглядываетъ, какъ прежде,
Дѣвушка изъ хаты,
Мать-старуха не покличетъ
Ужинать солдата.
Былъ онъ близокъ имъ когда-то:
Полотенца ткались,
И платки ему на свадьбу
Шелкомъ вышивались;
Думалъ жить онъ припѣвая,
Цѣлый вѣкъ любиться,
А теперь... пришлось слезами
Бѣдному умыться!
И сидитъ онъ передъ хатой;
Тѣнь идетъ полями,
Изъ окна жъ сова, какъ баба,
Хлопаетъ глазами.

Пр. Б.

Платокъ.

То была ли Божья воля,
Иль ея такая доля?—
Сиротою вырастала,
Друга по сердцу сыскала,
Былъ и самъ онъ сиротою,
Подружившись съ молодою;
Вмѣстѣ ночи коротали,
„Покрова“ лишь ожидали.
Дождалися...

Въ Чигиринѣ,
И по всей-то Украинѣ
Звонѣмъ войско созывали,
Чтобъ скорѣй коней сѣдлали,
Сабли острые точили,
На гулянье выходили,—
На веселый пиръ кровавый,
Собирались въ путь за славой!..

Въ воскресенье рано-рано
Громко трубы затрубили.
Стройнымъ войскомъ запорожцы
На дорогу выходили.
Мать-вдова родного сына
Провожала въ путь далекій.
И прощался сиротина
Съ сиротинкой одинокой.
Коня ворона дѣвица
У колоды напояла,
Сбрую вынесла и саблю
И далеко проводила;

Проводила за три поля,
Попрощалась при долинѣ
И дала платокъ свой другу,
Чтобы помнить на чужбинѣ...

Ой, платокъ мой, много, много,
Я трудилась надъ тобой!
Ради славы, другъ мой милый,
Ничь сѣдло коня покрой!...
Воротилась, горько плача:
Сиротой опять осталась!—
Все смотрѣла на дорогу,—
Друга сердца дождалась.
Каждый праздникъ уходила
На курганъ она высокій,—
Дождалась,—не вернется ль
Запорожець черноокій.

Годъ проходитъ незамѣтно;
Вслѣдъ за нимъ идетъ другой,
А на третій—запорожцы
Возвращаются домой.
Рать за ратью выступаетъ;—
Ихъ, бѣдняга, не считай!—
Ждетъ тебя за третьей ратью
Горе злое,—это знай.

Гробъ везутъ, китайкой крытый,
А за гробомъ тѣмъ идутъ
Старшина, полковникъ старый,
Эсаулы же несутъ,
Плача, ратные доспѣхи:
Вмѣстѣ съ саблѣй золотой
Пистолеты-самопалы,
Панцырь, кровью залитой.

И коня ведутъ. Уныло
Конь поникнулъ головой;
А сѣдло платкомъ покрыто,—
То подарокъ другу твой!..

Ив. Бѣлоусовъ.

Вечеръ.

Вишнёвый садикъ возлѣ хаты;
Жуки подъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пахари тащатъ.
И, распѣваячи, дѣвчаты
Домой на вечерю спѣшатъ.
Семья ихъ ждетъ—и все готово.
Звѣзда вечерняя встаетъ,—
И дочка ужинъ подаетъ,
А мать сказала бы ей слово,
Да соловейко не даетъ.
Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ—дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ...
Затихло все: однѣ дѣвчата,
Да соловейко не затихъ.

М. Мей.

За байракомъ—байракъ,*),
Дальше—степь и могила;
Изъ могилы казакъ
Встаетъ старѣй, унылый;—

*) Байракъ—оврагъ, скаты котораго поросли лѣсомъ.

Онъ одинъ лишь встаетъ,
Ночью степью идетъ,
Грустно пѣсню поетъ:

„Наносили земли
И домой все ушли—
И про насъ позабыли.
Триста всѣхъ, какъ стекло,
Нашихъ братьевъ легло;—
Нѣтъ покоя въ могилѣ!..
Какъ въ неволю гетманъ
Запродавъ христіанъ,—
Мы же братьевъ и гнали,—
И зарѣзали ихъ!..
Кровью братьевъ родныхъ
Землю мы поливали;—
Такъ всѣ въ братней крови
И въ могилу легли!..“

Замолчалъ и съ тоской
Онъ поникъ головой,
Опершись на копье,
Вспоминая житье
Прежнихъ дней, и рыдалъ,
И на Днѣпръ взоръ бросалъ;—
Глухо волны шумѣли,
Эхо лѣсомъ прошло,—
Тамъ гдѣ было село.
Пѣтухи ужъ пропѣли.—
Провалился казакъ,
Встрепенулъ байракъ,—
Застонала могила!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Охъ, одна я, одна,
Какъ былинка въ полѣ!
Обдѣлилъ меня Богъ
И въ счастье и въ долѣ!

Надѣлилъ лишь меня
Ясными очами,
Да и тѣ выжгла я
Жгучими слезами.

Я ни брата, сестры,
Ни родныхъ не знаю,
Межъ чужими живу—
Вяну, засыхаю!..

Гдѣ же суженый мой?
Гдѣ же мой желанный?
Видно вѣкъ жить одной—
Бѣдной, безталанной!..

Ив. Вьлоусовъ

* * *

„Останься!“ Мать тебѣ сказала,
Ты не осталась, ты ушла;
Мать и искала, и ждала,
И ждать, бѣдняжка, перестала—
Скончалась, плаючи... Съ тѣхъ поръ
Все пусто тамъ, гдѣ ты играла:
Собака безъ вѣсти пропала;
Заросъ травой широкій дворъ;

Тиха покинутая хата;
Въ зеленомъ садикѣ ягнята
Днемъ травку щиплютъ, а въ ночи
Въ немъ стонутъ совы да сычи,
И не дасть ихъ крикъ проклятый
Сосѣдамъ спать; и твой крещатый
Задохнуль барвинокъ *), красу-
Кевъсту тщетно осуждая;
И, понемногу высыхая,
Весь высохъ прудъ твой въ томъ лѣсу,
Гдѣ ты купалась въ полдень знойный,
И лѣсъ, старикъ, когда-то стройный,
Поникъ, горюя. Не слышать
Въ немъ птичекъ пѣнья, словно взять
И ихъ съ собой ты ухитрилась...
Въ оврагѣ рѣчка засорилась;
Засохла верба, прилегла
И вѣтви въ воду опустила,
И та тропка, гдѣ ты ходила,
Колючимъ терномъ заросла.
Куда ушла ты? Гдѣ ты скрылась?
Легко ль тебѣ въ землѣ чужой?
Въ чужой семьѣ! Чей взоръ собой
Ты веселишь? Кому рѣшилась
Себя отдать? Сдается мнѣ,
Что ты тамъ счастлива вполне,
Что домъ твой—пышныя палаты,
Что ты любима и не жаль
Тебѣ покинутой здѣсь хаты...
Дай Богъ, дай Богъ, чтобы печаль

*) Барвинокъ, растеніе, которому малороссіяне присвоили названіе „крещатый“, по звѣздистому расположенію стеблей, и „зеленый“ по причинѣ неувядаемости. Онъ служитъ въ пѣсняхъ символомъ брака.

Прии. перев.

Тебя до смерти не смутила,
 Чтобъ слѣдъ къ палатамъ не нашла;
 Чтобъ Бога ты не осудила,
 И мать свою не прокляла!

Н. Пушкинаревъ.

Косарь.

Онъ по полю идетъ, да покосы кладесть,
 Не покосы кладесть онъ, а горы;
 Подъ ногой косаря стономъ стонетъ земля,
 И гудить—отзывается море.

Только старымъ сычамъ виденъ онъ по ночамъ;
 Безпрерывно онъ косить и косить.
 И, занятый трудомъ, не уважить ни въ чемъ
 Никому, если кто и попросить.

Хоть проси не проси—онъ не точить косы
 И работы на мигъ не бросаетъ;
 Дашь ли городъ ему, дашь ли хатку одну,
 Все, какъ бритвою, старый снимаетъ.

Мужика и купца, и сиротку-пѣвца,
 Припѣвая, кладесть онъ подъ ноги;
 По дорогъ большой косить все онъ косою,
 Не минетъ и царя на дорогъ.

И меня не минетъ, на чужбинѣ сомнеть,
 За рѣшеткой внезапно задавить,
 И никто обо мнѣ и не вспомнить нигдѣ,
 И креста надо мной не поставить!..

Пр. Б.

Охъ, вы думы мои, думы!
 Хотъ бы вы-то въ часъ лихой
 Не скрывались, оставались,
 Думы вѣрные, со мной!

Прилетайте же, голубки,
 Отъ Днѣпровскихъ береговъ
 Степь навѣдать, да развѣдать
 Про киргизовъ-голяковъ.

Пусть проходятъ средь лишений
 И въ убожествѣ ихъ дни,
 Да на волѣ, хотъ и голы,
 Богу молятся они...

Прилетайте жъ, мои дѣти,
 Мои вѣрные друзья!
 Тихой рѣчью я васъ встрѣчу
 И заплачу съ вами я!

Пр. Б.

Моимъ союзникамъ.

Друзья, припомните (дай Богъ
 Тѣ годы къ намъ не возвращались!),
 Какъ сквозь рѣшетки мы тогда
 На Божій свѣтъ взглянуть старались,
 Съ надеждой думали: когда,
 Когда же вырвемся на волю?
 Бесѣду тихо заведемъ
 Про жизнь, про счастье и про долю...

Знать ничему тому не быть,—
 Намъ изъ Днѣпра воды не пить!
 Въ лѣса дремучіе и степи
 Свою недолю понесемъ,—
 Недолго проживемъ надеждой,
 Потомъ, какъ всѣ, мы заживемъ!..

А пока то будетъ, братцы,
 Родину любите,
 За Украину родную
 Господа молитесь,
 А что было—позабудьте
 И не вспоминайте,
 И меня порой въ неволѣ
 Лютой вспоминайте!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Въ неволѣ тяжко,—но и воли,
 Сказать по правдѣ, я не зналъ;
 Хоть на чужомъ, но все же полѣ
 Кой-какъ я время коротать.
 О, какъ бы я теперь желалъ
 Недоброй этой старой доли!..

И жду ее я, поджидаю,
 Свой глупый разумъ проклиная,
 Что далъ себя я одурить
 И въ лужѣ волю утопить.
 И страшно мнѣ! и я боюсь,
 Что не въ Украинѣ схоронюсь,
 Что не въ Украинѣ буду жить,
 Людей и Господа хвалить!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Не спалось; а ночь, какъ море...
 Кругомъ лишь мракъ тюрьмы глухой,
 И некому души больной
 Повѣдать тягостнаго горя,—
 Не говорить же со стѣной?..
 Не сплю я, жду лучей дневныхъ,
 А за дверями про свое
 Солдатское житье-бытье
 Толкуютъ двое часовыхъ.

первый.

— „... Ну, и красавица собой!
 И меньше бѣлой не дарила.
 А баринъ плохонькій такой!
 Вотъ разъ насъ вмѣстѣ и застали;
 Меня въ Калугу тотъ же часъ,
 Да тамъ въ солдаты и отдали!
 Вотъ видишь, случай-то какой!

второй.

А я... такъ страшно и подумать!..
 Въ солдаты я охотой шелъ.
 Да слушай вотъ:—въ своемъ селеньѣ
 Невѣсту я себѣ нашель;
 И мать ея—вдова-старуха
 Была согласна дочь отдать.
 Пошелъ я къ барину,—отвѣтилъ:
 „Мала еще!“—Пришлось ждать!
 Вотъ черезъ годъ опять пошелъ я,
 Старуху-матку захватилъ:—
 Опять отвѣтъ: „Коль хочеть свадьбы,
 Пятсотъ, а меньше бѣ не носилъ!“
 Ахъ, бѣдный я! Что было дѣлать?

Гдѣ столько сразу денегъ взять?..
 Пошелъ я, братецъ мой, работать,
 Пошелъ я денегъ добывать!
 И гдѣ я только не работалъ?—
 На Черноморѣ, на Дону...
 Раздобылся; купивъ подарковъ,
 Шелъ, думу думая одну:—
 Приду домой да и за свадьбу!
 Пришелъ домой уже въ ночи,
 Вошелъ въ знакомую избушку,—
 Лежитъ старуха на печи,
 А печь разваливаться стала;
 Зажегъ огня я надъ больной,—
 Она меня не узнавала;
 Отъ старой пахло ужъ землей!
 Я побѣжалъ къ попу скорѣ,
 Чтобы старуху приобщить,
 Пришелъ съ попомъ, да поздно было:
 Она велѣла долго жить!..
 И сталъ я спрашивать сосѣда:
 „Гдѣ жъ дочь ея? Что жъ не идетъ?
 — Ты развѣ, говоритъ, не знаешь,—
 Она въ Сибири, вѣдь, живетъ!
 Все съ нашимъ баричемъ гуляла;
 Дѣтину, слышь, съ нимъ прижила,
 Да и въ колодезь утопила,
 За то и сослана была!..
 Я ножъ схватилъ, изъ хаты вышелъ,
 Не чуя подъ собой земли,—
 Хотѣлъ покончить я съ поганцемъ,—
 Его же въ Кіевъ увезли,—
 Тамъ въ школѣ, видишь, онъ учился...
 Такъ вотъ тебѣ судьба моя,—
 Оставилъ мать свою и батьку
 И продался въ солдаты я!
 А и теперь бываетъ страшно,

Когда я вспомню о батюмъ;—
 Хотѣлъ себя лишить я жизни
 И барскій домъ спалить огнемъ,
 Да Богъ помиловалъ!.. А знаешь,
 Его въ нашъ полкъ перевели
 Изъ арміи.

ПЕРВЫЙ.

— Такъ что же?
 Ну, вотъ теперь и приколи!

ВТОРОЙ.

Нѣтъ; пусть! Господь поможетъ
 Забыть. Не буду вспоминать!..

Они такъ долго говорили;
 Я передъ свѣтомъ сталъ дремать,
 Да барчуки мнѣ тутъ приснились
 И не дали поганцы спать!..

Ив. Белоусовъ.

* * *

Живемъ мы въ мірѣ и не знаемъ
 Зачѣмъ на свѣтъ мы рождены?
 На зло ль, добро ль осуждены?
 Куда идемъ? Чего желаемъ?
 И безъ отвѣта умираемъ,
 Безсилъ жалкаго полны.

Какой пошлешь Ты судъ свой правый,
 Господь, за всѣ дѣла мои?..

Ахъ, лучше бъ дѣти не росли,
Которыя, родясь въ неволѣ,
Не видя въ жизни свѣтлой доли,
Хулу по свѣту пронесли!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

И самому чудно! Что жъ дѣлать?
Куда дѣваться, что начать?
Людей и долю проклинать
Я не могу. Такъ какъ же быть—
Въ чужой далекой сторонѣ
И одному? Что дѣлать мнѣ?
О, если бъ кандалы разбить
Иль перегрызть ихъ! Такъ не тѣ,
Не тѣ ихъ кузнецы ковали,
Не такъ желѣзо закаляли,
Чтобъ перегрызть... О, горе намъ
Невольникамъ и сиротамъ
Въ степи безкрайной за Ураломъ...

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

«Солнце за горы садится; темнѣетъ,
Птички замолкли; поле нѣмѣетъ;
Люди, измучившись, крѣпко уснули.
Думы въ Украину меня потянули.
Въ темномъ садочкѣ я думой витаю,
Сердцемъ измученнымъ въ немъ отдыхаю...
Вотъ потемнѣли поля и лѣса,
Въ небѣ зардѣлась зари полоса,—

Съ грустною думой гляжу на неѣ:
Видать ли тамъ, на Украинѣ, еѣ?
Радостно ль зорьку на небѣ встрѣчаютъ?
Бѣднаго часто ль меня вспоминаютъ?
Знаю тамъ карія очи одни,—
Помнятъ меня, иль забыли они?
Если не видать зари золотой—
Значить забытъ я въ Украинѣ родной!..
Пусть же тѣ очи погаснутъ тогда,
Чтобъ итъ меня не видать никогда!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Привыкаетъ, говорятъ, со-
бака за возомъ бѣжать, такъ
бѣжитъ и за савями.

Такъ вотъ и я теперь пишу,—
Съ чернилами бумагу трачу;
А прежде (право не брешу!)
Такъ напишу, что самъ заплачу,
И хоть на мигъ перелечу
Я на Украину мечтою;
Какъ будто сдѣлаю добро
И отдохну я тамъ душою.
Нельзя сказать, что не люблю,
Что я Украину забываю,
Людей лукавыхъ проклинаю
За то, что я теперь терплю,—
Ей-Богу, братцы, все прощаю,
И взоры къ небу обращаю,
Чтобъ зломъ не помнили меня,—
Вѣдь худа вамъ не дѣлалъ я?!

Всю жизнь вѣдь я средь васъ скитался,—
Такъ, можетъ, слѣдъ какой остался?!

Изъ Бѣлоусовъ.

* *

Сойдемся ли съ тобой мы снова?
Иль наши разошлись пути?
И довелось намъ правды слово
Въ вертепы, степи понести...
Пусть такъ!.. Хоть не Украину мать
Пришлось, братъ, намъ уважать,—
То воля Господа! Смириться
И Богу надо намъ молиться
И завѣщать одинъ другому
Украину милую любить,
Любить ее во время люто,
И ей въ послѣднюю минуту
Добра у Господа просить!..

Изъ Бѣлоусовъ.

Княжна.

Зорька, зорька золотая,
Выйди надъ горою;
Побесѣлуй-ка въ неволю,
Ясная, со мною.
Расскажи о томъ, какъ солнце
За горою садится,
Какъ въ волнахъ Днѣпра родного
Тихо волотится;

Какъ въ степи шатромъ широкимъ
Тополь распустилась;
Какъ надъ самою водою
Ивушка склонилась.
И, склонясь, въ волнахъ купаетъ
Край вѣтвей зеленыхъ,
А въ вѣтвяхъ кишитъ рой рѣзвыхъ
Дѣтокъ некрещеныхъ;
Иль о томъ, какъ на могилѣ
Вурдалакъ почуветъ,
А сова изъ лѣса стонетъ,
Словно горе чувствуетъ;
Иль какъ въ полночь зацвѣтаетъ
Сонь-травка въ долинь...
А о людяхъ?.. Ну, ихъ къ Богу!
Я и самъ ихъ нынѣ
Знаю добрыхъ... Зорька, зорька,
Другъ ты мой случайный!
Ничего-то ты не знаешь
О степяхъ Украины!
Рассказать тебѣ? Пожалуй,—
Благо спать не ляжешь.
А ты завтра тихо-тихо
Богу все расскажешь.

* *

Село—и сердце отдыхаетъ!
Село въ Украинѣ... Кто не знаетъ
Украины чудное село?
Сверкаетъ рѣчка, какъ стекло;
Цвѣтутъ сады; бѣлѣютъ хаты;
Бѣлѣютъ барскія палаты
Съ горы, какъ замокъ, а кругомъ
Рядъ тополей шумитъ на волѣ,
А тамъ все лѣсъ, и лѣсъ, и поле,

И Днѣпръ, и горы за Днѣпромъ...
Самъ Богъ вѣщаетъ надъ селомъ!

Село! Село! Красивы хаты,
Красивы барскія палаты,—
Пусть лучше бѣ терномъ поросли;
Чтобъ къ нимъ и слѣду не нашли,
Чтобъ и не знали ихъ!.. Когда-то
Въ селѣ томъ Божьемъ жилъ да былъ
Какой-то князь. Я не спросилъ,
Какъ онъ попалъ туда. Богато
Съ своей княгиней молодой
Жилъ князь тотъ, взысканный судьбой.
Красивъ былъ домъ его высокій,
Внизу, въ оврагѣ, прудъ глубокій
И чистый-чистый, и большой;
И садъ зеленый подъ горой,
И съ тѣнью ивъ, и съ тополями,
И въ полѣ мельницы рядами,
И дальше, съ версту отъ хоромъ,
Село-картинка надъ Днѣпромъ.

Когда-то весело тамъ было—
Безъ пиршествъ дня не проходило.
Бывало гусли день-деньской
Гудятъ, режутъ; вино рѣкой
Гостей насытыхъ наливаетъ;
Все пьютъ. А князь тому и радъ:
Знай, ходить, руки потираетъ,
Да самъ несмѣлымъ подливаетъ
Да и оретъ еще: „Вивать!
Вивать!“

Пьянъ князь и гости пьяны,—
И повалились на диваны.
А завтра снова оживутъ,
И вновь кутятъ, и снова пьютъ,

И такъ за днями дни другіе
Мелькаютъ. Души крѣпостныя
Ужъ и не стонутъ, а плачутъ;
Въ судахъ за князя Бога молятъ,
А гости, знай, себя изволятъ
Имъ восторгаться, знай, кричатъ:
„Нашъ князь—мужъ правилъ самыхъ строгихъ!“
„И патриотъ, и братъ убогихъ,
„Нашъ славный князь! Вивать! Вивать!“
А патриотъ, убогихъ братъ,
Съ крестьянъ чуть шкуры не сдираетъ,
Послѣдней дочки не щадитъ...

Княгиня плѣнницей сидитъ:
Ее и въ сѣни не пускаетъ
Убогихъ братъ... А кто жъ виной?
Тебѣ ль не нѣлъ отецъ сѣдой,
Тебя ли мать не умоляла,
Чтобъ ты за знатю не гналась;
Такъ нѣтъ—за князя... Вотъ и князь!
Вотъ и пишишь теперь княгиней?
Загинешь, бѣдная! Какъ иней
Въ ночь травку въ полѣ, такъ тебя
Убьетъ навѣкъ здѣсь доля злая;
Такъ и зачахнешь тутъ, не зная,
Какъ люди любятъ, какъ любя,
Живутъ и сердцемъ Бога славятъ...

А жить такъ хотѣлось,
И жить и любить;
Хоть годикъ, хоть часикъ
На волѣ побыть...
Да нѣтъ! А казалось,
Тебѣ ль, что желать?
Все было, все дочкѣ
Дала тебѣ мать.

Сама, что картинка,
 Что образ какой,
 Хоть встань и молися,
 Какъ будто святой...
 И жить бы да жить такъ.
 Да Бога хвалить,
 Да Божьей красою
 Людей веселить!
 Такъ нѣтъ! Надо горя...
 Иль Богъ такъ хотѣлъ?
 О, Боже мой, Боже,
 Все дать Ты сумѣлъ:
 Дать волю, дать разумъ,
 И сердце—любить,
 И ясныя очи,—
 Да не далъ пожить!
 Да не далъ на рай Твой,
 На мѣръ Твой святой
 Вполнѣ наглядѣться
 Всѣмъ сердцемъ-душой;
 Вполнѣ намолиться,
 Вполнѣ налюбить,
 И, всѣмъ насладившись,
 Въ землѣ опочить,

Мѣръ—рай, а весело ли жить
 И въ немъ, какъ некого любить?
 Вотъ такъ и ей, и одинокой
 Моей княгинѣ черноокой.
 Всегда одна, всю жизнь одна
 Грустить и сохнуть, какъ въ пустынь...
 И вчужѣ страшно! А княгинѣ
 Не страшно было. И она
 Жила и жизнь себѣ молила.
 Теперь ей есть кого любить:

Она ужъ матерью ходила,
 Ужъ и мечтала, и любила
 Свое дитя. И далъ дожить
 Ей Богъ до радости желанной:
 Обнять его, поцѣловать,
 И первый крикъ, такъ долго жданный,
 Своей малютки услышать...
 Охъ, дѣти, дѣти! Какъ не скажешь:
 Святая Божья благодать!

Слезы высохли, пропали,
 Солнце просіяло,
 И совсѣмъ не той, что прежде,
 Вдругъ княгиня стала.
 Словно вновь на свѣтъ родилась:
 Пѣла и шутила
 И княжнѣ, своей малюткѣ
 Рубашенки шила,
 Шила, шелкомъ вышивала;
 Няньчилась, носилась,
 И качала, и купала,
 И сама кормила;
 Всѣ княгини только знаютъ,
 Какъ дѣтей рожаютъ,
 А о томъ, какъ берегутъ ихъ,
 Какъ растятъ—не знаютъ.
 Да потомъ и, ну, всѣмъ охатъ:
 „Дѣтки насъ забыли!“
 А за что жъ имъ васъ и помнить?
 Развѣ, что родили.
 А моя съ своей княжною
 Все сама бывала,
 Князя-пьяницу и къ дѣтской
 Близко не пускала.

Какъ зимой цвѣтокъ въ теплицѣ,
 Берегла малютку.
 И малютка ужъ болтала...
 И учила въ шутку
 „Мамой“ звать ее княгиня...
 „Папой“—не учила,
 И съ картинками ей книжекъ
 Въ Ромнѣ накупила.
 Забавляла, заставляла
 И молиться Богу,
 И учиться по картинкамъ
 Буквамъ понемногу.
 Каждый день сама купала,
 Спать раненько клала
 И всю ночь надъ ней сидѣла,
 Очи не смыкала;
 Любовалась, восхищалась,
 Думала-гадала
 И въ мечтахъ своихъ ужъ замужъ
 Дочку выдавала.
 Косы длинныя, какъ змѣи,
 Расплетать ужъ стала,
 И заплакала вдругъ—князя
 Въ грезахъ увидала.
 Князя пьянаго, въ мундирѣ...
 Что онъ ей пророчить?
 А малюткѣ словно снится,
 Словно молвить хочетъ:
 „Ахъ, оставь, не расплетай ты
 „Косъ моихъ, родная...
 „Посѣкутся!“
 Съ каждымъ годомъ
 Дочка, подрастая,
 Больше радостей приносить
 Матери счастливой;

Словно роза расцвѣтаетъ
 Всѣмъ живымъ на диво.
 Расцвѣтаетъ, да не долго
 Веселить собою
 Мать придется ей. Княгиню
 Богъ караетъ злою,
 Злою карой... А съ чего бы,
 Кажется? Кто знаетъ,
 Отчего благое гибнетъ,
 Злое вырастаетъ?
 Расхворалась княгиня...
 Даже самъ смутился,—
 За знахарками по селамъ
 Разъѣзжать пустился.
 Понаѣхали. Лѣчили.
 Пичкали, морили
 До тѣхъ поръ, пока бѣдняжку
 Въ гробъ не уложили.

Не стало ангела. Въ землѣ
 Лежитъ княгиня безъ печали—
 И гусли снова заиграли
 Въ веселомъ княжескомъ селѣ.
 Гудятъ... А дочь ея родная,
 Ея любимица, босая,
 Въ грязи, безъ няньки, во дворѣ
 Весь день печется на жарѣ:
 Сорочку носить до износу;
 Лопушки вѣтъ въ саду; безъ спросу
 Въ оврагѣ бѣгаетъ съ ордой
 Мальчишекъ грязныхъ; день-деньской
 Прудить пруды по лужамъ съ ними...
 Умойся, милая! Вонъ мать
 Изъ рая смотреть и узнать
 Не можетъ дочку межъ чужими
 И шепчетъ: „вѣрно умерла!“

Умойся, сердце! Чтобь могла
Взглянуть безъ слезъ, чтобь увидала
Тебя, единую свою;
Чтобь отличила, чтобь узнала
И Бога вновь благословляла
За долю добрую твою!
Пошла, умылась. А родные,
Прибравши, въ Кіевъ, въ институтъ
Свезли... Что жь далѣе?

Ревуть,

Гудять опять, какъ въ дни бывше
Въ палатахъ гусли; на столѣ
Вино; пьянъ князь и гости пьяны,
Дрожать полы, звенять стаканы,
А голодь стонетъ на селѣ...
Онъ стонетъ по Украинѣ всей—
То Божья кара на людей!
Скирды же панскіе гниютъ,—
Паны жидамъ все продають...
. А той порою
И дочь вернулась на село,
И надъ ограбленнымъ—съ княжною
Какъ будто солнышко взошло.

Черноброва, черноока—

Вылитая мать.

Только грустная такая...

А съ чего бь скучать?

Иль, быть можетъ, ужь такою

Родилась она?

Иль, быть можетъ, молодая

Просто влюблена?

Нѣтъ, едва ли. Въ институтѣ

Врядъ въ кого могла;

Нѣтъ, какъ въ Кіевѣ гостила,

Весела была.

Весела, пока случайно

Не узнала зодѣ—

Не увидѣла печальныхъ

Разоренныхъ селъ.

Словно сизая голубка,

Хаты облетѣла;

Всѣхъ увидѣть, всѣхъ провѣдать,

Навѣстить успѣла.

Все село повеселѣло:

Этихъ обдарила,

Этихъ словомъ приласкала;

Каждый день ходила,

Помогала всѣмъ, а дѣти

Сироты гурьбою

Къ ней ходили и своею

Матерью святою

Называли; и всѣ люди

За нее молились.

А тѣмъ временемъ съ казною

И купцы явились.

Веселъ князь. Съ соломой жито

За ничто спускаетъ

И на помощь недобитыхъ

Мужиковъ сгоняетъ.

Смолотили. Да не въ пользу:

Мигомъ все провѣялъ,

Все—и съ клуней. Только продалъ,

Тотчасъ пиръ затѣялъ:

Въ паркѣ гостей на вспрыски просить;

Пьетъ тамъ, да гуляетъ...

Дома бь лучше, да неловко—

Дочка почиваетъ.

Въ зеленомъ паркѣ гамъ и грохотъ;

Срамныя пѣсни, женскій хохотъ...

Князь пьетъ, „Кутнемъ, друзья“, кричить,
„Покуда дочка наша спитъ“!..

А дочка грустная сидитъ
Въ своей свѣтлицѣ одинокой;
Глядитъ, какъ надъ горой высокой
Изъ-за туманныхъ облаковъ,
Краснѣя, мѣсяцъ выплываетъ,
И все какъ будто оживаетъ—
И лѣсъ, и горы; строй деревъ
Выходитъ въ поле изъ дубровы,
И филинъ ухаеъ, и совы
Изъ чащи весело летятъ;
И жабы квакають, гудятъ...
Любуйтесь, очи молодыя!
Любуйтесь, чистыя, свѣтыя,
Какъ зори алыя встають,
Какъ мѣсяцъ всходитъ и краснѣетъ,
Пока васъ мѣсяцъ этотъ грѣетъ,
А зори спать вамъ не даютъ!..

Сидитъ, головкой молодою
На ручку бѣлую склонясь;
Сидитъ до полночи съ тоскою
На зори алыя дивясь,
Княжна-красавица. И тихо
Вдругъ зарыдала. Иль про лихо
Шепнуло сердце ей тайкомъ?
Какъ знать! Утерла рукавомъ
Тихонько слезы, помолчалась,
Легла въ постель и позабылась
Дѣвичьимъ чистымъ-чистымъ сномъ.

А въ парѣхъ лоскомъ все лежало—
Бутылки, гости; гдѣ что пало,
Тамъ и осталось. Не упалъ

Лишь самъ,—остатки допивать.
И тѣ осилилъ... Всталъ. Подходить,
Шатаясь, къ дому; дверь находить...
Куда ты лѣзешь, гадъ? Вернись!..
Нѣтъ, не вернулся. Ключъ влагаетъ
Въ замокъ и двери отпираетъ,
И лѣзетъ къ дочкѣ... О, проснись!
Проснись, чистая! Очнись!
Здѣсь гадъ... Убей—иль искусаешь!
Убей—и Богъ не покараетъ!
Убей, какъ Ченчио сама
Убила древле кардинала—
Отца кинжаломъ... Нѣтъ, не встала!
А Богъ,—хоть въ комнатѣ и тьма,—
Богъ видитъ все, да не караетъ—
Грѣхамъ великимъ попускаетъ.
Умолкло все. Промчался мигъ.
А послѣ шумъ, а послѣ крикъ
И плачъ донесся до дубровы;
Но плачъ тотъ слышали лишь совы.
Замолкъ и онъ. И въ этотъ часъ
Вдругъ клуны тихо занялась.
Въ скирдахъ, треща, пылаетъ колосъ—
И хоть бы слово, хоть бы голосъ
На этотъ трескъ отозвался.
Паны въ лѣсу не шевелились,
А мужики сошлись, столпились
Да молча издали дивились,
Какъ дымъ вплоть до неба вился.

Утромъ гости пробудились,
Видятъ: въ домѣ—лихо,
И покинули всѣ князя
Любо такъ да тихо.
Такъ и мы его покинемъ;
Такъ и Богъ покинетъ.

Лишь тебя, княжна-бѣдняжка,
 Черный день не кинетъ.
 Много лѣтъ тебѣ придется
 Пострадать на свѣтѣ,
 Быть всю жизнь за грѣхъ отцовскій
 Безъ вины въ отвѣтѣ.
 Эхъ, ты, доля, доля злая,
 Брось ее! На волѣ
 Дай пожить ей хоть подъ старость,
 Хоть на чуждомъ полѣ,
 На безлюдѣ... Нѣтъ, не бросишь,
 До конца догонишь,
 До могилы, да сама же
 Въ ней и похоронишь.

Стоитъ село. Невесело
 Чернѣютъ надъ селомъ
 Съ горы палаты барскія.
 Хирѣетъ съ каждымъ днемъ,
 Хвораетъ князь. Не въ силахъ ужъ
 Ни встать самъ, ни ходить
 И нѣтъ кому по горницѣ
 Больного поводить.
 Никто о немъ не сѣтуетъ,
 Никто къ нему нейдетъ
 Къ болящему, къ скорбящему
 Въ поганный теремъ тотъ.
 Народъ, опомнясь, молится
 Творцу и день и ночь,
 Чтобъ вновь въ село вернулась
 Къ нимъ княжеская дочь.
 Но нѣтъ княжны. Не видѣтъ имъ
 Святой ужъ никогда:
 Она въ черницы, въ Кіевѣ,
 Постриглась навсегда.

Родилась жить, желать, любить,
 Сіять Господней красотой,
 Витать надъ грѣшными святою
 И благо каждому творить,—
 А вотъ въ глуши, отъ свѣта втайнѣ,
 Пришлось навѣкъ себя зарыть!..

Скитаясь долго по Украинѣ,
 Мнѣ разъ случилось посѣтить
 Одну обитель въ Чигиринѣ,
 Что за песками, на трясинѣ,
 Стоитъ отъ міра въ сторонѣ
 Межъ ивъ зеленыхъ. Тамъ-то мнѣ
 И рассказала—потрудилась—
 Одна монахиня-сестра,
 Какъ съ годъ назадъ изъ-за Диѳира
 Въ ихъ монастырь святой явилась
 Княжна какая-то. Пришла,
 Совсѣмъ здоровая была—,
 Кровь съ молокомъ, и молодая,
 И прекрасная такая,
 Да вдругъ свернулася. Слегла,
 Седьмицы съ три, зная, пролежала
 И передъ смертью на одрѣ
 Болѣзни всѣ намъ рассказала—
 И мнѣ, и Ксеніи-сестрѣ.
 Дивлюся я.—Гдѣ ни ходила,
 Какихъ святынь не посѣтила,
 Прошла всѣ Божіи мѣста,
 А здѣсь, у насъ, вдругъ опочила...
 Да, вотъ и самая могила—
 Еще не ставили креста...

Н. Пушкаревъ.

* * *

Мнѣ все равно, что нѣтъ, что будетъ
 Въ Украинѣ жить мнѣ суждено;
 Что, кто вспомнеть, кто забудеть
 Меня въ снѣгахъ здѣсь... все равно!
 Въ неволѣ росъ я межъ чужими
 И, неоплаканный своими,
 Въ неволѣ, плача я умру
 И все съ собою заберу,—
 Весь скорбь. Умру, какъ будто въ тайнѣ.
 И не вспомнеть обо мнѣ
 Никто въ родной моей Украинѣ,
 Въ моей—не нашей—сторонѣ.
 И не вздохнеть, не скажетъ сыну
 Отецъ: „Помолимся. Онъ свой.
 Онъ за Украину на чужбину
 Когда-то загнанъ былъ враждой!“
 Мнѣ все равно, что нѣтъ, что станеть
 Тотъ сынъ молиться... все равно!
 Не все равно мнѣ лишь одно:
 Не все равно, что не вспомнеть
 Украину Богъ, что всѣмъ дано
 Въ ней право грабить, красть, глумиться,
 Надъ обокраденной кичиться...
 Охъ, далеко не все равно!..

Н. Пушкиревъ.

* * *

Мнѣ снилось: снова я ребенокъ,
 Пасу ягнятокъ за селомъ:
 На небѣ солнышко сіяеть,
 Свѣтло и весело кругомъ.
 И мнѣ такъ радостно, что словно

Не на землѣ я, а въ раю.
 Давно позвали ужъ обидать,
 А я въ бурьянѣ все стою,—
 Невинной дѣтскою душою
 Молюся Богу въ тишинѣ;
 О чемъ молился я,—не знаю,
 Но было радостно такъ мнѣ:
 Лазурью небо отливало
 И грѣло солнышко тепло,
 Играли весело ягнята,
 Смотрѣло весело село!..

Да недолго солнце грѣло,—
 Вѣрилось, молилось,—
 Все засохло, потемнѣло,—
 Все перемѣнилось.
 Я проснулся—удивился:
 Гдѣ жъ село родное?
 Гдѣ же солнце, гдѣ же небо
 Ясно-голубое?
 Поглядѣлъ я на ягнятокъ—

Не мои ягнята;
 Сталъ искать родную хату—
 Нѣтъ моей и хаты!
 Ничего-то Богъ мнѣ не далъ!
 Больно сердцу стало;
 Я заплакалъ; а дѣвица
 У дороги жала,

Подошла ко мнѣ и нѣжно,
 Нѣжно приласкала.
 Снова свѣтъ перемѣнился:
 Солнце засіяло!
 Посмотрѣлъ я—все родное,—
 Садъ, и лѣсъ, и поле,
 И вдвоемъ пасты ягнятокъ
 Стали мы на волѣ!..

То бредъ и сонъ! Но только вспомню,
Я снова плачу, слезы лью:
Зачѣмъ Господь Богъ не дозволилъ
Дожить мнѣ вѣкъ свой въ томъ раю?
Пахалъ бы я родное поле
И больше ничего не зналъ;
Не слылъ бы въ свѣтѣ юродивымъ,
Людей бы я не проклиналъ!..

Ив. Бѣлоусовъ.

Н. И. Костомарову.

Играя, спряталось солнце
Въ весеннихъ тучкахъ золотыхъ.
Гостей закованныхъ своихъ
Холоднымъ чаемъ напоили
И часовыхъ перемѣнили—
Синемундирныхъ часовыхъ.
Теперь къ дверямъ, на ключъ замкнутымъ,
Къ рѣшеткѣ частой, что въ окнѣ
Привыкъ я, слава Богу,—мнѣ
Не жаль давно, давно прожитыхъ.
Давно схороненныхъ, забытыхъ
Моихъ кровавыхъ, тяжкихъ слезъ;
А ихъ не мало разлилось
Напрасно въ жизни. Хоть бы травка
И той-то даже не взошла!
И вспомнилъ я свое село,
Когда, кого оставить въ немъ,—
Родныхъ на кладбищѣ родномъ
И облилось сердце кровью,
Что вспомнить некому съ любовью
Меня на родинѣ. И вдругъ,—

Мой милый братъ, сердечный другъ,
Я вижу мать твою проща,
Какъ будто крестъ она несла,—
Я видѣлъ, бѣдная она,
Была измучена, больна!..
И палъ предъ Богомъ я съ мольбой,
Что эту жизнь злую долю,
Мою тюрьму, мою неволю
Дѣлить ужъ некому со мной.

Ив. Бѣлоусовъ.

— 1848 г. —

* * *

Огни горятъ, оркестръ играетъ,
Оркестръ и стонетъ и рыдаетъ;
Какъ яркій, дорогой алмазъ,
Сіяютъ взоры юныхъ глазъ;
Они полны святыхъ мечтаній,—
Предъ ними міръ волшебныхъ грезъ,
Любви, надеждъ, очарованій...
Лишь я сдержать не въ силахъ слезъ;
Гляжу съ мучительной тоскою,
Одинъ, забытый среди всѣхъ
На общій хохоть, танцы, смѣхъ,
И горько плачу надъ собою!

О чемъ же плачу горько я?
Что безъ привѣта, безъ участя,
Во мгль холоднаго ненастья,
Погибла молодость моя!..

* * *

* * *

Не для васъ я, люди-братья,
Пѣсни вольныя пою;
Не для славы выливаю
Въ пѣсняхъ душу я свою.

Для себя пою; душою
Съ пѣсней оживаю,
Легче гнетъ неволи тяжелой
Я переживаю.
Звуки пѣсенъ изъ Украины,
Съ родины несутся,
Выливаясь на бумагу,
Плачутъ и смѣются,
И мою больную душу
Радуютъ какъ дѣти.
Хорошо, привольно жить мнѣ
Съ пѣснями на свѣтѣ!
Какъ отецъ, дѣтми счастливый,
Я молю у Бога,
Чтобъ широкая для пѣсенъ
Пролегла дорога.
Чтобы пѣсни изъ неволи
Къ родинѣ слетали,—
Какъ имъ тяжело, какъ имъ больно
Людямъ рассказали.
Тамъ ихъ встрѣтятъ и привѣтятъ
Съ чистою душою:
Старецъ древній покачаетъ
Бѣлой головою;
Скажетъ мать: на горе дѣтокъ
Лучше бъ не родила!
Скажетъ красная дѣвица:
Я ихъ полюбила!..

Ив. Бѣлоусовъ.

Варнакъ.

Въ глуши, скитаясь, надъ Элекомъ
Со старымъ-старымъ человѣкомъ
Я разъ столкнулся. Нашъ землякъ
И педомученный варнакъ
Старикъ тотъ былъ. Однажды въ полѣ,
Въ травѣ, за валомъ, мы на волѣ
Разговорились съ нимъ. Съдой
Припомнилъ съ прежнею тоской
Опять Волынъ свою святую
И волю-долю молодую,
И все бывшее...

Долгій вѣкъ!

Сказалъ, вздохнувъ, онъ.—Все отъ Бога...
Отъ Бога все. А такъ немного
Зла сдѣлать можетъ человѣкъ.
Я самъ, какъ видишь, пропадаю,
Самъ врагъ былъ счастья своего,
И никого не проклиная,
И не прошу ни у кого...
На что? О чемъ?.. Вотъ такъ въ чужой,
Въ неволѣ, можетъ быть, землякъ,
И сгину даромъ, какъ въ пустынь,
Здѣсь, въ этихъ дебряхъ...

И варнакъ

Заплакалъ.

— Братъ! и въ казематѣ
Есть дверь на волю... Не рыдай.
Пока живетъ надежда въ хатѣ,
Пушай живетъ, не выгоняй!

Пусть холодную нагрѣть

И, какъ въ дни бывше,

Изъ очей твоихъ вновь брызнуть
Слезы молодая.
И умытое слезами
Сердце встрепенется
И въ Украину изъ неволи
Птацей понесется...

— Куда какъ многого не стало,—
Сказалъ старикъ.—Воды не мало
Изъ Иквы въ море утекло...
Надъ Иквой есть одно село.
Въ селѣ томъ дальнемъ на просторѣ
Я росъ на гибель да на горе.
У нашей старой госпожи,—
Какъ разъ въ ту пору однолѣтки
Со мной проклятымъ,—были дѣтки.
Вотъ госпожа и прикажи
Меня въ покои взять, чтобъ съ ними
Играть и играми своими
Ихъ забавлять. Ну барчуки
Расли, какъ водится, играли...
Кого-кого не покусали
За дѣтство, злые, какъ щенки!
Потомъ, подростковъ ихъ, рѣшили
Учить, за книжки засадили.
Зубрятъ весь день забившись въ классъ,
Паны, зубрю и я съ панамъ...
Омылось кровью и слезами,
Увы, зубренье то! Чтобъ насъ,
Скотовъ, цѣнныхъ господами
Собака дешевле, съ ихъ сынками
Учить?!

Смиряться предъ судьбой,
Страдать, молиться да съ тоской
Шагать за плугомъ, спотыкаться,—
Вотъ все, чѣмъ долженъ заниматься

Невольникъ въ жизни. Ужъ таковъ
 Ему, знать, жребій данъ. Побился
 Не мало лѣтъ я, научился,
 Подрость, и вотъ, безъ дальнихъ словъ,
 Прощусь на волюшку... Куда ты!
 И не пускаешь, и въ солдаты
 Отдать не хочешь. Какъ тутъ быть?
 Пошелъ я землю боронить,
 А барчуковъ поотдавали
 Въ ту пору въ гвардію.

Настали

Года тяжелые. Пришла
 Пора пожить самъ другъ съ сохою.
 Я былъ безроднымъ сиротою,
 А супротивъ меня росла
 Такая жъ круглая сиротка,
 Какъ я, работница красотка.
 Судьба сдружила насъ, и я...
 О, доля-долюшка моя!
 Она въ тѣ дни еще моложе
 Меня была... Не намъ, о, Боже!
 Не намъ судить твои дѣла!..
 Зачѣмъ расла? На что цвѣла?
 Не удалось полюбоваться!
 А я ужъ думалъ повѣнчаться
 И веселиться съ ней, и жить,
 И Бога славить...

Накупили

Товаровъ, пива наварили.
 Да не пришлось то пиво пить!
 Сѣдой любовникъ папы старой
 Расхитилъ, извергъ, тѣ товары,
 Сцѣдилъ все пиво то: сгубилъ—
 Безчестной по свѣту пустилъ...
 Все миновало. Не пристало
 И вспоминать теперь. Пропало...

Безслѣдно страшное прошло.
 Покинулъ съ горя я село:
 Покинулъ, мучась и тоскуя,
 Соху, и плугъ, и борону я;
 Покинулъ хату, огородъ,
 Все, все покинулъ, братъ... И вотъ
 Чортъ въ водостъ писаремъ наняться
 Помогъ мнѣ какъ-то. Знай, строчу
 Да тороплюсь съ людьми брататься,
 Да добрыхъ молодцовъ учу.
 Такъ, годъ за годомъ, два промчались.
 На третье лѣто барчуки
 Снять въ село къ намъ посѣзжались
 Ужъ женихами всѣ. Съ тоски
 До свадебъ тѣшились, гуляли
 По паркамъ, пѣли, въ банкъ играли,
 Да красныхъ дѣвокъ безъ стыда,
 Смѣясь, въ селѣ перебирали...
 Простое дѣло: господа!
 Всѣ ждуть. Въ тревогѣ вся усадьба...
 И мы ждемъ тоже скоро ль свадьба...
 Вотъ какъ-то въ Троицны дни
 Ксендзы въ костелъ ихъ (они
 Всѣ ляхи были отъ рожденья)
 И повѣнчали. Нѣтъ сомнѣнья,
 Самъ Богъ отъ вѣка не видалъ
 Красавицъ краше и милѣе
 Тѣхъ молодыхъ... Нашъ часъ насталъ,
 Ихъ изъ костела по аллеѣ
 Домой вели, а мы, на грѣхъ,
 Ихъ повстрѣчали гамъ и всѣхъ—
 Съ дѣтьми, съ гостями, съ молодыми—
 Руками грязными своими
 Всѣхъ перерѣзали... Въ крови
 Омылось празднество любви!
 Никто не спасся отъ булата,

Всѣ, всѣ, гуртомъ, какъ поросята,
 На бойнѣ смрадной полегли.
 А мы, управившись, пошли
 Искать по свѣту новой хаты.
 Пошли, искали и нашли
 Себѣ зеленыя палаты
 Въ лѣсу дремучемъ. На лугахъ,
 Въ степяхъ широкихъ, въ байракахъ
 Крутыхъ, глубокихъ—всюду хата!
 Есть гдѣ спастись отъ супостата,
 Есть гдѣ въ той хатѣ и кутнуть,
 И погулять, и отдохнуть.

Вся шайка съ самаго начала
 Во власть мнѣ рабски отдалась.
 Семья моя все выросла
 И ужъ до сотни разрослась.
 Какъ поросычья, кровь лилась...
 Я рѣзалъ всѣхъ, кто звался паномъ
 Безъ милосердья и безъ зла.
 И самъ не знаю, что была
 Мнѣ за нужда. Такъ атаманомъ
 Три года ровно, какъ рѣзникъ,
 Какъ бичъ святой небесной кары.
 Ходилъ съ ножами я... И крикъ,
 И кровь, и слезы, и пожары,
 Все, все привычно стало мнѣ.
 Порой ребенка на огнѣ
 Спалишь, какъ жабу, вздѣвъ на спицу;
 Порой панянку-чаровницу
 Распнешь нагую на копѣ
 И пустишь въ степь... Всего не мало,
 Всего въ тѣ дни у насъ бывало,
 И все противно стало мнѣ.

Одурѣлъ я. Тяжко стало
 Вѣкъ въ вертепахъ этихъ жить.

Думалъ самъ себя зарѣзать,
 Чтобъ тоску свою забыть.
 И зарѣзалъ бы, да диво,
 Диво дивное со мной
 Вдругъ случилось, съ людоѣдомъ.
 Помню, небо ужъ зарей
 Занималось. Я изъ лѣсу
 Въ Броварахъ съ ножомъ въ рукахъ
 Вышелъ рѣзаться—и вижу,
 Словно въ небѣ, въ облакахъ
 Нашъ святой великій Кіевъ
 Чудомъ Божиимъ виситъ;
 Чудомъ блещетъ каждый храмъ въ немъ,
 Словно съ Богомъ говорить.
 Я гляжу, а самъ невольно
 Такъ и млѣю весь... Пошелъ
 Звонъ по Кіеву... О, Боже!
 Какъ прекрасенъ Ты! Я шель
 И все плакать, долго плакать,
 И легко такъ стало мнѣ,
 И слѣда моей печали
 Не осталось. Въ тишинѣ
 Поглядѣлъ, полюбовался,
 Словно вдругъ переродясь,
 И побрелъ себѣ тихонько
 Съ сердцемъ радостнымъ, крестясь,
 Въ славный Кіевъ—помолиться,
 У святыхъ мощей побыть,
 Да суда, суда людского
 У людей себѣ просить.

Н. Пушкиревъ.

Монахъ.

Было время—на Подолѣ
 Всѣ довольны были долей,
 Да бывое не вернется,
 Не вернется, хотъ и ждется...
 Я же буду, братъ мой милый,
 Вспоминать про то, что было,
 Буду ждать да поджидать,
 Не вернется ли опять...

Тамъ на Кіевскомъ Подолѣ,
 Было время вольной воли:
 Ни холопа нѣтъ, ни пана,
 Ни души нѣтъ безъ жупана,—
 Стелютъ бархатомъ дороги,
 Подстилаютъ шелкъ подъ ноги,
 Ни предъ кѣмъ спины не гнутъ
 И съ дороги не свернуть.

Какъ на Кіевскомъ Подолѣ
 Казаки гуляютъ:
 Изъ боченковъ, словно воду,
 Вина разливаютъ:

Погребки и кабаки
 Съ винами, медами
 Закупили казаки,
 Да и пьютъ ковшами:
 Веселятся казаки.

Музыка играетъ,
 А изъ оконъ бурсаки
 Молча взоръ кидаютъ:

Жаль, что нѣтъ имъ въ школѣ воли—
 Всѣмъ бы угодили.

Но кого тамъ запорожатъ
 Кругомъ обступили?
 Въ красныхъ бархатныхъ штанахъ,
 Землю подметая,
 Запороженъ, ужъ въ лѣтахъ,
 Пляшетъ, пригвывая;
 Какъ присѣлъ на каблукъ—
 Только пыль взлетаетъ!
 Удивились казаки,
 Онъ же распѣваетъ:
 „По дорогѣ ракъ, ракъ,
 Пусть ужъ будетъ такъ, такъ;
 Если бъ только молодичъ
 Да посѣять макъ, макъ!“

Ой, задамъ я каблукамъ,
 Знатно перцу имъ задамъ,
 Да задамъ ужъ и носкамъ!
 И носки, и каблукъ
 Набрался злой тоски.
 Ну, задамъ же перцу вамъ,
 На всѣ корки вамъ задамъ,
 Да задамъ ужъ и носкамъ!“

До Межигорскаго Спаса
 Старый доплясался,
 А за нимъ и цѣлый Кіевъ
 Тоже разгулялся;
 Доплясался до воротъ онъ,
 Крикнулъ: „Отворяйте,
 Да въ монахи казака,
 Братъ, принимайте!“

Въ монастырь святой ворота
 Казака впустили
 И навѣкъ назадъ дорогу
 Старому закрыли.

Кто же лысый тотъ казакъ,
Кончившій монахомъ,—
Съчевикъ Семень Палѣй,
Недобитый ляхомъ!

Въ гору солнышко восходитъ,
Подъ гору заходитъ:
Старичекъ монахъ по кельѣ
Въ длинной рясѣ бродитъ;
То изъ Вышгорода грустно
Онъ на Кіевъ глянетъ,—
И присядетъ на пригоркѣ
И задумчивъ станетъ.
То сойдетъ онъ внизъ въ долину,
Чтобъ испить водицы,—
И припомнитъ, какъ на свѣтѣ
Трудно было биться.
То печально въ кельѣ взглянетъ
На стѣны нѣмыя,—
И припомнитъ годы дѣтства,
Годы молодые.
То за Библию возьмется,
Вслухъ ее читаетъ,—
Только думка у монаха
Далеко летаетъ...

Обратилась келья въ Свѣтъ:
Божье слово замираетъ,
Все бывшее оживаетъ
И ведетъ съ монахомъ рѣчь.
Передъ нимъ встаетъ и смотритъ
Старый гетманъ, какъ сова;
Танцы, музыка... Бердичевъ...
Звонъ цѣпей... потомъ—Москва...
Дальше—тѣсь, снѣга, морозы...

Безпредѣльный Енисей...
И у старца изъ очей
Покатились градомъ слезы...
„Вставай, старикъ, клади поклоны,
Плоть старикову усмиряй,
Да чаще Библию читай;
Внимай церковному трезвону,
А сердцу воли не давай:
Оно въ Сибирь тебя водило,
Оно весь вѣкъ тебя мучило!
Свою гордыню забывай,
Чтобъ и души не загубила!
Не то пропадѣ ты, такъ и знай!“

И заплакалъ старецъ горько,
Бросилъ Библию читать,
Походилъ, присѣлъ и тяжело
Въ кельѣ началъ онъ вздыхать:
„Для чего я въ мѣръ родился
И Украину такъ любилъ?“
Утромъ колоколъ раздался;
Старецъ грудь перекрестилъ,
Взялъ свой посохъ, облачиться
Поспѣшилъ въ клобукъ скорѣй...
И за родину молиться
Поплелся монахъ Палѣй.

Пр. Б.

* * *

На бѣса ли я время трачу,
Бумагу, перья? А порой
Къ тому жъ еще и горько плачу,
Не скорбью тронуть міровой,

Не дѣломъ жизни,—а какъ дѣдъ
Подвыпившій—и старъ, и сѣдъ,—
Расплачется,—причина жъ та,
Что онъ, поймите, сирота!...

Е. Гюлавскій.

* * *

Ой, взгляну ли, посмотрю ли
Я на степь, на поле,—
Неужели хотъ подъ старость
Не дождусь я воли?
Я пошелъ бы на Украйну,
Къ хутору родному;
Какъ бы мнѣ тамъ были рады,
Старику сѣдому!
Отдохнуть бы тамъ немного,
Богу сталъ молиться,
Сталъ бы я... Да что и думать,—
Ничему не сбыться!
Безъ надежды и безъ воли
Какъ я вѣкъ пробьюся?
Научите, люди!—или
Я ума лишуся!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Порой и старику сѣдому
На сердце радость западетъ—
И снова онъ помолодѣетъ,
И снова пѣсню запоетъ.
И станетъ жизнь ему милѣ,—

Свѣтло и ясно впереди
Надежда ангеломъ безгрѣшнымъ
Забьется радостно въ груди...
Чему жъ онъ радъ? Что оживило
Его измученную грудь?—
Добро задумалъ старый сдѣлать,
Въ бѣдѣ помочь кому-нибудь!..
Да, хорошо тому, чье сердце
Не разушилось любить;
Не въ тяжесть въ Божьемъ вольномъ мѣрѣ
И старику сѣдому жить.
Не разъ онъ, жизнь благословляя,
Цвѣткомъ весеннимъ расцвѣтеть...
Такъ, если въ яму хотъ случайно
Лучъ солнца яснаго скользятъ,—
И дно глубокой, темной ямы
Зеленой травкой порастетъ!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Незагоды ль жизни, иль неволя
Иль пережитые года
Разбили душу? Иль быть можетъ
Я ею не жилъ никогда?
Я душу чистую опозлилъ,
Живя средь пошлости людской;
Смѣясь же люди называютъ
Ее до сихъ поръ молодой,
И непорочною, и святой
Еще какою-то,—не знаю...
О, люди! Лживый родъ людской,—
Мнѣ душу чистую не вы ли
Такъ загрязнили, осквернили,

Что я теперь ужъ позабылъ
 Какъ чистымъ я-когда-то былъ!..
 И вы съ небесъ меня сманили,
 По своему писать учили;
 Вы тяжкій камень положили
 Мнѣ на дорогъ и разбили
 О камень сердце. Безъ пути
 Куда же мнѣ теперь идти?
 Теперь безъ цѣли я скитаюсь,
 Себя и васъ и все кляня;
 Иду съ трудомъ и спотыкаюсь,
 А вы смѣтаете на меня!..
 Я плачу горькими слезами,—
 Смѣюсь и плачу я съ тоской—
 И надъ собою, и надъ вами,
 И надъ погибшею душой!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Жизнь въ радость тѣмъ, кому судьбою
 Данъ отчій домъ, дана семья,—
 Мать, сестры, ласка ихъ... А я?..
 Въ борьбѣ съ неволею и тьмою
 Мнѣ счастья знать не привелось..
 Богъ знаетъ, какъ всегда жилось!..
 И вотъ пришлось однажды мнѣ
 Въ чужой, далекой сторонѣ
 Взагрустнуть, что сирѣ я, что нѣтъ дома,
 Что только скорбь души знакома...

Мы долго по морю блуждали;
 Лишь къ вечеру на якорь стали,
 Когда къ Сыръ-Дарьѣ подошли;

Съ „Ватаги“ письма принесши
 Всѣ приумолкли, всѣ читали,
 А мы съ NN.—мы присели
 И тихо въ полумгнѣхъ болтали.
 Я думалъ: будетъ ли пора
 И мнѣ имѣть семью на свѣтѣ,
 Ждать писемъ съ мыслью о привѣтѣ...
 — А у тебя?

— Жена и дѣти.
 Есть домъ, есть мать, есть и сестра
 А писемъ нѣтъ!..

П. Тулубъ.

* * *

Эхъ, не начать ли мнѣ посланье
 Къ себѣ и самому писать,
 И все, что нужно и не нужно
 Въ посланьи этомъ рассказать?
 А то по правдѣ кто напишетъ,
 Любовью къ истинѣ горя?
 А вотъ ужъ годъ идетъ десятый
 Какъ людямъ далъ я „Кобзаря“..
 У всѣхъ какъ будто ротъ замазанъ,
 Никто и звука не издастъ,
 Какъ будто нѣтъ меня на свѣтѣ!
 Не похвалы я жду отъ васъ,—
 И безъ похвалъ я обойдуся,—
 Мнѣ нуженъ добрый лишь совѣтъ;
 Должно быть безъ него придется
 Мнѣ умереть,—покинуть свѣтъ!
 А, Господи, какъ мнѣ хотѣлось
 Чтобъ слово кто-нибудь сказалъ,—
 За что люблю я Украину

И для кого всю жизнь писалъ?
 Такъ и состарѣюсь я съ думой:
 Что дѣлаю,—не знаю самъ;
 Пишу лишь для того, чтобъ время
 Не тратить такъ, по пустякамъ.
 А иногда казакъ усатый
 Приснится грѣшному во снѣ,—
 Съ своею волей удалю
 На черномъ-ворономъ конѣ..
 А больше ничего не знаю,
 Хотя за то и пропадаю
 Теперь въ далекой сторонѣ.
 Должно быть такъ ужъ жизнь сложилась?
 А можетъ Богу не молилась,
 Меня носивши, мать моя?..
 Какъ будто лютая змѣя
 Въ степи подъ солнцемъ издыхаетъ,
 Людской растоптана ногой,—
 Такъ больно грудь моя страдаетъ,
 И просить, ждеть, и умоляетъ,
 Покоя лишь въ землѣ сырой!..
 За что все это,—я не знаю;
 Но все-таки ее люблю—
 Мою Украину родную,—
 И Бога за нее молю;
 Хотя я въ ней и одинокій
 (Подруги тамъ я не нашелъ),
 И до погибели дошелъ..
 Эхъ, другъ мой милый, не печалься;—
 Себя терпѣніемъ окуй,
 Усердно Богу помолися,
 А на толпу людей наплюй!..

Ив. Бѣлоусовъ.

И золотой, и дорогой,
 Сказать по правдѣ вамъ, не жаль
 Мнѣ прошлой воли молодой;
 А иногда таки печаль
 Такъ сдѣлать душу, что порою
 Зальюсь я горькою слезой,
 Когда въ селѣ увижу хлопца;—
 Забитый, блѣдный и худой,
 Какъ листъ оторванный отъ вѣтки,
 Подъ тыномъ бѣдный онъ сидитъ,
 И кафтанишка—рванный, рванный—
 На плечахъ худенькихъ виситъ...
 И думаю,—вотъ это я,
 Вотъ это молодость моя!..
 О немъ я думаю: онъ воли
 Ужъ не дождется никогда;—
 Промчатся годы молодые,
 Жизнь пронесется безъ слѣда;
 На вольномъ и широкомъ свѣтѣ
 Себѣ пріюта не найдетъ.
 Чтобъ гдѣ-нибудь да пріютиться,—
 Въ солдаты, бѣдный, попадетъ.

Ив. Бѣлоусовъ.

Мнѣ снился сонъ: гдѣ подъ горою
 Склонились вербы надъ водою,
 Тамъ хатка бѣлая стоитъ,
 А рядомъ съ ней старикъ сидитъ
 И внука на рукахъ качаетъ.
 И дальше снилось: вотъ сбѣгаетъ

Мать, улыбаяся, съ крыльца,
Цѣлуетъ сына и отца;
Ребенка на руки беретъ
И въ хату спать его несетъ.
Старикъ одинъ сидитъ и тихо
Онъ шепчетъ: „Гдѣ жъ ты, горе-лихо?“
Крестясь онъ „Отче нашъ“ читаетъ;
Сквозь вербы солнышко сіяетъ,
Садясь за дальнею горой;—
И спать идетъ старикъ домой...

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Мы вмѣстѣ съ ней дѣтьми росли
И подъ одною кровлей жили;
Любуясь матери на насъ,
„Женихъ съ невѣстой!“—говорили.
Но не сбылися ихъ слова:
О чемъ мечтали—не дождались!
Похоронивши стариковъ,
Мы разошлись и не встрѣчались.
Меня по волѣ и неволѣ
Носило всюду; принесло
Подъ старость къ хутору родному,
Въ родное, милое село.
И показалось мнѣ сѣдому,
Что измѣнилось оно,—
Какъ я,—старо, убого стало
И неприглядно и темно!
Мнѣ показалось такъ,—все то же
Село родное, какъ было:
Въ немъ ничего не измѣнилось,—
Не выросло и не сгнило“.

Все тотъ же лѣсъ, все то же поле,
Колодезь тотъ же все стоитъ,
И верба, будто въ злой неволѣ,
Надъ нимъ склонилась и груститъ...
Прудокъ и мостикъ. Изъ-за лѣса
Все та же мельница глядитъ
И дубъ зеленый подъ горою,
Какъ молодой казакъ, стоитъ.
На горкѣ садикъ, а въ садочкѣ
Подъ вишней бѣлой, въ холодочкѣ,
Какъ будто бы въ раю—лежатъ
Отецъ и мать и крѣпко спятъ.
Кресты съ могилокъ ихъ упали
И надписи на нихъ слиняли:
Быть можетъ, смыло ихъ дождемъ,
Иль время стерло!.. Мирнымъ сномъ
Пусть спятъ родные...

— Ты не знаешь,

Жива Оксаночка? Пытаю
У брата тихо я.

— Какая?

— А вотъ, что съ нами-то жила,
Такая бойкая была?

— Но что жъ ты слезы утираешь?

— Я ничего...

— Ну, братъ, сбѣжала

Твоя Оксаночка въ походъ
Съ солдатами, и тамъ пропала.
Вернулась, правда, черезъ годъ,
Да не одна,—вдвоемъ съ дитею
Она вернулась, братецъ, къ намъ;
Бродить все стала по ночамъ;
Бывало ходить, распѣваетъ,
Иль въ косы что-нибудь вилетаешь,
Иль сядетъ у плетня сидеть,
Кукушкой громко такъ кричить...

Потомъ куда-то вновь дѣвалась—
И не видали, какъ ушла.
А что за дѣвица была—
Ну, просто краля! Жалко,—бѣдной
Господь, зная, счастья не далъ!
А можетъ далъ, да кто укралъ?

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

И станомъ гибкимъ, и красой,
Красой безгрѣшной молодой,
Старикъ, порой я веселюсь,
Гляжу, гляжу, не нагляжусь
И вдругъ... и вдругъ, какъ предъ святою,
Передъ тобою замолюсь.
И жаль въ тотъ мигъ, такъ жаль мнѣ станетъ
Твоей небесной красоты...
Какъ жить съ ней въ мірѣ будешь ты?
Кто за тебя на стражѣ станетъ
Твоимъ заступникомъ земнымъ?
Кто сердцемъ чистымъ, молодымъ
Твое, безгрѣшное, сумѣетъ
Понять? Кто грудь тебѣ согрѣетъ
Огнемъ любви? Кто онъ такой?
Ты въ жизнь вступаешь сиротой.
Тиха, пуста твоя дорога,—
Ты кромѣ праведнаго Бога
На ней покуда никого
Еще не встрѣтила... И благо,
Что такъ. Моли, моли Его,
Чтобъ ниспослалъ въ жизни блага
Тебѣ Онъ съ неба Своего...
Молись... Помолимся, родная,
Вдвоемъ...

Пророчески остеръ
Вдругъ сталъ мой старый, тусклый взоръ.
Въ глазахъ вся жизньъ твоя земная
Плыветъ и замерли уста
Для словъ молитвъ, и красота
Твоя въ тотъ мигъ ужъ мнѣ не въ радость...
И снится мнѣ: уходитъ младость;
Ты... ты ужъ мать. И не шути,
И не въ шелкахъ, и не въ палатахъ,—
Въ нуждѣ, голодное, въ заплатахъ,
Въ грязи растеть твое дитя.
И вынешь ты. А дни проходить.
Идутъ и все съ собой уводятъ,
Всѣ блага жизни и земли...
Вотъ и надежду увели.
И ты одна вдругъ очутилась,
Совсѣмъ одна. Пока расло,
Одно добро не разлучилось
Съ тобой—дитя, а оперилось,
И то, любимое, ушло.
Стара и немощна, съ мольбою
Въ очахъ, съ протянутой рукою
Весь день ты бродишь отъ дверей
Къ дверямъ, иль сытыхъ богачей,
Съ клюкой догнать спѣша ихъ сзади,
Тоскливо молишь: „Христа ради!..“
Такъ часто, старый, я тобой,
И станомъ гибкимъ, и красой
Твоей люблюсь и тоскую,
И долю лучшую, иную
Молю у Господа. Какъ я,
Моли и ты, какъ нищій хлѣба,
Да снизойдетъ святого неба
Та доля лучшая твоя...

Н. Пушкинъ.

* * *

Подъ старость-то и мы похожи
Хоть капельку на образъ Божій,—
Конечно, что не всѣ... а такъ—
Кой-кто...

Крутой оврагъ,
Чернѣясь мрачно въ чистомъ полѣ,
Какъ будто бы цыганъ лежить,
Спитъ мертвымъ сномъ или усталый,—

А по долинь на раздольѣ
По степи перекати-поле,
Рѣзвясь, ягненочкомъ бѣжить
Воды напиться къ рѣчкѣ малой,
А рѣчка-то его взяла,
Да въ Днѣпръ широкой отнесла;
Днѣпромъ его умчало въ море,
Въ чужую сторону, на гѣре...

Жалко, жалко мнѣ бѣдняжку,
Жалко сиротину!
И пойду я закручинясь,
Выйду на долину.
Тихо шепчетъ лѣсъ зеленый
Молодой листвою...
О, какъ хочется великій
Міръ объять душою!
Какъ хочется, Боже милый,
Жить на вольной волѣ,
И служить Твоей лѣнѣ правдѣ,
И Твоей лѣнѣ волѣ...
Хорошо тебѣ, мой друже,
Не пойдешь къ сосѣду:

У тебя своя есть хата,—
Заведешь бесѣду
Въ ней хоть съ малымъ, неразумнымъ,
Но и онъ, вѣдь, знаетъ
Твои думы. Чистымъ сердцемъ
Богъ самъ управляетъ.
Я живу здѣсь на чужбинѣ
Грустный, одинокій,
И съ тоскою вспоминаю
Край родной далекій.
Что съ тобой заговорить здѣсь
Съ бѣднымъ, безталаннымъ?—
Вкругъ лежитъ одна пустыня
Трупомъ бездыханнымъ!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Готово все! Натянуть парусъ,—
По волнамъ синимъ въ Сыръ-Дарью
Сквозь заросль гонимъ мы ладью.
Прощай убогий Косъ-Аралъ!
Два цѣлыхъ года разгонялъ
Тоску ты лютую мою...
Спасибо, другъ! Теперь гордись,
Что люди для тебя нашлись,—
И вольный, дикій степи рай
Отнынѣ сталъ неволи край!
Прощай! Тебѣ ни похвалы,
Не стану пѣть я, ни хулы;
Въ другомъ краю, когда-нибудь,
Когда тоска заглохнетъ грудь,
Тебя придется вспомнать...

Ө. Тищенко.

* * *

Въ раю у Бога за дверями
 Лежала острая сѣкира,
 А Богъ съ Петромъ по стогнамъ міра
 Ходилъ въ то время межъ людьми.

А кайсакъ на лихо,
 Да на горе краю
 И украдь изъ раю
 Ту сѣкиру тихо.

Намѣтилъ дерево—и тюкъ!
 Анъ вдругъ какъ вырвется изъ рукъ
 У вора божья та сѣкира,
 Да какъ поидетъ на ужасъ міра
 Гулять по свѣту... Деревя —
 Дубы-гиганты, какъ трава,
 Покосомъ стелются, а съ кручи
 Встаютъ пожаръ и дыма тучи
 Все небо вокругъ заволокли.
 И стала тьма, и отъ Урала,
 Вплоть до Тингиза, до Арала
 Кипитъ въ озерахъ вся вода.
 Пылаютъ села, города,
 Рыдаютъ люди; звѣри стонуть,
 Бѣгутъ въ Сибирь, въ Тоболѣ тонуть.
 Въ снѣгахъ скрываются... Семь лѣтъ
 Сѣкира божья та гуляла:
 Семь лѣтъ все гибло, все стонало
 И меркъ за дымомъ божий свѣтъ.
 Въ восьмое утро воскресенье,
 Свѣтло, какъ въ первый день творенья,
 Святое солнышко взошло.
 Вся степь въ пустыню превратилась:
 Гдѣ были городъ, гдѣ село—

И головня ужъ не дымилась,
 И пенель вѣтромъ разнесло.
 Нигдѣ и слѣду не чернѣть;
 Одинъ роскошно зеленѣть
 Во всей степи синигъ-агачъ *).
 Краснѣть глина, какъ кумачъ;
 Кой-гдѣ торчатъ бурьянъ колючій;
 Кой-гдѣ ручей, пробившись съ кручи,
 Болотцемъ съ тощей осокой
 Внизу чернѣть подъ горой:
 Да иногда кайсакъ, съ безсильной
 Тоской, свернетъ съ дороги пыльной,
 Съ верблюдомъ на гору всплыветъ...
 И диво дивное творится
 Въ тотъ мигъ: вся степь что оживится
 Какъ будто съ Богомъ заведетъ
 Вдругъ рѣчь о чемъ-то. Прослезится
 Верблюдъ усталый и кайсакъ,
 Понурия голову, привстанетъ,
 Оглянетъ степь, Кара-бутахъ **);
 Вздохнувъ, синигъ-агачъ помянетъ,
 Тихонько спустится съ горы
 И сгинетъ въ глиняной пустынь.
 Одно единое донныѣ
 Съ тѣхъ самыхъ дней до сей поры
 Стоитъ то дерево святое,
 Одно Творцомъ не проклятое,
 Сѣкирой божьей не снято,
 Огнемъ не тронуто. Съ кручиной
 Стоитъ и шепчется съ долиной
 О томъ, что было. И никто,
 И ни одинъ кайсакъ понынѣ,
 Не минетъ въ страшной той пустынь

*) Дерево.

**) Небольшая рѣчка.

Его, святое, безъ того,
 Чтобъ и дарами, и мольбами
 Не ублажить и со слезами
 Не помолить въ душѣ его:
 Да не посохнеть, да не сгинеть,
 Какъ сгибло все въ пустынь той!
 Да корни лѣсъ свои раскинетъ
 Въ степи ихъ мертвой и нѣмой.

Н. Пушкаревъ.

На Рождество.

Не домой идя отъ кума
 Вечеромъ изъ хаты
 И не спать ложась, братъ милый,
 Вспомни про меня ты,—

А когда нагрянетъ горе
 На всю ночь до свѣта,—
 Вотъ тогда меня зови ты,
 Другъ мой, для совѣта:

Вотъ тогда ты и подумай:
 Какъ въ дали нать моремъ,
 Другъ твой мается въ пустынь,
 Какъ онъ бьется съ горемъ;

Какъ онъ въ сердцѣ затаивши
 Думы тѣ—тревогу,—
 Бродитъ молча одинокій,
 Молится тамъ Богу,

О тебѣ, да объ Украинѣ
 Милой озабоченъ...
 Иногда и загруститъ онъ—
 Только... такъ—не очень...

Посмотри—на дворъ ужъ праздникъ
 Наступаетъ нынѣ...
 Тяжко, братъ, встрѣчать его мнѣ
 Одному въ пустынь.

Завтра рано на Украинѣ
 Благовѣсть начнется.
 И народъ со звономъ вмѣстѣ
 Въ церкви соберется

Помолиться... Завтра жъ рано
 Будетъ выть голодный
 Звѣрь въ пустынь, и повѣетъ
 Ураганъ холодный,

Занесетъ пескомъ и снѣгомъ
 Хату и завьется
 По пустынь... Вотъ какъ праздникъ
 Встрѣтитъ мнѣ придется!

Что жъ теперь? На то и горе,
 Чтобы съ нимъ... бороться!..
 Такъ вотъ, такъ-то, другъ единый,—
 Такъ мнѣ здѣсь живется.

Прочитай посланье это,
 Да и знай,—что доли
 Хуже нѣтъ, какъ жить въ пустынь
 Одному въ неволѣ.

Да и тамъ живутъ... хоть тяжело
Сердце изнываетъ..
Умереть бы? Такъ надежда,
Братъ, не умираетъ!

Ө. Гавриловъ.

— 1849 г. —

* * *

Какъ будто степью чумаки
Версту проходятъ за верстою,—
Такъ жизни дни мои идутъ,—
И горя мало мнѣ!.. Мечтою
Живу—и книжки сочиняю,
И въ нихъ стихами забавляю
Съдую голову свою,
И цѣпи на себя кую...
А какъ про это да узнаютъ,—
О томъ по мѣсту донесутъ?
Такъ что жъ?—пускай хоть разопнуть:
Два года я тайкомъ пишу
И въ третій годъ не усижу!

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

По небу тучка за солнцемъ плыветъ,
Червонныя полы свои разстилая,
И въ море безбрежное манить-зоветь,
Покровомъ багрянымъ окрестъ застилая....

Любуются очи красою заката...
 Минуты затишья—покой для души:
 Дремотой и нѣгой природа объята,
 И зрѣть молитва въ глубокой тиши...
 Но вотъ переливы зари угасаютъ;
 Туманъ, словно врагъ, надъ водою встаетъ,—
 И отблескъ послѣдней зари покрываетъ,
 И холодъ и тьму за собою ведетъ.
 Объять и окутанный тьмою нѣмою
 Я долго, такъ долго безмолвный стоялъ
 Въ раздумьи тяжеломъ. Но съ вѣрой святою
 Я новаго свѣта зари ожидаю!..

С. Д.

* * *

Туманно небо, хмуры тучи,
 И вдоль по берегу рѣки,
 Какъ будто пьяные, отъ вѣтра
 Качаясь, гнутся тростники...

О, Боже, долго ли здѣсь мнѣ
 Сидѣть въ незапертой тюрьмѣ,
 Здѣсь надъ пустыннымъ грустнымъ моремъ
 Съ тоской тяжелою и горемъ?
 Когда жъ конецъ? Травы степная,
 Подъ вѣтромъ голову склоняя,
 Молчить и гнестся, какъ живая,
 Не хочетъ правды мнѣ сказать,—
 А больше отъ кого жъ узнать?..

И. Белоусовъ.

* * *

И снова почта изъ Украины
 Мнѣ ничего не привезла!
 Въ пустынь грозный Богъ караетъ
 Меня за грѣшныя дѣла.
 За что меня Господь караетъ
 Я не пытаюсь узнать;
 Но сердце горько, горько плачетъ,
 Когда начну я вспоминать
 О томъ, что прожито когда-то
 Въ Украинѣ милой и родной
 Въ тѣ годы юности печальной,
 Что пронеслися надо мной!
 А было время,—дружбѣ вѣчной
 Клялись друзья не измѣнить;
 Забылось все, какъ на чужбинѣ
 Мнѣ одному пришлось жить.
 Мы разошлись такъ спокойно
 Безъ сожалѣній и безъ слезъ;
 И вотъ какъ мнѣ подъ старость вспомнить
 Своихъ друзей теперь пришлось!..
 Нѣтъ, нѣтъ!—Не хуже люди стали,—
 Должно быть умерли они,
 А то хоть на клочкѣ бъ прислали
 Мнѣ вѣсточку

Я отъ той печали лютой,
 Отъ тоски ли той глубокой,
 Чтобъ не видѣть какъ читають
 Письма съ родины далекой,—
 Одинокій, безпріютный
 Я у моря погуляю,
 На Украину родную
 Думой вольною слетаю.
 Запою я,—мнѣ и людямъ
 Пѣсня радостью повѣсть;

Пѣсня правду скажетъ; горе
По надъ-бережью развѣтъ!...

Ив. Бѣлоусовъ.

Украинѣ.

Нѣтъ большей скорби, какъ въ неволѣ
Про волю вспоминать... А я,
Страданье жгучее тая,
Тобою брежу въ тяжелой долѣ.
Досель ты не казалась мнѣ—
Въ далекой родинѣ—такою
Плѣнительной и дорогою,
Какъ здѣсь—на чуждой сторонѣ,
Въ неволѣ горькой... Доля, доля!
Моя загубленная воля,
Взгляни сюда изъ-за Днѣпра
И улыбнись!..

Призыву послушная,
Горя и пылая,
Выходитъ изъ-за моря
Зоря золотая.
Выходитъ желанная,
Ведя за собою
Лѣта моей юности...
Встаетъ предо мною
Изъ-за моря синяго
Селенье надъ долиною,
Съ садами вишневыми,
Съ народомъ веселымъ.
Село мнѣ знакомое,—
Въ немъ люди когда-то

Меня одинокаго—
Считали за брата;
Родимая матушка,
Старушка сѣдая,
Къ тебѣ собирается-ль
Бесѣда былая?
По старымъ обычаямъ,
И рада привѣту,
Съ игрою веселою
Отъ свѣта до свѣта.
Красавицы милыя,
Блестящія глазки,
У старой играете-ль
Подъ пѣсни и пляски?
И ты, мое счастье,
Съ очами живыми,
Съ бровями собольими,
И ты между ними
Съ улыбкой привѣтливой
Чаруешь красою.
И люди любятъ
Невольно тобою?
Святыня единая,
Моя дорогая,
Случится, быть можетъ,
Съ тобою играя,
Обступятъ подружки,
Смѣясь, съ прибаутками,
Съ присловьями складными,
Съ веселыми шутками.
Иная нечаянно
Тараса вспоманетъ,
Обмолвится именемъ,
Разспрашивать станетъ.
Тогда, моя милая,
Засмѣйся отвѣтно,

Чтобъ горе сердечное
 Прошло незамѣтно.
 Вѣдь люди завистливы,
 Судить любить строго...
 И я съ благодарностью
 Хвалить стану Бога!

А. С. Мусинъ-Пушкинъ.

* * *

И долину, и курганы,
 И вечерній тихій часъ—
 Все, что снилось, говорилось,
 Вспоминалъ я много разъ!

Разошлись мы, будто вовсе
 И не знали никогда,
 И минули невозвратно
 Наши лучшіе года!

Отцвѣли мы... Я—въ неволѣ,
 Ты—вдовой. Мы не живемъ,
 Только бродимъ, вспоминая,
 Какъ живалось намъ въ быломъ...

А. Н. Плещеевъ.

* * *

Когда бы встрѣтились мы снова,
 Ты удивилась бы иль нѣтъ?
 Какое бы сказала слово
 Мнѣ на привѣтствіе въ отвѣтъ?

Смолчала бы, и не узнала!—
 А можетъ вспомнила о мелькомъ,
 Что ты во снѣ меня видала...
 Мнѣ стало оъ весело потомъ,—
 Какъ будто молодость вернулась
 И снова юность увидать,—
 И сладко оъ сердце востепенулось,—
 Я зарыдалъ бы, зарыдалъ!..
 И помыслился, что съ тобою
 Не во враждѣ разстался я,
 Что залилось слезой-водою
 Былое, доля ты моя!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Полно, полно мнѣ шататься,—
 Людямъ докучать,—
 Пойду въ сторону чужую
 Долюшку искать.

* * *

Выйдетъ доля—буду жить я,—
 Нѣтъ—такъ утоплюсь,
 Но продаться—не продамся.
 Въ наймы не наймусь!

* * *

И пошелъ, прошелъ не мало,
 Доли не сыскалъ,—
 Свою волю добрымъ людямъ
 Безъ торга отдалъ!..

И. Родіоновъ.

Казацкая доля.

Для чего же мнѣ жениться,
 Для чего вѣнчаться?
 Казаки чтобъ постѣ стали
 Надо мной смѣяться?
 Вотъ женился, люди скажутъ,
 На голодной долѣ;
 Загубилъ онъ неразумный,
 Молодую волю!..
 Да и правда! Что же дѣлать?
 Люди, научите!
 Изъ-за хлѣба лишь въ работу
 Бѣднаго возьмите!
 Нѣтъ, чужихъ воловъ пасти я
 Вовсе не желаю.
 Тещу старую, и злую
 Я не уважаю.
 Лучше буду красоваться
 Въ голубомъ кафтанѣ
 На конѣ предъ казаками,
 Лихо на полянѣ.
 Отыщу себѣ невѣсту
 Въ степи, при долинѣ,—
 Позабутую могилу
 Въ нашей Украинѣ...
 Выйдутъ удалые,
 Руки порасправятъ;
 Вынесутъ и ружья,
 Пушки въ рядъ поставятъ,
 Понесутъ тутъ брата
 Всѣ на новоселье;
 Пушки загрохочутъ,—

Экое веселье!
 Спрячутъ атамана
 Спать въ холодной хатѣ,
 Загрустятъ, заплачутъ
 Объ удаломъ братѣ.
 Пушки загрохочутъ
 Грозно по долинѣ,—
 Пронесется слава
 По всей Украинѣ...

Вл. Гиляровский.

* * *

Я нерѣдко слышу рѣчи:
 „Если бѣ побывалъ
 Ты въ деревнѣ нашей паномъ,
 Ты тогда бы зналъ,
 Какъ назвать ихъ тѣхъ несчастныхъ,
 Что „покрылъ“ народъ;
 А теперь—смѣшно, ей-Богу
 Разный вздоръ несетъ,
 Да и думаетъ: берусь я
 Людямъ показать,
 Какъ дѣвчатъ моихъ бездольныхъ
 Стыдно презирать,
 Научу ихъ опасаться
 Вашихъ барчуковъ!
 Не трудись напрасно, братецъ!
 До конца вѣковъ,
 Если только будутъ въ селахъ
 Бары пановать,
 Будутъ дѣвки съ москалями
 Въ кабакахъ гулять!“
 Хорошо, пускай. А все же—
 Отвѣчаю я—

Вотъ еще вамъ напоследокъ
Пѣсенка моя.

На лугу поемномъ сѣно
Дѣвушки гребли,
Парни конны накладали,
Разговоръ вели;
А дѣвчата щебетали
Словно воробьи,
Да къ ручью ходили щеки
Освѣжить свои.
Наилучшая красотка
Изъ всего села
Съ кувшиномъ своимъ давно ужъ
На ручей ушла
И пропала. А смотритель
Видитъ и молчитъ,
Видно—старая собака—
Былъ не даромъ бить.
Крикъ послышался въ долинѣ...
Парни всей толпой
Понеслись туда на помощь.
Тамъ же, самъ не свой,
Повалилъ барчукъ дѣвчину,
Подъ собою смятъ...
Та кричитъ, а онъ дерется—
Молодь да удалъ!
Парни смотреть, да бояся
Тронуть барчука.
Лишь одинъ не удержался:
Поднялась рука;
Взялъ онъ вилы и, какъ жабу,
Пана просадилъ;
Тотъ лишь охнулъ и свалился...
Словно и не жилъ!

Посовѣтывались парни,
Дали въ городѣ знать;
Судъ наѣхалъ, судьи дѣло
Стали разбирать;
Много пили... заковали
Паренька того,
Да въ тюрьму и засадили...
Больше ничего.
Въ чистомъ полѣ на дорогѣ,
На пути большомъ,
Вылъ трактиръ; тѣнистой рощей
Онъ обросъ кругомъ.
Близъ трактира арестанты
Сѣли отдохнуть,
И, напившись, отправлялись
Снова въ дальній путь,
Разговоръ вели бѣдняги
Тихо межъ собой;
Только видятъ—поѣзжане
Ѣдутъ подъ горой.
Вотъ подъѣхали къ трактиру,
Тройки распрягли;
Вотъ невѣстины подружки
Съ пѣснями прошли:
А невѣста встала съ мѣста
И пошла кругомъ,—
Арестантовъ и конвойныхъ
Угостить виномъ.
Только видятъ—Боже правый!
Передъ ней въ цѣпяхъ
Мститель дѣвушки несчастный...
Въ дальнихъ рудникахъ
Проводить ему придется
Молодость свою—

Все за то, что заступился
 Онъ за честь твою;
 Ты же будешь жить безпечно
 И не будешь знать,
 Какъ онъ стонетъ ежечасно...
 Даже угощать
 Бѣдняка она не стала,
 Только на него
 Исподлобья посмотрѣла...
 Больше ничего.

Поѣзжанъ сначала дальше
 Тройки повезли,
 А за ними арестанты
 Тихо побрели.
 Никого вблизи трактира
 Больше не видать,
 Лишь одна еще съ хозяйкой
 Сѣла поболтать.
 Дымомъ пыль кругомъ носилась.
 Ужъ сходила тѣнь:
 Вѣдь и вѣкъ проходить живо,
 А не только день.
 Танцы, музыка на свадьбѣ
 До полночи шли:
 Только къ утру новобрачнымъ
 Стлать постель пошли.
 Молодая жъ тихо вышла,
 Словно погулять,
 И пропала. Какъ ни бились,
 Не могли сыскать.
 Гдѣ же дѣлась? — Съ арестантомъ
 Злой удѣлъ его
 Раздѣлить она бѣжала...
 Больше ничего.

Пр. Б.

* * *
 Зацвѣла въ долину
 Красная калина, —
 Словно улыбнулась
 Дѣвушка-красотка.
 Все привѣтнѣе стало,
 Все повеселѣло;
 Птицы рады солнцу
 Сплелютъ звонко пѣсни.
 На ихъ пѣсни вышла
 Дѣвушка изъ хаты, —
 Вышла въ бѣлой свиткѣ, —
 Въ рощу она вышла
 На просторъ долины.
 Изъ зеленой чаши
 Дѣвицѣ навстрѣчу
 Казакъ чернобровый.
 Смотрить ей онъ въ очи,
 Нѣжить, да цѣлуетъ, —
 И идутъ, обнявшись,
 Муравой долины,
 Съ пѣсней, словно дѣти;
 Подошли къ калинѣ,
 На травѣ присѣли, —
 Снова смѣхъ, да ласки...

Такъ какого жъ рая
 Намъ просить у Бога?..

П. Тулубъ.

* * *
 Не такъ наши недруги,
 Какъ добрые люди
 Обкрадутъ жалѣючи,
 Плачучи, осудятъ.

Позовуть и въ домъ свой
И осыплють лаской,
Отъ тебя узнать все
Про тебя стараясь,
Чтобъ потомъ смѣяться,—
Надъ тобой смѣяться,—
Чтобъ тебя съ улыбкой
Добить безъ пощады!

Безъ враговъ возможно
Вѣкъ прожить на свѣтѣ;
Добрые же люди
Насъ найдутъ повсюду,—
И на томъ-то свѣтѣ
Даже не забудутъ!...

II. Тулубъ.

СОТНИКЪ.

I.

Въ одномъ... Иль прямо говорить,
Въ какомъ посадѣ бѣлобокомъ?
Сказать бы такъ, чтобъ ненарокомъ
И горе въ смѣхъ не превратить...
И такъ, вблизи отъ Борисполя,
Въ слободкѣ, сходной съ нимъ на видъ,
На самомъ въѣздѣ, среди поля,
Доднесъ рядъ тополей стоитъ.
Какъ будто дѣвушки-красотки
Толпой повышли изъ слободки,
Да такъ и стали. Ужъ давно,
Не нынче, братцы, тутъ за тыномъ,
Былъ садъ съ сиренью и жасминомъ,
А въ томъ саду одно окно;
И не одно окно—и хата...
Да! хата сотника была.
А такъ какъ сотникъ жилъ богато,
То у сѣдого и расла
Въ дому на Божьемъ иждивеньи,
Не то за дочь, не то въ ученьи,
Подкидышь-дѣвочка. Иль такъ,
Быть-можетъ взялъ старикъ-казакъ
Чью сироту, да и голубить,

Да и растить ее и любить,
 Какъ дочь. А сына (сотникъ былъ
 Женатъ, но женку схоронилъ),
 А сына въ бурсу обучаться
 Спровадилъ въ Кіевъ... Да и ждетъ,
 Не можетъ дня того дождаться.
 Когда сиротка подрастетъ,
 Чтобъ породниться съ ней. Не сына
 Въ мужья ей прочилъ старичина,—
 Какъ будто бѣсъ имъ овладѣлъ,—
 Самъ дурнемъ стать вдругъ захотѣлъ.
 А чтобъ никто не зналъ объ этомъ,
 Онъ ни къ кому и за совѣтомъ
 Еще не бѣгалъ. Знай, сидитъ,
 Да все на усъ себѣ мотаешь;
 А ужъ сосѣдки... Бѣсъ ихъ знаетъ!
 Не даромъ притча говорить,
 Что бабы новость носомъ чуютъ,—
 Ужъ все прознали и толкуютъ
 И потѣшаются

Сидитъ сотникъ пригорюнясь,

Думаетъ-гадаетъ;

А красотка-Настя птичкой

По саду летаетъ.

То къ нему подсядетъ тихо,

Нѣжно приласкаетъ;

То страшными усами

Старика играетъ.

Ну шалить, какъ дочь, известно,

Балуется сѣдого.

А сѣдому не до шутокъ—

Хочется иного:

Грѣшной лаской тѣло просить,

И дрожа и млѣя...

И руками старый сотникъ
 Держитъ, какъ два змѣя,
 Косы Насти: то распустить,
 То опять сплести,
 То вкругъ шеи бѣлоснѣжной
 Трижды обмотаетъ.
 А она, моя голубка,
 Ничего не знаетъ;
 Словно мышь съ котомъ лукавымъ
 У норы играетъ.

сотникъ.

На откоснись же... Вотъ пристала!
 Что косъ-то съ плечъ не подберешь?
 Вишь, какъ русалка разметала...
 И отчего ты не вплетешь
 Въ нихъ лентъ, что тетки подарили?

настя.

Когда бъ на музыку пустили,
 Я въ нихъ и ленты бы вплела,
 И все, все сдѣлать бы сумѣла:
 Сапожки бъ желтые надѣла,
 Цвѣтную юбку, убрала
 Себѣ бы барвинкомъ всѣ косы...

сотникъ.

Востеръ пострѣлъ простоволосый...
 Дурняшка! Гдѣ жъ бы ты взяла
 Такъ много барвинковъ?

настя.

А съ тына!

Онъ тамъ зацвѣлъ ужъ... да такой
 Весь синій, синій-голубой!

СОТНИКЪ.

Каковъ ни есть, а все едино
Не будешь дѣвкой жить!

НАСТЯ.

А что?

Умру, что ль, завтра?

СОТНИКЪ.

Нѣтъ, не то.

А снилось въ осень мнѣ въ ту пору,
Какъ помнишь, Настя, мы къ забору
Сажали прутья... Снилось мнѣ,
Что если свянеть по веснѣ
Изъ нихъ хоть прутикъ, значить—скверно,
А нѣтъ, такъ быть тебѣ навѣрно,
Голубка, замужемъ. Ну, вотъ...

НАСТЯ.

Нѣтъ! Нѣтъ! И прутья всѣ сломаю!

СОТНИКЪ.

И какъ барвинокъ зацвѣтетъ...

НАСТЯ.

Весь и барвинокъ посрываю!

СОТНИКЪ.

А все жъ отъ свадьбы не уйдешь.

НАСТЯ.

Уйду, уйду, да и заплачу,
Еще...

(Плачетъ).

СОТНИКЪ.

Вотъ далъ мнѣ Богъ задачу!
Ну, ну, не плачь. Иль не поймешь;
Я пошутилъ, а ты горюешь
И впрямь... Неси-ка, мой дружокъ,
Мнѣ лучше скрипку да смычокъ:
Ты съ горя дахо потанцуешь,
А я сыграю. Что жъ? Идетъ?

НАСТЯ.

Идетъ! Идетъ!

(Повеселѣла—

И въ хату птичкой полетѣла).

СОТНИКЪ.

Нѣтъ, видно рано! Не пойметъ!
Придется ждать... Оно бы, вѣрно,
Что жъ и не ждать, да вотъ что скверно;
Года-то, брать ты мой, не ждутъ,—
Года летять, года идуть,
А дума лютою змѣю
Вотъ такъ къ груди и приросла...

(Увидавъ входящую Настю).

А! ты ужъ и скрипку принесла.
Ну такъ какую жъ мы съ тобою?

НАСТЯ.

Э, нѣтъ! Чуръ прежде не играть,
Пока я вся не убалася
Въ цвѣты... Извольте подождать!

(Идетъ къ тыну, рветъ барвинки, убираетъ ими волосы и поетъ. Сотникъ настраиваетъ скрипку).

СОТНИКЪ.

Ужъ вотъ одна оборвалася!
Чтобъ и другой не оборвать...

НАСТЯ (возвращается съ цвѣтами въ
волосахъ, напѣвая).

Если бѣ крылья мнѣ да силу
Соколиную,
Полетѣла бѣ я за милымъ
За дружиною.
Полетѣла бѣ я въ дуброву
Въ рощу темную.
Полетѣла бѣ за Дунай рѣку,
За огромную!

(Въ то время, какъ она поетъ, въ садъ
входитъ молодой паренъ въ соломенной
шляпѣ, въ короткомъ синемъ жупанѣ, въ
зеленыхъ шароварахъ, съ сумкою за пле-
чами и нагайкой въ рукахъ).

ПЕТРЪ.

Съ тѣмъ днемъ, что нынче, Богъ васъ милуй!

НАСТЯ.

Отецъ! Отецъ! Нашъ Петръ, мой милый
Братъ Петръ изъ Кіева пришелъ!

СОТНИКЪ.

А видомъ видать, слыхомъ слыхать! Какъ?
По волѣ или по неволѣ?

ПЕТРЪ.

По волѣ, батюшка, да еще и богословомъ.

СОТНИКЪ.

У-фъ!

НАСТЯ.

Богословомъ! Даже страшно!

СОТНИКЪ.

Глухая, чего жъ ты боишься? (Подходить къ сыну, кре-
стить его в чѣлуесть). Благослови тебя Богъ, сыночекъ! Настя

Сведи его въ хату, да накорми хорошенько. Вѣдь съ
дороги-то поди и перекусить малю толику не мѣшаетъ?

ПЕТРЪ.

Не прочь, бо слабъ есмь, яко плоть...

(Идетъ за Настей въ хату).

СОТНИКЪ.

И даровалъ же мнѣ Господь
На старость дѣть такого сына!
И богословъ уже... Причина!
Причина мудрая, ей-ей! (Задумывается).
Чего жъ я думаю? Скорѣй
Въ попы,—попъ видный будетъ; ражій...
А не пойдетъ, такъ добрый мечъ,
Коня, нагайку да на Сѣчь...
И тамъ не сгинетъ хлопецъ вражій!
Вишь, какъ хитро сталъ говорить:
„Бо... есмь“... Да, кетати, не забыть;
Заставить нужно богослова,
Чтобъ онъ и здѣсь баклушъ не билъ,
Чтобъ лучше заповѣдь вдолбилъ
Въ головку Настѣ. Послѣ снова
Дьячка придется нанимать,
Какъ для покойной. А ужъ знаю:
Отецъ Гома такъ и вѣнчать
Не станетъ... Да пойти сказать.
А то забуду.

(Уходитъ въ хату).

II.

Жить бы, да жить, да Бога славить,
Да дѣтьми гордиться,
Такъ нѣтъ, надо, вишь, на старость
Самому срамиться!

Захотѣлъ жениться, глухой,
 На такой красоткѣ!
 Не срамися, не женися
 На смѣхъ всей слободкѣ!
 Не женися, худо будетъ—
 Пропадете оба,
 И она съ тобой зачахнетъ,
 И ты самъ до гроба
 Будешь каяться, томиться.
 Плакать дни и ночи,
 И никто тебѣ, сѣдому,
 Не осушить очи.
 И тебѣ ль! Въ твои ли годы!
 Брось и мысли эти...
 У тебя ль судьба не счастье?
 У тебя ль не дѣти?
 И покорны, и пригожи,
 И ума палаты...
 И за что жъ ты молодыхъ ихъ
 Вдругъ убьешь? Куда ты!
 Знай уперся, дурень сивый,
 Даже вчужѣ мучить.
 А Настюша съ богословомъ
 Заповѣди учить.
 Вотъ смотрите, въ темный садикъ
 Погулять выходить,
 Какъ два голубя, воркуя,
 По дорожкамъ бродятъ.
 Благо стараго нѣтъ дома,—
 Воля нашалиться,
 Вонъ подъ тополѣю зеленою
 Сѣли поучиться,
 И глядятъ, безъ словъ, другъ другу
 Въ очи молодца,
 Такъ въ рай на Бога смотреть

Ангелы святые,
 Какъ они, и Петръ ей шепчеть:

ПЕТРЪ.

Что жъ ты, Настя, мучишь!
 Что и вправду, никакую
 Заповѣдь не учишь?

НАСТЯ.

А развѣ я школяръ какой, иль что? Не хочу и
 баста!

ПЕТРЪ.

Хоть одну маленькую сегодня выучи, ну хоть пятую.

НАСТЯ.

И пятой, и шестой, и никакой не хочу.

ПЕТРЪ.

Вѣдь не выучишь, такъ попъ и вѣнчать не будетъ.

НАСТЯ.

И пусть себѣ не вѣнчается!

ПЕТРЪ.

А со мной?

НАСТЯ.

И съ тобой пусть себѣ... Э! нѣтъ, съ тобой пусть
 повѣнчается.

ПЕТРЪ.

Такъ читай же, а то...

НАСТЯ.

А то что сдѣлаешь?

ПЕТРЪ.

Поцѣлую. Вотъ увидишь!

НАСТЯ.

Цѣлуй себѣ, сколько хочешь, а я все-таки учить
не буду.

ПЕТРЪ (цѣлуетъ ее и приговари-
ваетъ).

Такъ вотъ же тебѣ разъ! Вотъ тебѣ два!

А сотникъ выглядываетъ изъ-за тыну
и входитъ въ хату, не подавши никакого
знака.

НАСТЯ.

Постой! Да перестань же! Неравно батька придетъ,
И вправду читать нужно...

ПЕТРЪ.

А! и читать вдругъ согласилась!

СОТНИКЪ (выходя изъ хаты).

Ну, дѣти, полно вамъ гулять,—
Пора обѣдать!

(Петръ и Настя молча идутъ въ хату).

СОТНИКЪ (одинъ).

Научилась,
Отлично, нечего сказать!
Вотъ и мала и недогодка!
Э! нѣтъ, постой, моя лебедка!
Я захожу теперь не такъ!
Пока сто разъ не поцѣлуешь.
И не читаетъ... Вотъ мы какъ!
А богословъ-то... Ахъ, бурсакъ!
Собачій сынъ, смакъ носомъ нюешь!
Вотъ я сочтусь, съ тобой съ дружкой,
Не такъ какъ въ бурсѣ... Помеломъ!
Чтобъ здѣсь твоей бурсацкой рожи
И духу не было! Миръ Божій
Великъ—не сгинешь въ немъ... Каковъ!

Ахъ, песъ! Ахъ, нехристь толстокрылый!
Вотъ вамъ и сынъ, и богословъ—
У батьки крадетъ. Ладно, милый!
Какихъ нѣтъ въ мірѣ такихъ людей!
А что же въ хатѣ тамъ творится?
Чай, снова начали учиться...
Пойти пугнуть ихъ поскорѣй.

Вотъ такіе-то на свѣтѣ
Есть отцы! Скажите,
Что въ нихъ проку? Только горе!
А любите, чтите,
Уважайте и такого:
То отецъ вашъ, дѣти,
То отецъ вашъ старій, мудрый...
Счастливъ тотъ на свѣтѣ,
Кто живетъ, отцовъ подобныхъ
Никогда не зная,
Бога ропотомъ не муча,
Жизнь не проклиная!

НАСТЯ (заплаканная, выбѣгая изъ
хаты).

Не даетъ и пообѣдать—
Гонить въ Кіевъ... Боже!
Что жъ мнѣ дѣлать? Что жъ мнѣ дѣлать?
Убѣгу съ нимъ тоже!
Убѣгу и не вернуся...

(Заглядываетъ въ хату).

Ухъ, какой сердитый!..
Да не страшень, не ударишь...
А и буду битой,
Все равно съ Петрушей въ Кіевъ
Убѣгу, ей-Богу!
Я не струшу, даже ночью
Съ нимъ найду дорогу!..

А вдругъ вѣдьма испугаетъ?..

Нѣтъ, не испугаетъ.

(Заглядываетъ снова).

Ахъ, сердечный мой! въ котомку

Книжечки собираетъ,

Взявъ картузь... Прощай, мой любимый!

Ночью... Понимаешь?

За заставой... Буду, буду!

На, лови!

(Бросаетъ черезъ тынь цвѣтокъ).

Смѣкаешь?

Дождидайся же!

(Выходитъ сотникъ).

НАСТЯ (поетъ).

Не проси, не нудь, не сватай,

Не пойду, старикъ богатый...

СОТНИКЪ.

Прогнать... А ей и горя мало:

Сорокой скачетъ. Настя, что жъ

Ты о дружкѣ-то слезъ не льешь?

Вѣдь ужъ Петрушки-то не стало.

НАСТЯ.

Скажите, экая печаль!

И плачьте сами, коли жаль.

СОТНИКЪ.

Мнѣ все равно.

НАСТЯ.

А мнѣ подавно,—

Онъ вашъ вѣдь сынъ-то, а не мой,

А я ужъ заповѣди славно

Всѣ знаю.

СОТНИКЪ.

Всѣ?

НАСТЯ.

Всѣ до одной.

Вотъ хоть сегодня на говѣе

Къ отцу Ѳомѣ.

СОТНИКЪ.

Что жъ, въ воскресенье

Не повѣнчаться ль намъ съ тобой?

НАСТЯ.

А отчего жъ! Нѣтъ, лучше, милый,

Какъ отговѣмъ ужъ—тогда.

СОТНИКЪ (цѣлуя ее).

Ахъ, ты мой голубъ сизокрылый,

Моя ты ягодка! Да! Да!

(Подплясываетъ и приговариваетъ).

По горохъ,—

Охъ, охъ, охъ,—

Я съ дружкомъ ходила;

И внотьмахъ,—

Ахъ, ахъ, ахъ,

Бусы тамъ забыла!

НАСТЯ.

Да будетъ же вамъ съ этими бусами, право! Шли бы скорѣе къ отцу Ѳомѣ, да потолковали... Вотъ что!

СОТНИКЪ.

Правда, правда, мой бутончикъ! Побѣгу же я Скоренько, а ты тутъ погуляй скромненько. Да Уберись въ цвѣты алые.—Меня скоро не жди. Можетъ быть и на вечерню останусь.

(Цѣлуетъ ее и уходитъ).

НАСТЯ.

Ладно, ладно, не дождусь...

(Поетъ).

„Не дождуся, не дождуся!
Свитку лучшую возьму,
Въ бусы, въ ленты уберуся
И къ Петрушѣ моему!“

Обнимемся, поцѣлуемся, возьмемъ другъ друга за
ручечки, да и пойдемъ себѣ вдвоемъ... Хоть за Кіевъ.
Нужно убраться, однако, цвѣтами, можетъ въ послѣд-
ній разъ; онъ говорилъ, что въ Баварахъ и повѣн-
чаемся.

(Рветъ цвѣты и поетъ).

„Ой пойду я не берегомъ—лугомъ,
Повстрѣчаюсь съ несуженымъ другомъ.
Здравствуй, здравствуй, дружокъ мой унылый,
Сильно, жарко, несуженный милый,
Мы любилась,—да съ тѣмъ и остались:
Разошлись, только горя набрались!“

Вотъ надумала какую! Чуръ ей, какая поганая... По-
бѣгу шибче... Будьте здоровы, мои высокіе тополи и
мой звѣздистый барвинокъ.

(Уходитъ).

Идетъ впопыхахъ къ себѣ домой,
Мыслете пишетъ сотникъ пьяный,
Идетъ веселый и румяный,
И, знай, толкуетъ самъ съ собой:
— Да! пусть и нашихъ люди знаютъ!
Пускай всѣ сотника ругаютъ,
Пусть онъ и сѣдъ, пусть и горбатъ,
А онъ... хе! хе! а онъ—женатъ!
Да... Да! Женатъ! Ей-Богу, да!
Насилу въ хату влѣзъ, и тихо
Легъ спать, чтобъ Настя не будить,
Чтобъ спяна бѣдъ не натворить.
Ужъ и „Достойно“ развонили,
Ужъ добрый людъ домой спѣшитъ,
А Настя вѣтъ, а сотникъ спитъ...

Едва сѣдого разбудили
Да рассказали—такъ и такъ.
Вскочилъ, очухался казакъ,
Коня быстрѣйшаго сѣдластъ
И скачетъ въ Кіевъ. Въ Баварахъ
Ужъ молодой съ Петромъ гуляетъ
Настюша въ желтыхъ сапожкахъ!
Угрюмъ вернулся сотникъ бѣдный,
Три дня, три ночи пролежалъ,
Ни съ кѣмъ ни слова не сказать
И на четвертый желтый, блѣдный,
Всталъ, точно мѣсяцъ прохворалъ.

Вѣкъ трудами деньги копишь,
А того не знаешь,
Что подъ старость можетъ самъ же
Всѣ ихъ разматаешь.
Такъ теперь и сотникъ старый,
То же съ глупымъ сталось:
Разогналъ дѣтей по свѣту,
А добро осталось
И не знаетъ самъ бѣдняга,
Съ кѣмъ имъ подѣлиться;
И пришло мотать, транжирить
Самому пуститься;
И добра на грошъ не сдѣлать
Никому, и цѣлой
Притчей стать для всѣхъ и охать
Въ хатѣ опустѣлой.
Кто, какъ встарь, ее затопить,
Подмететь, обмостъ?
Знай, ходи да ной,—покуда
Филинь не завоюетъ
Подъ окномъ избы холодной,
Надъ холоднымъ трупомъ,

А наемщица нѣмого
 Старенькимъ тулупомъ
 Не прикроетъ. „Спи, сердечный!
 Нагулялся!“—скажетъ,
 И отъ ящика съ казною
 Ключъ съ креста отвяжетъ.
 То же самое и съ нашимъ
 Сотникомъ случилось:
 Не прошло еще и года,
 Какъ Настюша скрылась,
 А ужъ все не то, что было:
 Почернѣла хата,
 Въ темномъ садикѣ зеленомъ
 Свины да телята
 Роютъ землю, а у тына
 Барвинокъ хрещатый,
 Настинъ барвинокъ любимый,
 Сохнетъ, вянетъ смятый,
 А самъ сотникъ, нарядившись
 Въ полущубокъ рваный,
 Ходитъ по двору, гуляетъ,
 Весь опухшій, пьяный;
 Все не то ужъ: и на крышахъ
 Постгнила солома,
 И стога ничѣмъ не крыты
 И прислугъ нѣтъ дома,
 И добра не стало—пусто
 И въ избѣ, и въ полѣ...
 А наемщица въ лохмотьяхъ
 Да и та по волѣ
 Помыкаетъ паномъ старымъ,
 Такъ и надо злому:
 Не гоняй, впредь, дурень сивый,
 Дѣтокъ вонъ изъ дому!
 Вотъ и плачъся, братъ! Не долго
 Прожилъ сотникъ пьяный:

Съ годъ бродилъ еще, бѣдняга,
 Не умытый, рваный
 По шинкамъ онъ. Миновало
 И второе лѣто,
 А подъ осень сотникъ найденъ
 Былъ убитымъ гдѣ-то
 На дорогѣ. А, быть можетъ,
 Отъ шинкарки пьяный,
 Шелъ, упалъ да такъ и умеръ
 Тамъ, какъ песъ поганый.
 Добрымъ людямъ, что за дѣло!
 Подняли, понесли
 Что-получше, и какъ падалъ,
 Въ полѣ закопали.
 И гниетъ въ томъ полѣ старый,
 Безъ креста, что клятый...
 Даже вчужѣ жаль: когда-то
 Былъ казакъ богатый,
 Жилъ отлично, есть и дѣти,
 И родню оставилъ,
 А не стоилъ, чтобъ по смерти
 Кто хоть крестъ поставилъ.
 Умеръ самъ, сгнила и хата,
 Все пообломалось,
 Все пропало, все истлѣло,
 Только и осталось,
 Что тѣ тополи: стоятъ тамъ,
 Словно изъ слободки
 Вышли въ поле милыхъ встрѣтить
 Дѣвицы-красотки.

Н. Пушкиревъ.

* * *

Всѣ дороги на Украину
Зарасли терпомъ;
Можетъ быть навѣкъ покинуть
Я свой отчій домъ.
Можетъ быть мнѣ Украины
Не видать родной!..
Жить мнѣ съ думами своими
Бѣднымъ сиротой..
Боже добрый! Боже милый!
Какъ мнѣ тяжело жить:
Въ головѣ роятся думы,—
Съ кѣмъ ихъ подѣлить?
Не далъ Ты мнѣ, Боже, доли—
Не далъ никакой,
И безъ доли, и безъ счастья
Вѣкъ проходить мой!
Не пришлось мнѣ чувства сердца
Раздѣлить съ другимъ—
Съ сердцемъ дѣвичьимъ—горячимъ
Съ сердцемъ молодымъ..
И прошелъ въ тоскѣ крутинѣ
Вѣкъ мой молодой;
Счастья, радости не зналъ я
Въ сторонѣ чужой!..
Одинокъ я въ Божьемъ мірѣ
И людьми забытъ;—

А, вѣдь, думы не уснули,
Сердце вѣдь не спитъ!
Тяжело въ горячемъ сердцѣ
Думы тѣ носить
И не знать,—кому повѣдать.
Съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Такъ и кончить жизнь земную
И навѣкъ заснуть..
Какъ мучителенъ, какъ труденъ
Мой тернистый путь!..
Боже правый! Хоть предъ смертью
Ты взглянуть мнѣ дай
На безславный и забытый
Мой родимый край!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Разскажи мнѣ, отчего ты
Почернѣло, поле?
— Почернѣло я отъ крови,
Что лилась за волю.
Вкругъ мѣстечка—Берестечка
На четыре мили
Меня славны Запорожцы
Все собой покрыли.
Стаей вороны летаютъ,
Вьются надо мною,
Покрываютъ меня, поле,
Словно тьмой полною;
Не казачье тѣло—только
Рвутъ они лишь очи..
Такъ за вашу волю стало
Я темнѣе ночи!..

Но я вновь травой одѣнусь,
 Какъ весна вернется;
 А изъ васъ никто ужъ больше
 Воли не дожидется.
 Не вернуться вамъ на волю!..
 Съ края и до края
 Вы меня пройдете съ плугомъ,
 Долю проклиная!

Ив. Бѣлоусовъ.

Чума.

Пришла съ лопатою чума,
 Могила рыла и сама
 Бросала въ землю мертвецовъ—
 Дѣтей, и женщинъ, и отцовъ,
 И „Со святыми упокой!“
 Не плакала жалобно, съ тоской
 Съ лопатой шла Чума селомъ,
 Людей мела, какъ помеломъ.

Весна. Въ селѣ цвѣтутъ сады,
 Росой умылся поля.
 Не чувствуя людской бѣды,
 Пируетъ весело земля.

Покрылись зеленью луга,
 Но люди небеса видятъ
 И отъ жестокаго врага,
 Какъ стадо струсившихъ ягнятъ,
 Укрылись въ хатахъ: тамъ и мрутъ.
 Волы голодные ревуть;

Пасутся сами табуны
 На всемъ раздолѣи степномъ;
 Подъ обаяніемъ весны,
 Уснули люди вѣчнымъ сномъ.

Недѣля свѣтлая пришла,
 Но не гремятъ колокола,
 Не вьется синій дымъ изъ трубъ,
 Огни въ избушкахъ не горятъ.
 Вездѣ лежитъ близъ трупа трупъ,
 Вездѣ могилъ чернѣетъ рядъ.

Покрывшись шкурой, засмолясь,
 Могильщики селомъ идутъ
 И, трупъ увидя, не молясь,
 Крючкомъ зацѣпять—и кладутъ
 Погибшихъ братьевъ, какъ рабовъ,
 Въ сырую землю безъ гробовъ.

Минули мѣсяцы. Село
 Крапивою жгучей порасло
 И онѣмѣло. И въ пыли,
 Близъ хатъ могильщики легли,
 И тихо спать, уснувъ навѣкъ;
 Не выйдетъ добрый человекъ,
 Чтобъ ихъ съ молитвой схоронить:
 Они должны открыто гнить...

Какъ оазисъ, въ чистомъ полѣ
 Нива зеленѣетъ;
 Но никто туда не ходитъ,
 Только вѣтеръ вѣетъ,
 Листья желтые разноситъ,
 Сѣетъ ихъ по полю,
 Людямъ пѣсню напѣвая
 Про лихую долю.

Долго поле зеленѣло,
 Разнося заразу;
 Наконецъ рѣшили люди
 Истребить все сразу;
 Подожгли село сгорѣло,
 Нѣтъ ему и слѣду...
 Такъ-то люди одержали
 Надъ Чумой побѣду.

Л. Н. Трефоловъ.

Вдова.

Словно гуси прокричали
 Цѣлою станицей,—
 Пронеслась худая слава
 Про одну вдовицу.

Пронеслась худая слава,—
 Люди все узнали,—
 Будто часто ко вдовицѣ
 Казаки ѣзжали;

Пили съ ней вино и пиво,
 Ночи пировали
 И въ одной свѣтлицѣ съ нею
 Вмѣстѣ ночевали.

И не даромъ эта слава
 Про вдову сложилась:
 Черезъ годъ вдова-молодка
 Сыномъ разрѣшилась!

Мать растила мальчугана,
 Грамотѣ учила,
 А потомъ коня лихого
 Молодцу купила.

И сѣденье боевое
 Вышила шелками,
 И кафтанъ сынку расшила
 Красный галунами.

На коня сажала сына,
 По селу водила;
 „Полюбуйтесь, подивуйтесь!“
 Людямъ говорила.

И на службу въ войско сына
 Отдала вдовица,
 А сама ушла и стала
 Въ Кіевѣ черницей.

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Воетъ вѣтеръ, злится вьюга,
 Снѣгъ кругомъ взметаешь.
 По селу вдова-старуха
 Бродить, чуть ступаешь.

Осыпаемая снѣгомъ
 Спереди и сзади,
 Бродить, просить горемыка,
 Просить Христа-ради.

Бродить, просить со слезами
У людей богатыхъ,
Что ее кормильца-сына
Отдали въ солдаты.

А вѣдь думала когда-то:
„Вотъ женю сыночка,—
Отдыхать подъ старость буду
За невѣсткой-дочкой.

Не сбылось! Пошла старуха
По-міру съ сумой,
По чужимъ угламъ скитаться
Горькой сиротою.

На добытую копѣйку
Свѣчечку за сына
Богу ставить, а сама-то
Плачетъ, сиротина...

Ив. З. Суриковъ.

Сиротка.

День святой, великой Пасхи.
Ярко солнце свѣтитъ;
Передъ солнцемъ на крылечкѣ
Собралися дѣти.
Похваляясь другъ предъ другомъ,
Весело шумѣли.
Что, какія кто обновки
На себя надѣли:
Кто платокъ, кто душегрѣйку,
Башмачки козловы,

А кто платье... Одна только
Стоить безъ обновы
Сиротиночка,—ручѣнки
На груди сложила.
На дѣтей богатыхъ смотреть,
Бѣдная, уныло.
Вотъ за нею молвить слово
Очередь настала.—
Нечѣмъ бѣдной похвалиться,
И она сказала:
„Есть у всѣхъ у васъ обновки,
Но вамъ не случилось
У меня гостить въ день Свѣтлый...
А я разговлялась!“

И. З. Суриковъ.

* * *

Умеръ старый батюшка,
Умерла и мать;
Некому сироточку
Дочку приласкать,
Что же, что же дѣлать мнѣ—
Сиротѣ одной,—
Въ люди ли отправиться,
Дома ль жить съ тоской?
Выйду въ садъ зеленый я,
Цвѣтикъ посажу,
И на этомъ цвѣтикѣ
Такъ заворожу:
Будетъ ростъ,—останусь я,—
Друга стану ждать,
Если жъ нѣтъ,—судьба моя
Въ людяхъ пропадать...

Съ каждымъ годомъ въ садикѣ
Цвѣтикъ тотъ растеть,
Къ сиротѣ жъ работницѣ
Жданный другъ нейдетъ!..

И. Родіоновъ.

* * *

Во зеленой, темной рошѣ
Кукушка кукуеть;
Одинокой сиротою
Дѣвица тоскуеть.

А веселые, молодые,
Годы золотые
Уплывають, какъ на волнахъ
Цвѣтики степные....

Ив. Бунинъ.

* * *

Ахъ не вѣтеръ въ полѣ тополь
Клонить, пагибаетъ,—
То дѣвица-горемыка
Долю проклинаятъ...

— Лучше бъ, доля, въ свѣдѣ морѣ
Тебѣ утониться,
Что ни съ кѣмъ ты не даешь мнѣ
По любви сойтись!

Всѣ-то, всѣ мои подружки
Съ парнями гуляютъ;

Хорошо ль имъ, что цѣлуютъ,
Что ихъ обнимають,

Никогда того не зная мнѣ!..
Тяжело, родная,—
Съ кѣмъ сойтись, полюбиться
Цѣлый вѣкъ не зная!..

Ив. Белоусовъ.

* * *

Нѣтъ мнѣ радости, веселья,
Мать меня ругаетъ
И къ сосѣдямъ на бесѣду
На ночь не пускаетъ.
Долго ль мучиться, терпѣть мнѣ,
Долго ль съ горемъ биться?
Выйти ль замужъ за другого,
Или утониться?
Охъ, надѣну я сережки,
Въ бусы наряжуся,
И на ярмарку пойду я,
Другу покажуся.
Я скажу ему: „послушай,
Другъ мой, не сердися:
Если любишь, такъ посватай,—
Нѣтъ—такъ откажися!“
Чѣмъ терпѣть мнѣ все попреки,
Съ матерью браниться,
Чѣмъ идти мнѣ за другого,—
Лучше утониться!..

И. З. Суриковъ.

* *

Хороша, богата
 Я — да толку мало!
 Видно, безталанна:
 Друга не сыскала.
 Тяжко, тяжело сердцу
 Безъ любви томиться;
 Скучно одинокой
 Въ бархатъ мнѣ рядиться.
 Съ парнемъ чернобровымъ,
 Круглымъ сиротою,
 Мы бы полюбились —
 Да глядеть за мною
 Мать съ отцомъ такъ зорко,
 Даже сна не знаютъ,
 И гулять подъ вечеръ
 Въ садикъ не пускаютъ.
 А когда и пустятъ,
 Такъ все съ нимъ съ проклятымъ,
 Съ недругомъ противнымъ,
 Старикомъ богатымъ...

А. Н. Плещевъ.

* *

Родилася я въ палатахъ
 И роскошныхъ и богатыхъ —
 Счастлива была.
 Какъ цвѣтокъ я наряжалась,
 Въ шелкъ и бархатъ одѣвалась —
 Такъ расла, расла.
 Вотъ и выросла на диво —
 Черноброва и красива —
 Бѣлая лицомъ.

Сироту я полюбила;
 Мать родная не пустила
 Повѣнчаться съ молодцомъ.
 И осталась я въ палатахъ
 И роскошныхъ, и богатыхъ...
 Зла судьба моя!
 И безъ счастья и безъ доли,
 Какъ былинка въ чистомъ полѣ,
 Увядаю я.
 Я живу съ тоской глубокой
 И старѣюсь одинокой,
 Проклиная мать.
 Ты прости меня, родная, —
 До могилы, вѣкъ страдая,
 Буду проклинять!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* *

Ужъ какъ выйду ль я изъ хаты, —
 Сяду на крылечко;
 Хороводъ дѣвицы водятъ, —
 Гдѣ жъ мое сердечко?
 Въ хороводѣ безъ нея
 Нѣтъ игры веселой, —
 И сдавило сердце мнѣ
 Думою тяжелой: —
 Чай теперь ее свекровь
 Лютая ругаетъ,
 А она меня тайкомъ
 Смотритъ — поджидаетъ...

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Въ огородѣ, возлѣ броду,
Маковъ цвѣтъ не всходитъ,
И до броду за водою
Дѣвица не ходитъ.

Въ огородѣ хмѣль зеленый
Сохнетъ на тычинѣ;
Черноброва, бѣлолица
Дѣвица въ кручинѣ.

Въ огородѣ, возлѣ броду,
Вѣрба наклонилась;
Загрустила черноброва,
Тяжко загрустила.

Плачетъ, бѣдная, рыдаетъ,
Точно рыбка бьется:
А надъ нею, молодою,
Молодецъ смѣется.

Н. З. Суриковъ.

* * *

Жди, вернусь я изъ похода—
Мнѣ гусаръ сказалъ.
Я ждала, ждала, все нѣтъ,
Нѣтъ его, пропасть.
Что жъ о немъ я такъ тоскую
И себя гублю?
За кафтанъ короткій, что ли,
Я его люблю?
Иль за то, что усъ онъ черный
«Въ кольца завивалъ?»

Иль за то, что милой Машей
Часто называлъ?
Нѣтъ, не та моя кручина,—
Жить мнѣ тяжело:
Какъ я выйду, покажусь
Изъ избы въ село,—
Всѣ смѣются надо мною,
Замужъ не берутъ,
И на улицѣ—гусаркой
Дѣвицу зовутъ.

Н. З. Суриковъ.

* * *

Полюбила я,
На печаль свою,
Сиротинушку
Безталаннаго!
Ужъ такая мнѣ
Доля выпала!..
Разлучили насъ
Люди сильные;
Увезли его,
Сдали въ рекруты..
И солдаткой я,
Одинокой я,
Знать въ чужой избѣ
И состарѣюсь..
Ужъ такая мнѣ
Доля выпала!..

А. Н. Плещеевъ.

* * *

Я гуляю ли, молюсь ли,
Въ полѣ работаю ль —
Все про милаго дружечка
Думаю, гадаю.

Какъ глупа я, что ждала все —
Долго дожидалась,
Что пришлетъ онъ сваху сватать, —
Да и не дождалась,

Обманулъ меня мой милый, —
Сердце мое знало;
Сердце знало, только мнѣ-то
Слова не сказало.

Если бъ сердце мнѣ сказало,
Я бы не любила
И къ нему въ лѣсокъ темный
Я бъ не выходила.

А то вечеромъ и утромъ —
Каждый день видалась;
Доходила до того, что
Дѣвицей осталась!

Тяжело мнѣ съ маткой старой
Дома оставаться;
Тяжелѣе мнѣ бездольной
По людямъ шататься!

И до сихъ поръ работаю ль,
Или такъ гуляю —
Про него моя все дума...
И сама не знаю

Зачѣмъ думаю, зачѣмъ я
Во лѣсокъ ходила,
И за что его такъ долго,
Горячо любила?

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Дитяго, милое, баюшки-баю,
Сынъ мой, усни!
Будешь скитаться потомъ по Украинѣ
Ночи и дни...
Сынъ мой, сыночекъ! Отца только лихомъ
Не поминай!
Я виновата, меня — если хочешь —
И проклинай!...
Осиротѣешь, — роднаго участья
Въ людяхъ не жди...
Лѣсъ ни о чемъ сироту не разспросить, —
Въ лѣсъ уходи.
Въ лѣсѣ, увидишь, краснѣетъ калина, —
Ей все открой;
Эту калину когда-то любила
Я, милый мой!
Въ сѣла пойдешь — головою побѣдной
Ты не клонись;
Если гдѣ съ дѣтками мать повстрѣчаешь, —
То не дивись!..

А. Коринфскій.

* * *

Ой, не пьются медъ и пиво,
Не пьется вода, —
Съ чумакомъ въ степи случилась
Тяжкая бѣда,

Головы поднять не можетъ,
 Заболѣлъ животъ,—
 Какъ упалъ чумака у воза—
 Съ мѣста не встаетъ.
 Изъ Одессы чумаки же
 Завезли чуму...
 Всѣ товарищи далеко,—
 Горюшко ему!
 Возъ съ понурыми волами
 Сиротой стоитъ;
 Со степи на шляхъ проѣзжай
 Воронѣ летить...
 „Черны вороны, не клюйте
 Чумака чумного,—
 Наклюетесь — не увидѣтъ
 Вамъ гнѣзда родного!
 Сизокрылые, летите
 Къ батюшкѣ родному,—
 Пусть отслужитъ панихиду
 По мнѣ, молодому!
 По моей душѣ — скажите —
 Пусть псалтирь читаетъ!
 А красавица-дѣвица
 Пусть не поджидаетъ!..“

А. Коринфскій.

* * *

Въ воскресеніе раненько—
 Только зорька занялась,
 Я младешенька-младенька
 Въ путь-дорогу собралась.
 Побѣжала я, младенька,
 Чтобъ про то не знала мать,

Молодого чумаченька
 Издалека повстрѣчатъ.

Повстрѣчала — его воли
 Идутъ сиротами,
 А младого чумаченька
 Нѣтъ межъ чумаками!..
 Ой, копали ему яму
 Средь степи широкой,
 Моложили и накрыли
 Насыпью высокой.
 И оставили могилу
 Въ степи сиротою..
 А я его такъ любила
 Сердцемъ и душою!..

Ив. Вьлоусовъ.

* * *

Охъ, пошла я къ рѣчкѣ за водою,
 Тамъ мой милый гуляетъ съ другою,—
 А эта другая,—
 Разлучница злая,
 Богатая сосѣдушка—
 Вдова молодая.
 Вмѣстѣ съ ней вчера я,
 Посконъ выбирая,
 На межѣ стояла
 Да все рассказала,—
 Что меня другъ любить,
 Что жениться будетъ,—
 И къ себѣ ее, злодѣйку,
 Я на пиръ просила!..

Другъ сердечный милый,
Другъ мой ненаглядный,—
Для чего покинулъ
Ты меня, желанный?

Богъ тебя накажетъ
За измѣну злую,
Что берешь ты замужъ
Не меня,—другую!..

Сп. Дрожжинъ.

* * *

Подлѣ роши на могилѣ,
На широкомъ полѣ,
Пара тополей высокихъ
Выроста на волѣ.
И безъ вѣтра имъ спокойно
Рядомъ не стоитъ—
Все тѣснятъ они другъ друга,
Силясь раздѣлиться...
Эти тополи средь поля—
Сестры-чаровницы.

Въ одного влюбились обѣ—
Любъ Иванъ обѣимъ,
Но Иванъ, на горе сестрамъ,
Былъ лихимъ злодѣемъ.
И съ одною, и съ другою
Онъ любился тайно...
Наконецъ, всѣ трое ночью
Встрѣтились случайно.
— А такъ вотъ какъ! Дождались мы
За любовь—обмана?..

Порѣшили сестры—завтра жъ
Отравить Ивана;
Накопали зелья, варить,
Плачутъ и вздыхаютъ,
Тяжело, да что же дѣлать?
Надо,—сами знаютъ.
Приготовивши, Ивана
Зельемъ отравили
И въ могилѣ подлѣ роши
Въ полѣ схоронили.

Что жъ, и все тутъ?.. Не совѣмъ-то!
Каждый день ходили
Сестры плакать надъ Иваномъ
Горькими слезами,
Наконецъ, съ тоски да съ горя,
Отравились сами.

И Господь, въ науку людямъ,
Тополями въ полѣ
Ихъ поставилъ на могилѣ...
Тамъ они на волѣ
Разрослись, но имъ спокойно
Рядомъ не стоитъ—
Все тѣснятъ онѣ другъ друга,
Силясь раздѣлиться...

Пр. В.

* * *

Проторила я дорожку
Черезъ яръ,
Черезъ горы, мой сердешный,
На базаръ.

Парнямъ бублики носила
 Вечеркомъ;
 Продала—и воротилась
 Съ пятакомъ.
 Я два гроша, охъ, два гроша
 Пропила.
 На копѣйку музыканта
 Наняла.
 Ты сыграй-ка мнѣ на дудкѣ
 На своей,
 Чтобъ забыла я кручину—
 Горе съ ней...
 Вотъ какая, мой сердешный,
 Дѣвка я!
 Сватай—выйду я, пожалуй,
 За тебя!

А. Н. Плещеевъ.

* * *

Какъ будто праведныхъ дѣтей,
 Господь, любя своихъ людей,
 Послать на землю имъ пророка,—
 Святому разуму учить,
 Свою любовь благовѣстить...
 И вотъ, какъ Дѣвпрѣ, волной широкой
 Его слова лились, текли
 И въ сердце падали глубоко,
 Огнемъ людскія души жгли.
 Пророка люди всѣ признали,—
 Свои грѣхи исповѣдали...
 Потомъ же... (родъ людской лукавый!)
 Господнюю святую славу
 Растили, и чужимъ богамъ

Вновь закурили ѳиміамъ,
 И снова жертвы запади!..
 Пророка жъ... (Горе, горе вамъ!)
 На стогнахъ камнями побили
 И снова принялись гулять,
 Святою кровью торговать!
 Такъ вотъ за что Господь Великій
 На нихъ облюбленныхъ и дикихъ
 Оковы повелѣлъ ковать
 И мрачныхъ тюремъ намуровать,
 И вѣсто кроткаго пророка,
 Чтобъ Бога людъ не забывалъ,
 Надъ ними править самовластно
 Владыку грознаго послалъ.

Ив. Вѣлоусовъ.

* * *

Изъ за лѣсу солнце всходить
 И за лѣсъ заходить;
 По долину темной ночью
 Казакъ грустный ходитъ.
 Ходитъ день, другой—все ждетъ онъ
 Милую подругу;
 Не проходить черноброва
 По зеленому лугу...
 А изъ темнаго лѣсочка
 Баринъ выѣзжаетъ;
 На казака стаю борзыхъ
 Псовъ онъ выпускаетъ.
 Бѣлы руки ему вяжеть,
 Подъ замокъ сажаетъ,
 А дѣвицу, обезчестивъ,
 По міру пускаетъ!..

Ив. Вѣлоусовъ.

* * *

Я отправлюсь съ вѣрнымъ другомъ
Въ путь не для забавы,
А пойду искать по свѣту
Правды я и славы.

Не лугами, берегами,
Не большой дорогой,—
По глухимъ пойду проселкамъ,
Крадучись съ тревогой.

Всѣхъ спрошу тогда гдѣ правда,—
Всѣхъ я попытаю:
Шляхтичъ, жидъ ли попадется,
Пана ль повстрѣчаю.

И монаха, коль случится,—
Пусть онъ не гуляетъ,
А читая Божье слово,
Правдѣ поучаетъ:

Чтобъ не рѣзали братъ брата
Да не обкрадали;
И въ солдаты чтобы сына
У вдовы не брали.

О. Гавриловъ.

— 1850 г. —

* * *

Ни лишнихъ слезъ, ни лишнихъ словъ:
Мы спѣли только и растались...
Сойдемся ли, споемъ ли вновь,
Или навѣки распрощались?

Еще быть можетъ... Полно! Какъ
Съ тобой мы встрѣтимся, какими?
Уже навѣрно не такими,
Не здѣсь и не споемъ ужъ такъ!

Печальны пѣсни наши были,
А жизнь порою тяжела;
Но горе вмѣстѣ мы дѣлили,
Душа надеждами цвѣла.

Мы вспоминали Дитиръ могучій,
Веселый, милый сердцу край,
И омраченный черной тучей
Нашъ молодой, нашъ грѣшный рай!

* * *

Избушка.

За дѣтей молитвъ не слала
 Наша мать родная,
 Только съ пѣсней пеленала,
 Одного желая:
 Чтобъ, растя, мы понемногу
 Тѣломъ укрѣпились.
 Сталь я крѣпокъ, слава Богу,
 Въ люди же не выгѣзъ.
 Лучше было бъ не родиться,
 Умереть, родная,
 Чѣмъ безъ доли въ мѣрѣ биться,
 Бога проклиная!

А такъ вѣдь мало, такъ немного
 Молилъ на долю я у Бога!
 Имѣть въ лѣсу избу свою,
 Да пару тополей съ ней рядомъ,
 Да безталанную мою...
 Мою Оксану, чтобы взглядомъ
 Мы любовались съ ней самъ-другъ
 На Дибирь широкій, сердцу милый,
 Да на высокія могилы;
 Чтобъ тиха думы къ намъ сошли
 О тѣхъ событіяхъ, какія
 Здѣсь совершались въ дни былые,
 Какъ ляхи гетмана сожгли...
 Потомъ съ горы бы мы сошли
 И надъ Дибиромъ въ лѣсу зеленомъ
 Мы съ ней гуляли безъ заботъ,
 Пока смеркаться не начнеть,
 Пока не станетъ холодно намъ,

Пока съ вечернею зарей
 Не станетъ мѣсяцъ надъ горой
 И не окутаетъ поляны
 Въ густые, сѣрые туманы.
 Мы посмотрѣли бы, потомъ
 Мы помолились передъ сномъ
 И, разговоръ ведя дорогой,
 Пошли бъ на ужинъ свой убогій...
 Дашь Ты, Господи, единый,

Сади панамъ твоимъ въ раю,—
 Дашь высокія палаты,—
 Пань жъ несытые—пузаты,—
 На рай Твой, Господи, плюють,
 И посмотрѣть намъ, не дають
 На рай изъ бѣдной нашей хаты!..

И я прошу, молю немного:—
 Одну лишь хаточку у Бога
 Чтобъ умереть мнѣ на Дибирѣ
 Хоть на малюсенькой горѣ!..

Пр. Б.

Петруша.

Жилъ панъ на хуторѣ съ женой.
 И панъ, и женка оба были
 Не изъ зажиточныхъ и жили
 Скромняенько съ дочкой молодой.
 И вдругъ къ той дочкѣ разъ на диво
 Отъ генерала ѣдетъ свать,—
 Затѣмъ, что страхъ была красива,
 А генераль былъ страхъ богатъ.
 Вотъ и таланъ на хуторъ бѣдный
 Послать Господь. Благодарять

Царя небеснаго; спѣшать
 Нашить обновъ невѣстѣ бѣдной;
 Дѣвицѣ косы расплели,
 Да поскорѣе обвѣнчали,
 И генеральшею назвали,
 И въ Кіевъ цугомъ повезли.

На томъ же хуторѣ расло
 Дитя безродное; пасло
 Свиной въ селѣ; Петрушей звалось.
 Дитя то дочери досталось
 И въ генеральское село
 На ту же должность перешло.

За баломъ балъ у генерала;
 Вкругъ генеральши молодой
 Орда вельможъ вилась, жужжала,
 А генеральша начинала
 Уже тихо плакать въ часъ ночной:
 „Заѣла вѣкъ ты мой, родная!
 Замреть здѣсь, даромъ увядая,
 Краса и молодость моя!..“
 — Ты, душка, плачешь тутъ? —

Нѣтъ, я не плачу...

— Скучно мнѣ?

А знаешь, въ городѣ армяне.
 Купи, дружокъ, у нихъ хоть шаль...
 — Нѣтъ, нѣтъ! На что мнѣ эти шали?... —
 — Не поддавайся жъ такъ печали,—
 Купи, голубка! Мнѣ не жаль.
 Не мучь мнѣ сердца. А весною
 Въ Парижъ отправимся съ тобою,
 А не въ Парижъ, такъ хоть въ село...
 Какъ хочешь! —

Тихо-тихо вскорѣ

Зима прошла. Затихло горе
 Подъ самымъ сердцемъ прилегло.
 Весной чета въ деревню скачетъ...
 Пошли балы, пошли пиры,
 А генеральша чуть не плачетъ.
 А генераль до сей поры
 И не замѣтитъ то, что стали
 Всѣ замѣчать уже.

Съ печали

Она разъ утромъ въ темный садъ,
 Чтобъ хоть часокъ побыть на волѣ,
 Пошла, задумавшись, и въ полѣ
 Зашла, и видитъ, тамъ ягнятъ
 Пасеть на жнитвѣ мальчикъ блѣдный.
 — О, горе-горюшко, мнѣ, бѣдной!
 Прожить полжизни и на грошъ
 Добра не сдѣлать никакого!..
 То ты, Петрушенька? —

— Анъ кто жъ?

Извѣстно, я.

— Пойдемъ. Мы снова,

Какъ встарь, на хуторѣ вдвоемъ,
 Съ тобой здѣсь, милый, проживемъ!.. —

И загрустила, и съ тоскою
 Глядитъ на мальчика.. Чужою
 Для всѣхъ въ селѣ она была, —
 Одна межъ старыми расла,
 Дѣвичьи годы коротала
 И за сѣдого генерала
 Бѣдняжку продали потомъ. —
 И деньги пропили гуртомъ.
 — Пойдемъ, мой милый! Я богата...
 Пойдемъ въ мой садъ, пойдемъ въ мой домъ! —
 — Нельзя. А что мои ягнята?

Кто жъ имъ здѣсь будетъ пастухомъ?—
— Найдутъ.

И мальчика въ заплатахъ
Ведетъ въ палаты, а въ палатахъ
Принарядила, прибрала
И тотчасъ въ школу отдала.
И любо ей. Пускай лелѣть,
Пока надежда сердце грѣетъ,
Пока изъ зернышка того
Взрастетъ иль плевель, иль пшеница,—
Кто впредь предскажетъ, что за птица
Съ годами выйдетъ изъ него?
Все въ Божьей волѣ!.. Если бъ знала
Мать горе горькое твое,
Не отдала бъ за генерала
Дитя любимое свое,
Не отдала бъ... И то,—кто знаетъ,
Какихъ на свѣтѣ не бываетъ
Злыхъ матерей!..

За годомъ годъ

Идетъ. Петруша, знай, на волѣ
Гуляетъ, съ книжками то въ школѣ,
То вонъ изъ школы да растетъ.
Весь домъ приемыша лелѣть.
Съ нимъ генеральша молодѣть
Сама какъ будго, а супругъ
И радъ, что съ женкою самъ-другъ
Добро такое сотворили.
Петра на волю отпустили,
Зимою въ Кіевъ отвезли
И въ пансіонъ тамъ помѣстили.
И тамъ не мало поучили..
И вотъ изъ школы, взявъ дипломъ,
Ужъ господиномъ и Петромъ
Въ село Петруша воротился.
Ложатся кудри на плечо,

И очи жгутъ такъ горячо,
И черный усь уже пробился.
И все... Да это не уйдетъ.
Разскажемъ послѣ, въ свой чередъ,
Про то, чѣмъ грезилъ баринъ новый.
А генеральшѣ чернойбровой.
А ей что грезилось?..

Горить

Всю ночь огонь передъ Пречистой.
Бѣдняжка молится, дрожитъ,
Рыдаетъ, бьется и нечистой
Слезой жжетъ мраморъ хладныхъ плитъ.
Она молила Пресвятую,
Чтобъ Та... чтобъ Та ее спасла,
Чтобъ обезумѣть не дала
Ей, непорочная... И всеу—
Молитва ей не помогла.
Она забыла, все забыла—
Она Петрушу полюбила..
И тяжело-тяжко ей, живой,
Душѣ безгрѣшной, молодой..
А какъ снастись? Не стало воли,
Не стало силъ. Да и легко ли,
Любви не вѣдая, одной
Прожить всѣ лѣта молодая?
Не дважды въ жизни, золотыя,
Они даются намъ... Иди,
А горе встрѣтишь—обойди,
Пройди стороной, да подальше,
Не то задавить. Генеральшѣ
Не обойти его... О, пѣть!
Ей нужны воля, счастье, свѣтъ..
Ей нужны?!—Г-мъ! Густенька каша,
Да жаль, что каша-то не наша,
А намъ-то—безъ соли кулѣшъ,—
Какъ знаешь, такъ его и ѣшь!

— „Мой Петръ! Мой демонъ-искуситель!
Мой сынъ! Мой ангелъ! Мой хранитель!
Спаси меня... не попусти...
О, Матерь Божья! защити
Отъ навожденія!..“

И рыдала,

И мать, и міръ весь проклинала.
Въ саду въ то время Петръ гулялъ,
Тихонько пѣсни напѣвалъ, —
Не зналъ онъ, какъ она страдала,
Что дѣлать было ей съ собой, —
Съ своею грѣшною мечтой?..

— Поѣду въ Кіевъ помолиться
Святымъ. Молитва отженетъ
Отъ мысли дьявола, быть-можетъ, —
Нѣтъ, Петръ! И это не поможетъ, —
Меня молитва не спасетъ...
Я брошусь въ Днѣпръ. Мнѣ нѣтъ гробницы
Иной. Молитесь, дѣвицы,
Просите Господа, чтобъ мать
Изъ-за расчетовъ, изъ-за платы,
За генерала, за палаты
И васъ не вздумала продать!
Любитесь, красныя, весною
И безъ корысти. Молодою
И непорочною, и святою
Любовь и въ хатѣ будетъ жить.
Она за бѣдность не осудитъ
И будетъ миръ вашъ сторожить
Вплоть до могилы...

Что-то будетъ

Съ превосходительною? Какимъ
Святымъ должна ты помолиться
Чтобъ могъ покой твой воротиться,

Покой, украденный твоимъ
Петромъ? увы! Кто въ мірѣ станетъ
Твоимъ защитникомъ? Никто,
Никто руки вамъ не протянетъ.
Боюсь и вымолвить теперь
Конецъ судьбы твоей позорной.

Молилась, въ Кіевѣ была;
Пѣшкомъ въ Почаевъ къ Чудотворной
Ходила... Нѣтъ, не помогла,
Не помогла святая сила, —
А ты ль ужъ жарко не молила?
Ты ль слезъ отъ сердца не лила?
И вотъ съ рѣшимостью холодной
Вернулась вновь она домой —
Съ змѣей у сердца подколотной
И съ зельемъ въ стклянкѣ небольшой.

Три дня, пріѣхавши, не ѣла.
Три ночи длинныхъ не хотѣла
Лечь спать. Знай, бродитъ день-деньской
Какъ тѣнь; съ усмѣшкой ледяной,
Знай, какъ въ бреду, во мракѣ ночи
Бормочетъ что-то. Впали очи,
Нѣтъ въ карихъ прежняго огня;
Засохли губы... Такъ три дня
Она сама себя морила;
Въ четвертый зелье развела,
И генерала напоила,
И спать, покончивъ съ нимъ, легла.

— „Теперь сѣдого закопаю,
А молодого приласкаю
И стану жить себѣ да жить —
Петрушу милаго любить!“ —
Сказала ль такъ, иль не рѣшилась?..

Легла—и сномъ не позабылась,
И свѣтъ ждала все и дожить
До свѣта Божьяго страшилась.

И вотъ въ предутренней тиши
Вдругъ слышнть, въ домѣ заходили...
Все объяснилось. Зазвонили
Въ честь генераловой души;
Идетъ, валить народъ гурьбою;
Про что-то страшное тайкомъ
Толкуютъ люди межъ собою,
Спѣша проститься съ мертвецомъ.
Бѣгутъ отвсюду—слѣва, справа,
Бѣгутъ и шепчутъ: „ядъ... отрава...“
И судъ въ село упрямо ждуть.
Идутъ догадки. Всѣ въ смятеньи-
И разомъ стихли на мгновенье:
Явились. Докторъ ножъ досталъ
И генерала разрѣзаетъ,—
И впрямь отравленъ генералъ.
Вся дворянъ глухо присягаетъ;
Присяга кончилась, и вотъ
Допросъ, какъ слѣдуетъ, идетъ:
„Теперь скажите, христiane,
Кто отравилъ его?“—Какъ звонъ,
Гудитъ по залѣ: „Пани... Пани...
Жена!“ въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ.

Тутъ Петръ изъ ряда выступаетъ,
Идетъ и судьямъ объявляетъ.
„Я это дѣло совершилъ,
Я генерала отравилъ.
Мой грѣхъ. Вязжите.“ Обступили
Петра, скрутили тотчасъ по рукамъ
И тотчасъ въ горнило потащили.
И тамъ не долго по судамъ

И тюрьмамъ бѣднаго таскали,
И порѣшили въ добрый часъ:—
Въ желѣзо крѣпко заковали,
Переголили про запасъ,
Къ сплнѣ пришли тузъ бубновый—
И поволокъ мой Петръ-герой
Свои тяжелыя оковы
Въ снѣга Сибири за собой.

Н. Пушкинъ.

— 1857 г. —

Сижу въ неволѣ одинокій
И слова некому сказать;
Ищу кругомъ съ тоской глубокой
Того, кто бъ могъ меня понять.

Найти стараюсь правду въ людяхъ,
Подобье Бога отыскать,—
А нахожу лишь то я въ мірѣ,
Что, право, стыдно и сказать!..
Такъ вотъ что сдѣлала, лукаво
Жизнь посмѣявшись надо мной.
И грустно молодости годы
Прошли подъ тучей грозовой
Въ борьбѣ съ судьбою. Добрымъ словомъ
Нельзя, что было помянуть;
А все же хочется повѣдать,
Что на душѣ, кому-нибудь,
Душа хотъ слова ласки просить,—
И нѣтъ надежды, все обманъ!
Такъ неостывшій трупъ заносить
Въ степи бушующій бурянь!..

Ив. Бѣлоусовъ.

Неофиты.

Вѣя глаголетъ Господь: сотворите
судъ и сохраните правду, приближе
бо ся спасеніе Мое прійти, и милость
Моя открытся.

(Исаія, кн. V, гл. 1)

М. С. Щепкину.

(На память 24 декабря 1857 г.).

Любимецъ музъ и грацій! Знаю,
Что тщетно жду тебя, рыдаю
И думу скорбную мою
Твоей душѣ передаю.
Приголубь ее, будь ласковъ
Съ горькой сиротиной,
Чудотворецъ нашъ великій,
Друже мой единый!
Приголубишь—не погибнетъ
Сирая съ тобою,
Не утонетъ въ мутной Летѣ,
А огнемъ-слезою
Канетъ на землю и притчей
Станетъ, міръ гнетущимъ
Распинателямъ народнымъ,
Деспотамъ грядущимъ...

ПРОЛОГЪ.

Давно ужъ я сижу въ неволѣ,
Въ тюрьмѣ, какъ извергъ за замкомъ;
Гляжу печально то на поле,
То на ворону надъ крестомъ,

То на погость, то на дорогу.
Изъ стѣнъ острога моего
Не видно больше ничего.
И то не мало: слава Богу
Все жъ часомъ видишь какъ живетъ,
Какъ Богу молится и мретъ
Крещеный людъ.

Позолоченный,
Немного на бокъ наклоненный
Крестъ на погостѣ томъ стоитъ.
Не бѣдный кто-то, знать, лежитъ!..
И нарисовано: распятый
За насъ Сынъ Божій на крестѣ.
Спасибо сиротамъ, что тѣ
Не поскупились—крестъ богатый
Надъ нимъ поставили! Съ тоской
Смотрю,—таковъ ужъ, видно, мой
Злой рокъ,—смотрю не насмотрюся
На крестъ тотъ скорбный день-деньской;
Смотрю, смотрю—и помолюся.
И горе горькое мое,
Какъ убаюканный ребенокъ,
Вдругъ словно стихнетъ... и тюрьма
Какъ будто шире... Запѣваетъ
И плачетъ сердце... Оживаетъ
И у тебя. о, Боже мой,
И у святыхъ Твоихъ пытаетъ:
Что Онъ имъ сдѣлать, тотъ Свѣтой,
Тотъ, предреченный намъ въ Мессіи,
Сынъ богоизбранной Маріи,
Тотъ Назаретянинъ, тотъ Божій?
Что, кроткій, сдѣлать имъ Онъ могъ?..

Что?.. За что Его, Святого,
Били-истязали

И главу Его честную
Терномъ увѣнчали?
И наверхъ горы Голгофы
Возвели съ позоромъ,
Чтобъ распять тамъ, какъ злодѣя,
Съ извергомъ и воромъ?

За что?..

Едина отъ вѣка,
Благословенная въ женахъ,
Мать Сына-Богочеловѣка,
Не дай, не дай въ глухихъ стѣнахъ
Тюрьмы влечь мнѣ дни и лѣта!
Въ неволѣ сгнбнуть мнѣ не дай,
Скорбящихъ Радосты! Осіяй
Лучемъ божественнаго свѣта
Мой мракъ безсвѣтный! Воззови
Великой правды словомъ новымъ
И разумъ скорбный мой тѣмъ словомъ
Прощенья, мира и любви
И просвѣти, и оживи!
И расскажу я людямъ горе
Про то, какъ мать одна лила
Такихъ же слезъ кровавыхъ море,
Какъ ты; и, выливъ всѣ, возжгла
Въ душѣ, отчаяньемъ томимой,
Свѣтъ счастья высшаго—незримый
Свѣтъ Бога, Сына Твоего...
Ты, Мать Распятого, Его,
Ты слезы матери до края,
До капли вылила!.. Рыдаю,
Молю, склоняясь до земли,
Съ рыданьемъ скорбнымъ тѣмъ: вели
Чтобъ вновь въ душѣ воскресла сила;
Чтобъ вдругъ огнемъ заговорила;
Чтобъ слово пламенемъ взялось;

Чтобъ людямъ сердце растопило
И на Украину понеслось
То слово—Божіе кадило,
Кадило истины... Аминь.

I.

Не въ нашемъ краѣ, Богу миломъ,
Не въ пору сеймовъ, королей
И вольныхъ гетмановъ—въ постыломъ
Желѣзномъ Римѣ старыхъ дней
Творилось зло то. Кто въ тѣ годы
Былъ императоръ—врагъ свободы
И Бога Децій иль Неронъ—
Забылъ, не помню. Пусть хоть онъ...
Да онъ и точно!

О Россіи

Еще въ тѣ дни давно бывые
Никто и слыхомъ не слыхалъ,
Когда въ томъ Римѣ расцвѣталъ
И цвѣлъ, какъ лилія, плѣнная
Всѣхъ и улыбкой, и красой,
Цвѣтокъ роскошный—молодая
Римлянка стройная. Съ какой
Любовью мать ее растила!
Какъ и ласкала, и любила,
Какъ мужа по сердцу была
Найти ей рада! И нашла,
Да помолвившись Гименею
И свадьбу справивъ, изъ своей
Веселой, свѣтлой въ гирикею,
Чужую—къ мужу поскорѣй
Ее свести потороплась.
И не напрасно потрудилась,

Не зря старушка,—не была
Безплодна дочь та. Зачала.
Красавцемъ сыномъ разрадовалась,
Пенатамъ, вставши, помолвилась
И въ Капитолій отнесла.
Не мало жертвъ, чтобъ защитили,
Чтобъ сына-первенца хранили
Святые идоли. И ночь,
И день горѣть передъ пенатамъ
Огонь; курится ароматомъ
Вкругъ омиамъ. Ликуетъ дочь,
Ликуетъ мать: боговъ эгида
Хранятъ семью ихъ, весь въ Алкида,
Въ отца, лицомъ, изъ года въ годъ,
Ихъ сынъ, Алкидъ ея растеть.
Растеть... Въ тревогъ всѣ гетеры
И передъ идоломъ Венеры
Лампады свѣтятъ...

II.

Той порой

Надъ Внелеемомъ ужъ вставала
Заря великой, міровой
Всесвѣтной правды. Замерцала...
Все шире... выше—и взошла,
И въ міръ миръ всѣмъ принесла,
И миръ, и свѣтъ. Лишь фарисей
И всѣ въ ихъ мерзкой Іудей
Вдругъ всполошились, завились,
Шиня, какъ гады на болотѣ,
На Сына Божьяго во плоти,
И кровью Божьей облились.
И успокоились, устали
Лить кровь ту злобно палачи,

Святую кровь Твою, и спали,
А ты, неожиданно, вдругъ, въ ночи,
Возсталъ изъ гроба. Слово встало—
И слово правды понесли
Твои апостолы святые.

III.

Отъ Рима пыльнаго вдали
Алкидъ, гетеры молодья—
Красавицъ римскихъ лучшій цвѣтъ,
Пять-шесть друзей его, да дѣдъ—
Злой фавнъ пьянчужка козлоногий
Близъ самой Аппіа дороги
Разъ въ роцѣ мирно улеглись.
Всѣ сплошь кругомъ перепились.
Всѣ, павъ, Пріапу поклонились—
И вдругъ всѣ разомъ отрезвились.
Какъ разъ въ ту пору, духомъ бодрѣ,
Но плотью слабѣ, апостоль Петръ
Шелъ въ Римъ, любви святой глаголомъ
Сердца людскія въ немъ будить,
И утомясь въ пути тяжеломъ,
Въ ту роцѣ жажду утолить
Свернувъ, узрѣвъ ихъ: „Маръ вамъ, братья“,—
Главу усталую склонивъ,
И скорбнымъ знаменемъ распятъ—
Крестомъ ихъ пиръ благословилъ,
Сказавъ апостоль утомленный,
Возлежъ межъ ними на одрѣ
И кротко, свыше вдохновленный,
Сталъ говорить имъ о добрѣ,
О божьей правдѣ, о прощеньи,
О братолюбьи,—и въ волненьи
Всѣ—и гетеры, и Алкидъ,

И тотъ, кто пьянъ, и тотъ, кто сытъ,
И даже фавнъ тотъ козлоногий—
Вразъ поклонились до земли
Святому старцу и въ чертоги
На пиръ свой въ термы повели.

IV.

Въ разгарѣ оргіа. Горять
Чертоги пурпуромъ и златомъ;
Курятся тонкимъ ароматомъ
Амфоры пышныя; блестятъ
Красой, чуть-чуть что не нагіа,
Киприды жрицы молодья,
И гимнъ поютъ ей. Смѣхъ и крикъ...
На ложахъ гости... Все готово...
Сверкнули вина... Въ этотъ мигъ
Гетеры странника сѣдого
Бѣлобородаго ввели.
И потекли за словомъ слово,
Слова любви изъ устъ святого
Драгимъ елеемъ потекли.
И стихло все кругомъ. И жрица
Киприды—оргіи царица—
Поникла радостнымъ челомъ
Передъ апостоломъ—и встала.
И всѣ съ ней встали,—и изъ зала
Вслѣдъ за апостоломъ Петромъ
Въ мракъ катакомбъ пошли. Съ другими
Пошелъ безропотно за ними
И твой Алкидъ, твой сынъ. А ты,
Знай, въ мракъ вечерней темноты,
Всмотрѣться силишься; знай, рвешься
Скорѣй любимца своего
Обнять. Все нѣтъ... И не дождешься!

Одна, печальная, вернешься
 Домой ты нынче безъ него.
 Одна, безъ милаго, пенатамъ
 Своимъ помолишься; одна,
 Тоски отчаянья полна,
 На ложѣ пышномъ и богатомъ
 Вкушать возляжешь... Не вкушать—
 Рыдать и долю клясть, рыдать
 И клясть, и стариться... И, горе!
 Какъ прокаженная, какъ въ морѣ
 Лады, гонимая волной,
 Такъ одинокой, всѣмъ чужой
 И кончишь вѣкъ свой...

V.

Не томили

Въ судахъ,—не та была пора,—
 Стремглавъ ко древу пригвоздили
 Того апостола Петра,
 А остальныхъ всѣхъ посковали
 И въ Сиракузы отослали.
 И твой Алкидъ, твой сынъ, твоя
 Любовь единая, твой милый,
 Въ тюрьмѣ и смрадной, и унылой
 Влечить тамъ цѣни бытія.
 А ты, бѣдняжка, и не знаешь:
 Гдѣ онъ? Что стало съ нимъ? Жалась
 Въ Сибирь... Тыфу! въ Скиѳію нестать
 Идти пропавшаго... И ты ли,
 Одна ль ты только?.. Нѣтъ семьи,
 Нѣтъ въ Римѣ дома, гдѣ бы не лили
 Такихъ же слезъ вездѣ ручьи:
 Гдѣ бы здѣсь не плакались о женахъ,
 Тамъ не скорбѣли о мужьяхъ,

Гдѣ бы люди гибли не въ цѣняхъ,
 Иль въ бриттскихъ, галльскихъ легіонахъ
 Не истязались... О Нероны!
 О, извергъ лютой, кровожадный!
 Судъ Божій правый, безпощадный
 Тебя осудитъ. Близокъ онъ.
 На ложѣ нѣтъ въ дорогѣ, въ полѣ
 Тебя настигнетъ вдругъ тотъ судъ.
 И прилетятъ, и приплывутъ
 Святые мученики воли—
 Всѣ жертвы звѣрствъ твоихъ. Со всей
 Земли, изъ тундръ, изъ-за морей,
 Отсюду скорбные слетятся;
 Какъ тѣни черныя столбятся,
 Недвижнымъ строемъ окружатъ
 Твой одръ предсмертный—и простятъ.
 Безъ слезъ, безъ жалобъ, безъ проклятья
 Простятъ: зане они и братья,
 И христіане всѣ. А ты...
 Ты деспотъ проклятый и Богомъ
 И міромъ!..

VI.

Мрутъ отъ тѣсноты,
 Кишатъ по тюрьмамъ и острогамъ,
 Томятся въ путахъ рабскихъ узъ
 По всѣмъ застѣнкамъ Сиракузъ
 Христа поборники. А мщенье,
 Знай, спать, безъ просыпу пьяно...
 Пусть спать! Не вѣчно опьянѣнье.
 Воспринетъ, грозное, полно
 Святой враждой, святой любовью
 И—горе деспотамъ!—ихъ кровью
 Похмѣлье справить.

Обошла

Всѣ земли, гдѣ ни побывала,
Гдѣ сына тщетно ни искала,
Нигдѣ Алкида не нашла—
И въ Сиракузы приплыла:
Лишь тутъ нашла ужъ. Не пустили
И повидаться. Говорили,
Что по утрамъ ихъ выгонять
Всѣхъ скоро стануть изъ острога
Мести бульвары. Стала ждать
Близъ стѣнъ тюрьмы его, какъ Бога,
Все ждать и ждать... Ни ѣсть, ни спать—
Все ждать.

А Римъ дивится чуду...

А въ Римъ, какъ волны отовсюду
Текутъ народныя толпы.
Всѣ міра древняго столпы—
Весь цвѣтъ патриціевъ, плебей,
Сатрапы Египъ и Іудей,
Преторіанцы и сенатъ,
Жрецы и ликторы стоятъ
Вкругъ Капитолія и хоромъ
Поютъ гимнъ кесарю. А вотъ
И самъ онъ, гордый, съ наглымъ взоромъ
Средь свиты царственной идетъ
И передъ нимъ его жъ, литую
Изъ бронзы, статую большую
Въ дыму кадилъницъ и амфоръ
Несутъ.

Ум

Не даромъ и весь дворъ,
И всѣ сенаторы рѣшили

Устроить чудо то. Всѣ, въ хорѣ,
Такъ много цезаря хвалили.
Такъ изолгались, что никто
И самъ не вѣдалъ ужъ и что,
И какъ солгать еще. Тогда-то
И согласились, чтобъ пресѣчь
Ту ложь, велѣніемъ сената,
Взять, богомъ кесаря наречь.
И нарекли, и отписали
Ко всѣмъ сатрапамъ: „Такъ и такъ...
„Кто всемогущъ, тотъ богъ; кто благу,
„Тотъ также богъ. Нашъ кесарь выше,
„Чѣмъ богъ; онъ равенъ двумъ богамъ“.
И въ главномъ храмѣ, въ лучшей нишѣ,
Отливъ изъ бронзы, мастерамъ
Его поставить приказали.
И въ нота-бене приписали,
Что новый богъ тотъ, по дарамъ
И по мольбамъ смотря, какъ боги,
Всѣхъ будетъ миловать. Чтобъ шли...
И запестрѣли всѣ дороги,
И заскользили корабли.
И ты, порвавшая всѣ узы
Со всѣмъ, съ чѣмъ нѣкогда ушла,
И ты, покинувъ Сиракузы,
Поспѣшно въ Римъ вновь приплыла.
И ты ль одна лишь такъ спѣшила!
Не много ль тысячъ вмѣстѣ плыло
Такихъ же скорбныхъ вась?...
Увы!

Въ кого увѣровали вы?
Къ кому съ мольбами и дарами
Изъ всѣхъ земель вы притекли?
Кому вы слезы принесли?
Кому вы принесли съ слезами
Свои надежды?.. Палача ль

✓ Склонить на милость? Жаль мнѣ, жаль,
Глубоко жаль васъ! Преклонитесь
Лишь передъ Богомъ. Лишь Ему,
Лишь слову истины молитесь...
Лишь Имъ—и больше никому.

VIII.

Передъ Нерономъ, передъ новымъ
Тѣмъ богомъ, миловать готовымъ,
Сперва молились весь сенатъ
И всѣ патрици: и далось
Имъ всѣмъ, что каждому желалось,
И каждый данному былъ радъ.
Преторіанцы помолились—
Преторіанцамъ данъ указъ:
„Въ чемъ впредь бы вы не провинились,
„Мы, богъ вашъ, милуемъ всѣхъ васъ“.
И вы, бѣдняги-греческіи,
Не меньше знатныхъ гнули шеи;
Рабы безправные, и вы
Молились жарко, съ чувствомъ, съ толкомъ,
Да васъ не милуютъ, увы!
Васъ и помиловать-то толкомъ
Иль не умѣютъ, знать, иль лѣнь.

IX.

Лишь послѣ всѣхъ, на третій день
Пускать молиться разрѣшили
И за несчастныхъ христіанъ,
И вы пришли, и вы молили.
И милосердный истуканъ
Вамъ внялъ. Изъ Рима въ Сиракузы

Приказъ немедленно былъ данъ
Чтобъ крѣпко-на-крѣпко всѣхъ въ узы
Сковавъ, доставить христіанъ
Вновь въ Римъ. И рады вы! И снова
Предъ ликомъ идола святого
Усердно молитесь! А онъ,
Кумиръ тотъ новый вашъ, тотъ новый
Юпитеръ, мрачный и суровый,
Сидитъ, въ раздумье погруженъ.
Кто знаетъ въ тотъ мигъ, что за идеи
Роились въ пьяной головѣ?
Найдется чѣмъ людской молвѣ
Проставить праздникъ въ коллизѣ:
Великій пиръ, пиръ на весь міръ
Задастъ вамъ скоро вашъ кумиръ!

А пока что, встрѣть родного,
Отдохни душою
Хоть на мигъ съ нимъ, благо рокъ нашъ
Скрыть отъ насъ судьбою;
Благо ты еще не знаешь,
Что за богъ суровый,
Что за богъ лукаво-лживый
Этотъ богъ твой новый.

X.

И пошла... Идетъ съ другими
Милыхъ сердцу встрѣтить;
Бога-кесаря не знаетъ
Чѣмъ въ душѣ привѣтитъ.
Безъ дороги по болотамъ
Берегомъ шагаетъ...
Вотъ, какъ будто изъ-за лѣса
Что-то выплываетъ.

Ужь не барка ль?.. Нѣтъ. Галера;—
 И на ней, въ оковахъ,
 Съ неопитами другими
 И твой сынъ. Всѣхъ новыхъ
 Лишь слегка пооковали,
 А его, суровый
 Стражъ,—ужь онъ не неопитъ быть,
 А апостоль новый,—
 Заковалъ въ тройныя цѣпи,
 Все не помогаетъ:
 Духъ нельзя сковать цѣпями...
 Вотъ онъ распѣваетъ:
 „Псаломъ Господеви новый,
 Всеблагого слава,
 Воспоемъ честнымъ соборомъ
 Сердцемъ не лукавя!
 Во псалтыри и тимпаны
 Воспоемъ, да знаетъ
 Всякъ, какъ Богъ—неправыхъ кара—
 Правымъ помогаетъ!
 Преподобные во славѣ,
 Окруживъ подножье
 Трона Божьяго, ликуютъ,
 Славятъ Имя Божье.
 И мечи въ рукахъ ихъ добрыхъ
 Остры обоюду
 На отмщенія языцамъ
 И въ науку людямъ.
 Окуютъ царей несытыхъ
 Крѣпко кандалами;
 Окрутятъ имъ всѣмъ, преставнымъ,
 Руки ихъ цѣпями,
 И судомъ своимъ осудятъ
 Честно, не лукаво.
 И вовѣки станеть слава,
 Преподобнымъ слава!“

XI.

А ты на берегъ стояла,
 Какъ будто темная ската,
 Ты врядъ ли много поняла;
 Ты, какъ другія не рыдала,
 А „аллилуйя“ прошептала
 За матерями христіанъ...
 Угрюмы лица назарянъ,
 Гремятъ, бряцаютъ ихъ оковы.
 Лишь твой Алкидъ, апостоль новый,
 И бодръ, и духомъ не унылъ,
 Перекрестясь, вновь возгласилъ:
 „Молитесь, братія, молитесь
 За всѣхъ враговъ и за него—
 За палача, за своего
 Тирана злобнаго; смиритесь
 И передъ нимъ, но не склонитесь
 Передъ гордынею его:
 Молитва—Богу. Пусть, какъ знаетъ,
 Лютуеть въ мракъ и во злѣ;
 Пускай пророковъ побиваетъ,
 Пусть всѣхъ насъ жжетъ и распинаетъ,—
 Не сгибнетъ правда на землѣ.
 Не днесъ, не мы, такъ наши дѣти,
 Такъ наши внуки въ оны дни,—
 Они растутъ ужь, внуки эти,
 Растутъ... Не мстители они—
 Христовы рыцари святые.
 Не угрожая, не кляня,
 И безъ ножа, и безъ огня,
 Господнимъ духомъ зачатые,
 Стратеги Божіи придутъ
 Съ одними правды словесами,
 И всѣ нечистые толпами

Отъ чистыхъ сердцемъ побѣгутъ!
Молитесь, братія!"

Молились

Передъ крестомъ, не помня зла;
Всѣ духомъ снова укрѣпились
И стали радостны. Хвала!
Хвала вамъ, души молодыя!
Хвала вамъ, чистые, святые!
Вовѣки вѣчные хвала!

ХП.

И въ Римъ галера приплыла.
Проходятъ сутки. Кесарь пьяный,
Никѣмъ не прощенный, не званный,
Залѣзшій въ небо, поскорѣй
Рѣшилъ устроить юбилей
Передъ святымъ своимъ кумиромъ.
Въ цвѣтахъ весь тонетъ истуканъ,
Везутъ возами ладанъ съ муромъ,
Гуртами гонять христіанъ,
Какъ скотъ на бойню, къ коллизею.
Всѣ хвалятъ мудрую затѣю,
Всѣмъ праздникъ кесаря въ любовь.
И гладиаторъ, и патрицій,
И хищный левъ, и тигръ съ тигрицей
Равно довольны: дымъ и кровь
Всѣхъ опьянили. Заструились
Потоки пота, задымилась
Костры, нѣтъ счета всѣмъ людскимъ
Слезамъ... Ликуетъ старый Римъ!
Льетъ кровь, не мысля, много ль сбавить
Онъ славы кровью той святой...
По Сципіонамъ тризну править.
Ликуй, безчинствуй, пей и пой

Въ вертепахъ термъ своихъ, развратный,
Слѣпой старикъ! Близка заря
Иной денницы благодатной...
Она сойдетъ, огнемъ горя,
Взойдетъ на зло и лжи и мраку—
И ты падешь. Не Божій громъ
Сразить: ножемъ, тупымъ ножемъ
Тебя зарѣжутъ, какъ собаку...
Все, все мидуетъ, все пройдетъ.

ХІІІ.

Второй день стонетъ и гудетъ
Арена. Пурпуромъ алѣя,
Лидійскій золотой песокъ
Залился кровью. Римъ не могъ
Еще узрѣть средь коллизея
Вновь привезенныхъ христіанъ:
На третій день былъ только данъ
Приказъ привести ихъ. Изможденныхъ,
Средь лѣса сабель обнаженныхъ,
Ввели на бойню ихъ въ цѣпяхъ.
Взревѣлъ весь циркъ; дрогнули стѣны...
А сынъ твой смѣло въ дверь арены
Вошелъ съ псалмами на устахъ.
Затрясся кесарь разъяренный,
Далъ знакъ рукой... Промчался мигъ—
И вдругъ изъ двери отворенной
Громадный барсъ, и золь, и дикъ,
На помость вышелъ, помавая,
Хвостомъ. Моментъ—и полилась,
И полилась вокругъ кровь святая.
Какъ будто буря пронеслась,
Какъ будто вихрь надъ коллизеємъ
Взыгралъ—и стихъ вновь. Гдѣ жъ была

Ты въ страшный мигъ тотъ? Что жъ не шла
 Спасать? Что жъ злобно на злодѣя
 Сама не бросилась какъ звѣрь,
 Какъ дикій барсъ тотъ?.. Не пустили.
 Тройною стражей окружили
 Входъ въ ложу кесаря, и дверь
 Желѣзнымъ кованымъ засовомъ
 Замкнули наглухо за новымъ
 Твоимъ Юпитеромъ святымъ.
 И ты одна, одна осталась,
 Одна съ отчаяньемъ своимъ.
 Все стихло. Дверь не открывалась;
 Угрюмъ и пусть былъ мрачный дворъ...
 „О горе! Горе и позоръ!
 Позоръ и горе мнѣ! Куда я
 Пойду? Что буду я теперь
 Безъ сына, старая, больная,
 На свѣтъ дѣлать?“—и о дверь,
 Что силъ, съ разбѣга головою
 Ударясь, хлопнулась какъ трупъ.

XIV.

А святой великій кесарь
 Съ травли возвратился;
 Забралъ ликторовъ и въ термы
 На ночь съ ними скрылся.
 Колизей одинъ остался—
 Безъ него, безъ стражи
 И безъ римлянъ. Одинокій
 Тихъ онъ, чуть ли даже
 Не всплакнута радъ, какъ гора та,
 Что въ стени чернѣетъ,
 Чернымъ призракомъ стоитъ онъ...
 Тихо, тихо вѣетъ.

Изъ-за Тибра, изъ Альбана
 Вѣтеръ по-надъ Римомъ.
 А надъ чернымъ колизеемъ,
 Словно краснымъ дымомъ
 Весь обвить, всплываетъ мѣсяць...
 Мнѣ нашъ первозданный
 Опочилъ на ложѣ ночи
 Въ смутной мѣлѣ туманной.
 Только мы, твои потомки
 Праотче Адаме,
 Все преступные, грыземся,
 Днями и ночами
 Изъ-за каждаго объѣдка,
 Изъ-за всякой кости.
 Да подчасъ еще и Бога
 Зря клянемъ со злости.
 А тебя-то ужъ, нашъ старый
 Праотче, тебя-то...
 Да Господь съ нимъ!

XV.

Не до смерти
 Старая разбилась.
 Сила жизненная силой
 Ночи обновилась.
 Ожила. Передъ замкнутой
 Дверью заходила;
 Все сама съ собой о чемъ-то,
 Ходя говорила.
 Ужъ не кесаря ль святого
 Съ горя клясть рѣшилась?
 Можетъ статься. Походила,
 Робко приложилась
 Къ двери ухомъ; постояла,

Странно усмѣхнулась,
 Что-то вновь проговорила,
 Вновь на мигъ пригнулась,
 Вновь послушала—и съѣла,
 На руку склонилась.
 А тѣмъ временемъ и дверь вдругъ
 Настежь отворилась.

Скрипятъ возы; громычуть дроги;
 Стучать колеса колесницъ...
 И храпъ коней, и видъ возницъ,
 Все полно тайны и тревоги;
 Все смутно, страшно, какъ кошмаръ...
 То колizeй шлетъ Тибру даръ,
 То взгроможденные горами,
 Святыхъ растерзанныхъ звѣрями
 Святые чистые тѣла.
 Ихъ въ Тибръ топить везутъ. Тѣлами
 Людскими въ Тибръ,—чтобъ была
 Вкуснѣй,—кормили для стола
 Нерона рыбу. Не глазами—
 Лишь сердцемъ сына мать нашла.
 Нашла—и тихо за возами,
 Какъ туча черная пошла.
 А робкимъ скивамъ, сѣроглазымъ,
 Рабамъ послѣднихъ изъ рабовъ,
 Нѣмымъ погонщикамъ, всѣмъ разомъ
 Помнилось съ страшныхъ ихъ возовъ,
 Что то сама сестра Марока .
 Проводить римлянъ мертвыхъ въ адъ.
 Всѣ въ Тибръ съ возовъ, въ мигновенье ока,
 Ихъ побросали—и назадъ,
 Скорѣй съ возами. Ты осталась
 Одна, и взоромъ полнымъ мукъ,
 Отъ глади водъ не отрывалась,
 Слѣдя, какъ тахъ за кругомъ кругъ

Всплывать, все росъ, все расплывался
 Надъ сыномъ праведнымъ твоимъ;
 Все росъ, все росъ—и вдругъ сливался
 Въ ничто, чтобъ мѣсто дать другимъ.
 Тогда лишь только ты очнулась,
 И горько, горько усмѣхнулась,
 Когда отъ нихъ ужъ на водѣ
 И слѣду не было нигдѣ.
 И, усмѣхнувшись такъ, упала
 И въ первый разъ вдругъ зарыдала.
 И помолилась въ первый разъ
 За насъ Распятому. И спасъ
 Тебя Распятый, сынъ Марин,
 И ты слова Его святые
 Въ живую душу приняла.
 И отъ лачуги до чертога
 Живого, истиннаго Бога
 Въ міръ слово правды понесла. ✓

Н. Пушкиревъ.

— 1858 г. —

Доля.

Ты не лукавила со мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Сироткѣ стала. Ты взяла
Меня, сердечнаго, за руку
И въ школу хлонца отвела
Къ дьячку запойному въ науку.
„Учись, мой милый,—вѣдь авось
Людьми мы будемъ!“—ты сказала,
И я послушался,—пришлось
Всему учиться. Ты жъ солгала:
Что мы за люди?.. О, мой свѣтъ!
Мы не лукавили съ тобою.
Мы просто шли: у насъ вѣдь нѣтъ
Зерна неправды за собою...

Идемъ же, доля ты моя,—
Мой бѣдный другъ, но нелукавый,—
Идемъ все дальше, дальше слава,
А слава заповѣдь моя!...

А. Монастырскій.

Муза.

И ты, прекрасная, святая,
Подруга Феба молодая,
Меня въ объятія взяла
И, съ колыбелью разлучая,
Далеко въ поле отнесла.
Тамъ на могилу положила,
Туманомъ сизымъ обвила—
И на раздольѣ ворожила,
И пѣть, и плакать зачала...

То были чары чаровницы!
Вездѣ и всюду съ этихъ поръ,
Какъ свѣтлый день, какъ лучъ денницы,
Горитъ на мнѣ твой дружный взоръ!
Въ степи безлюдной, вдалекѣ,
Блестала ты въ моей неволѣ,
Въ моемъ страдальческомъ вѣнкѣ,
Какъ пышный цвѣтъ сияетъ въ полѣ!
Въ казармѣ душевной надо мной
Ты легкимъ призракомъ носилась—
И мысль тревожно за тобой
На волю и просторъ просилась!
Золотокрылой, дорогой
Ты птишкой надо мной парила
И душу мнѣ живой водой
Ты благотворно окропила!
Пока живу я—надо мною
Своей небесною красою
Свѣти же, зоренька моя!
Моя заступница святая,
Моя отрада неземная,
Не покидай меня! Въ ночи

И яснымъ днемъ, и вечерами
Ты людямъ истину учи
Вѣщать нелживыми устами.
За край любимый, край родной
Мнѣ помощи сложить молитву,
И въ самый часъ послѣдній мой,
Какъ я закончу жизни битву,
Не покидай меня—пока
Послѣдній свѣтъ въ очахъ не сгинетъ;
Поплачь о мнѣ хотя слегка—
И горсть земли твоя рука
Пускай тогда на гробъ мой кинетъ!..

Н. Курочкинъ.

* * *

Въ тѣ дни, когда мы были казаками,
Объ уни и рѣчи не велось,
О, какъ тогда намъ весело жилось!
Гордилась мы привольными степями,
И братомъ намъ считался вольный ляхъ;
Расли, цвѣли въ украинскихъ садахъ,
Какъ лиліи, казачки наши въ холѣ.
Гордилась сыномъ мать: среди степей
Онъ вольнымъ росъ, онъ былъ утѣхой ей.
Подъ старость лѣтъ въ немощной, скорбной долѣ.
Но именемъ Христа въ родимый край
Пришли ксендзы и миръ нашъ возмutilи,
Терзали насъ, пытали, жгли, казнили—
И моремъ слезъ и крови сталъ нашъ рай!
И казаки поникнули уныло,
Какъ на лугу помятая трава;
Рыданье всю Украину огласило;
За головой катилась голова;

И посреди народнаго мученья
„Те-Деумъ!“ ксенда въ ревѣхъ въ ожесточеньѣ...
Вотъ такъ-то, ляхъ, вотъ такъ-то, другъ и братъ!
Голодный ксендзъ да оуныи вашъ магнать
Расторгли насъ, поссорили съ тобою.
Но если бы не казни ихъ, повѣрь,
Что были бъ мы друзьями и теперь.
Забудемъ все! Съ открытою душою
Дай руку намъ, и именемъ святымъ
Христа, нашъ рай опять возобновимъ!

А. Н. Плещеевъ.

Жница. ✓

Она на барскомъ полѣ жала
И тихо побрела къ снопамъ,—
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка тамъ.

Въ тѣни лежалъ и плакалъ онъ;
Она его распеленала,
Кормила, няньчила, ласкала
И незамѣтно впала въ сонъ,

И снится ей, житьемъ довольный,
Ея Иванъ: пригожъ, богатъ;
На вольной, кажется, женатъ,
И потому, что самъ ужъ вольный.

Они съ лицомъ веселымъ жнутъ—
На полѣ собственномъ пшеницу.

А дѣтки имъ обѣдь несутъ...
И тихо улыбнулась жница.

Но тутъ проснулась... Тяжко ей!
И, спеленавъ малютку быстро,
Взялась за серпъ—дожать скорѣй
Урочный снопъ свой до бурмистра.

А. Н. Плещеевъ.

— 1859 г. —

Марку Вовчеку.

Недавно я по-за Ураломъ
Блуждать и Господа просить,
Чтобъ наша слава не пропала,
Чтобъ наша рѣчь не умирала,—
И выпросить! Господь послалъ
Тебя намъ—кроткаго пророка
И обличителя жестокихъ
Людей... О, жизнь моя,
Моя ты зоренька святая,
Моя ты сила молодая,—
Свѣти и обогрѣй меня
Святымъ огнемъ! Въ моей груди
Больное сердце разбуди;—
Я снова встану, оживу
И думу вольную на волю
Изъ гроба къ жизни воззову;
И думу вольную—о, доля,—
Твоею думу назову!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

О, Боже, Боже мой! Какъ мало
Святыхъ людей на свѣтѣ стало!..
Одни другимъ вездѣ куютъ
Оковы въ сердцѣ... А словами,
Медоточивыми устами
Лепечутъ „братъ“ и часа ждутъ,
Когда-то брата на кладбище
Родные съ пира повезутъ...
Но Ты, о, Боже справедливый,
Скуеши лукавыя уста,
Скуеши языкъ велерѣчивый,
Поющій: „Мы—не суета,
Мы рукъ безъ дѣла не оставимъ,
Мы возвеличимъ, мы прославимъ
И разумъ нашъ, и нашъ языкъ...
Да гдѣ жъ тотъ вождь, что намъ прикажетъ
Такъ говорить?..“ О, близокъ мигъ!
„Воскресну я!—тотъ вождь вамъ скажетъ.—
Воскресну снова ради ихъ,
Людей закованныхъ моихъ,
Убогихъ нищихъ. Не оставлю
Во тьмѣ томиться ихъ; прославлю
Рабовъ бездольныхъ и пѣмныхъ
И на сторожѣ подлѣ нихъ
Поставлю слово“...

Время близко.

Опѣ къ намъ придетъ... И низко-низко
Тогда поникнуть, какъ трава,
Всѣ ваши думы, всѣ слова.
Какъ свитокъ стали закатанный
Семь разъ искусно пережатый
Огнемъ въ горнило, словеса
Твои, о, Господи, такіа!
Раскинь же нѣтъ, свои святыя,

По всей землѣ—и въ чудеса
Твои повѣруеть въ то время
Все меньшихъ братьевъ нашихъ племя!

Н. Пушкиревъ.

* * *

На горѣ-то макъ цвѣтетъ, ✓
Подъ горой казакъ идетъ,—
У тоски своей пытается—
Гдѣ-то доля обитаетъ?

Въ кабакахъ ли съ богачами,
Въ степи вольной съ чумаками?
Или доля въ чистомъ полѣ
Съ вѣтромъ вьется на раздольѣ?

Нѣтъ, не тамъ!—Она въ свѣтлицѣ
У красавицы дѣвицы
Въ полотенцахъ да платкахъ
Схоронилась въ сундукахъ!

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Есть у меня карі очи,—
Кого жъ взглядомъ приласкать?
Кого жъ, матушка родная, приласкать?

Есть у меня бѣлы руки,—
Кого жъ ими обнимать?
Кого жъ, матушка родная, обнимать?

Есть у меня рѣзвы ножки,—
 Съ кѣмъ же буду танцовать?
 Съ кѣмъ же, матушка родная, танцовать...

Ив. Бѣлоусовъ.

Сестрѣ.

Минуя бѣдныя селенья
 Въ Позаднѣпровской сторонѣ,—
 Я думалъ: гдѣ жъ мнѣ пріютиться,
 И гдѣ найти мѣстечко мнѣ?
 И снился сонъ мнѣ чудный, дивный:
 Въ саду цвѣтами убрана,
 Какъ будто красная дѣвица,
 Стоитъ избушечка одна.
 Широко вольный Днѣпръ разлился,
 Сіяетъ, старый, и горитъ;
 По-надъ Днѣпромъ, въ темномъ садочкѣ,
 Подъ вишней бѣлой, въ холодочкѣ
 Сестра голубушка сидитъ,
 Какъ будто бы въ раю святая...
 Многострадальная сестра
 Меня бѣднягу поджидаетъ
 Изъ-за широкаго Днѣпра,—
 И видитъ: челнъ плыветъ достатный,
 Съ волною борется сѣдой—
 То надъ волною всплываетъ,
 То вновь скрываясь подъ волной.
 „Мой милый братъ!“—Кричитъ родная...
 И я проснулся. Онова ты
 На барщинѣ, а я въ неволѣ!
 Не сбылись свѣтлыя мечты:—

Дорогу намъ загородили
 Иглистый тернъ и буреломъ!..
 Молись, сестра!—Господь поможетъ,
 Мы трудный путь легко пройдемъ!..

Ив. Бѣлоусовъ.

— 1860 г. —

* * *

Гой ты, темная дубрава!
 Твой нарядъ прелестный
 Трижды въ годъ перемѣняетъ
 Твой Отецъ Небесный.
 Уберетъ тебя сначала
 Всю въ покровъ зеленый
 И любитъся тобою
 Долго, какъ влюбленный...
 Налюбуется Онъ дочкой—
 Рощей молодою
 И возьметъ ее—одѣнетъ
 Ризой золотою,
 А потомъ ее укроетъ
 Всю парчею бѣлою
 И задремлетъ, утомившись
 Отъ такого дѣла...

Пр. Б.

* * *

Расли они и подрасли,
 Играть по-дѣтски перестали
 И не надолго разошлись,
 Потомъ женой и мужемъ стали,
 И дни ихъ весело пошли;
 Душой и сердцемъ чисты были
 Они до самаго конца,
 А межъ людей они вѣдь жили!..

О, дай же, Господи Всещедрый,
 И намъ расти такъ и цвѣсти,
 Подругу жизни такъ найти
 И, не сходя съ прямой дороги,
 На тотъ свѣтъ тихо перейти!...

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Нѣтъ, я на Бога не ропщу.
 И людямъ зла я не желаю;
 Себя обманываю я,—
 Сияжу и пѣсни распѣваю.
 Свою я полосу пащу
 И, словомъ добрымъ засѣвая,
 Живу несбыточной мечтой
 И дожидаясь урожая,
 Не обижая никого—
 Себя лишь только одного!..

Разстилайся жъ, моя нива,
 Доломъ, да горою;
 Поливайся, моя нива,
 Водой золотою.
 Разстилайся, моя нива,

Полемя разстилайся;
Засѣвайся добрымъ житомъ,—
Долей поливайся!
Разстилайся шире, шире
Ты просторомъ смѣлымъ;
Но не словомъ засѣвайся—
Разумомъ да дѣломъ!
Выйдутъ въ пору люди жать—
То-то будетъ живо!
Разстелись же, развернись же,
Убогая нива!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

Промчались годы молодые,
Мечты не сбылись дорогія
И отъ надежды золотой
Уже повѣяло зимой.
Сиди одинъ въ избѣ холодной
И слова некому сказать
И никого кругомъ не видно
Кому бы думы передать!
Сиди и жди—пока надежда
Тебя же, дурня, осмѣетъ
И думы гордыя развѣетъ,
Морозомъ очи окуетъ!
Сиди одинъ съ своей тоскою,
Не жди ужъ встрѣтиться съ весною:
Нѣтъ, не придетъ весна, чтобъ снова
Вернуть дни счастья былого,—
Салочекъ твой пожелѣетъ,
Твои надежды обновишь
И лать тебѣ иную долю!
И дума вольная на волю

Уже не вырвется. Сиди
И больше ничего не жди!..

Ив. Бѣлоусовъ.

* * *

И тутъ и тамъ—кругомъ погано!
Душа моя проснулась рано,
Напряла мало—и легла,
А воля душу стерегла.
— „Проснись и волю дай слезамъ,—
Не выйдетъ больше солнце къ намъ;
Не будетъ правды на землѣ—
И все потонетъ въ темной мглѣ“.
Такъ говорила воля мнѣ,
И было страшно въ тишинѣ...
Но часъ придетъ—и солнце встанетъ,
День за собою приведетъ—
И все гнетущее погибнетъ,
И снова правда оживетъ.

И. Бѣлоусовъ.

* * *

И день идетъ, и ночь идетъ...
И голову склонивъ на руки,
Съ вопросомъ ждешь—что жъ не идетъ
Апостоль правды и науки?

Н. Т.

* * *

Не грущу я, а не спится
Часто до полночи,—

Все глядятъ мнѣ прямо въ душу
 Твои черны очи,
 Словно тихо говорятъ мнѣ:
 „Хочешь, бѣдный, рай?
 Рай найдешь въ моемъ ты сердцѣ...“
 Я же вѣрно знаю,
 Что въ груди не сердце бьется —
 А кусокъ лишь мяса!..
 Для чего жъ тебѣ такая
 Красота далася?..
 Не грущу я, а до свѣта
 Часто мнѣ не спится,—
 Все одна и та же дума
 Не даетъ забыться:
 Какъ бы вѣкъ прожить мнѣ тихо,
 Такъ, чтобъ среди ночи
 Мой покой не нарушали
 Твои черны очи!..

Ив. Бѣлоусовъ.

МОЛИТВЫ.

I.

Мнѣ зло желающимъ, о, Боже,
 Цѣпей—оковъ не посылай,
 По тюрьмамъ ихъ не разсылай;
 Но всѣмъ добро творящимъ Ты
 Свою святую силу дай,
 Своей ихъ правдѣ поучай.
 А кроткихъ сердцемъ—возлюбивъ ихъ
 Поставь Ты ангеловъ своихъ
 И чистоту ихъ сохранидай.
 И всѣмъ намъ здѣсь—гостямъ земли
 Ты братолюбіе пошли,
 Единomyслие подай!..

II.

Работающимъ рукамъ,
 Работающимъ умамъ
 Перелогі орать,
 Думать, сѣять, не ждать,
 Что посеяно—жать
 Работающимъ рукамъ.

Кроткимъ сердцемъ—не злымъ
 Трудолюбцамъ святымъ,
 Творче неба, земли,
 Долгоденствіе дай
 На семь свѣтъ—и рай,
 Рай небесный пошли!..

И. Бѣлоусовъ.

— 1861 г. —

* * *

— А что, не бросить ли намъ, Муза,
Стихи ненужные писать;—
Пора въ далекую дорогу
Съ добромъ воза намъ отправлять!
Поѣдемъ, другъ мой, прямо къ Богу—
Спокойно спать и отдыхать.
Устали мы, поизмотались,
Но разуму таки набрались,—
Довольно съ насъ! Идемъ же спать,
Идемъ же въ хату почивать!
Найдемъ мы вѣчный тамъ покой—
Въ веселой новой хатѣ той!..

— Подожди, не ходи.—
Рано, другъ мой, рано.
Походи, посиди,
Да на свѣтъ погляди,—
Какъ онъ водень, широкъ,
Какъ онъ ясенъ, глубокъ!..
— Что же, Муза, пойдемъ,
Мы на гору взойдемъ;

Будутъ звѣзды на насъ—
Твои сестры—сіять,
И молитву Творцу
Будемъ вмѣстѣ слагать.
Помолясь, отойду
Къ вѣчному покою,—
Ты меня осѣни
Славою святою!..

А пока и то и сѣ,—
Просто къ доктору пойдѣмъ
Полѣчиться;—дань ему,
Другъ мой милый, отнесемъ.
Можетъ онъ обманетъ Парку
И Харона-старика,
И съ лѣкарствами своими
Старый возится пока,—
Будетъ время позаняться
И стихами снова намъ,—
Написали бъ кучу прозы
На съѣденіе мышамъ!..

Но пока огонь священный
Въ сердцѣ, другъ мой, не погасъ,
Мы попросимъ-ка Харона
Перевестъ чрезъ Лету насъ.

Черезъ Лету бездонную
Мы съ тобой переплывемъ;
Нашу славу вѣковѣчную
Мы съ собой перенесемъ.
Или, впрочемъ, обойдемся,—
Безъ нея мы проживемъ!..

И надъ Стиксомъ, какъ въ раю,
Какъ будто надъ Диѳромъ-рѣкою,
Поставлю хаточку свою,—

И заживемъ, мой другъ, съ тобою!
 Вишневый садикъ возлѣ хатки
 Я самъ съ любовью насажу,—
 И прилетишь ко мнѣ туда ты,—
 Тебя, какъ кралоу, посажу!
 И, сидя, вспомнимъ мы съ тобою
 Родимый Днѣпръ въ краю родномъ,
 Родныя сѣла и могилы,—
 И пѣсню весело споемъ!..

Ив. Бѣлоусовъ.

Содержаніе.

СТРАН.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.—Биографія. I—XXVII.

До 1844 г.

Думы. Перевелъ <i>Ив. Бѣлоусовъ</i>	1
Иванъ Подкова.— <i>М. Михайловъ</i>	5
Перебендя.— <i>Ив. Бѣлоусовъ</i>	7
Тарасова ночь.— <i>Н. В. Гербель</i>	10
Тополь.— <i>А. Шкафъ</i>	14
Гамалѣя.— <i>Н. Бергъ</i>	21
Порченая.— <i>В. Крестовскій</i>	26
Катерина.— <i>Н. В. Гербель</i>	34
Гайдамаки.— <i>Н. Головановъ и И. Б—въ</i>	56
Интродукція.	64
Галайда.	65
Конфедераты.	69
Ктиторе.	73
Праздникъ въ Чигиринѣ.	80
Третья пѣтухи.	91
Кровавый пиръ.	96
Разгромъ.	103
Пиръ въ Лисянкѣ.	107
Лебедина.	117

Стихи эти (должно быть „Къ муміѣ“), надо предполагать,—последніе стихи Т. Г. Шевченка. На подлинникъ подъ первую часть стихотв., послѣ словъ „Славою святою“, стоитъ „14 февраля“, а подъ второю половиною дня не обозначено.

Гонта въ Умани.	122
Эпилогъ.	131

1844 г.

Работница.—А. Н. Плещеевъ.	136
------------------------------------	-----

1845 г.

Къ Основьяненкѣ.—М. Михайловъ.	154
Завѣщаніе.—Ив. Бѣлоусовъ.	157
Мертвымъ, и живымъ, и ненарожденнымъ землякамъ моимъ, въ Украинѣ, и не въ Украинѣ находящимся, мое друже- ское посланіе.—Ив. Бѣлоусовъ.	158 ✓

1846 г.

Пустая хата.—Ив. Бѣлоусовъ.	163
-------------------------------------	-----

1847 г.

Утопленница.—В. Крестовскій.	167
Н.Маркевичу.—Ив. Бѣлоусовъ.	173
Льется рѣчка въ синее море...—Н. В. Гербеле.	174
Вѣтеръ буйный, вѣтеръ буйный...—П. Ковалевскій.	175
Думки.—А. Шкайфъ.	176
Тяжко, тяжело жить на свѣтѣ...—Ив. Бѣлоусовъ.	178
Отчего мнѣ тяжело, отчего мнѣ больно...—С. Дрожжинъ.	179
Идутъ, проходятъ дни за днями...—Ив. Бѣлоусовъ.	179

За думою дума роетъ вылетаетъ...—С. Дрожжинъ.	180
Не женися на богатой...—С. Лютовъ.	181
Къ сестрѣ.—Ив. Бѣлоусовъ.	182
Русалка.—Ив. Бѣлоусовъ.	182
Буйный вѣтеръ клонить лозу...—Ив. Бѣлоусовъ.	184
Калина.—Ив. Бѣлоусовъ.	185
Три дороги.—Ив. Бѣлоусовъ.	187
Покинутая хата.—Пр. Б.	188
Платокъ.—Ив. Бѣлоусовъ.	190
Вечеръ.—Л. Мей.	192
За байракомъ—байракъ...—Ив. Бѣлоусовъ.	192
Охъ, одна я, одна...—Ив. Бѣлоусовъ.	194
„Останься!“ Мать тебѣ сказала...—Н. Пушкаревъ.	194
Косарь.—Пр. Б.	196
Охъ, вы думы мои, думы...—Пр. Б.	197
Моямъ союзникамъ.—Ив. Бѣлоусовъ.	197
Въ неволѣ тяжело, но и воли...—Ив. Бѣлоусовъ.	198
Не спалось; а ночь, какъ море...—Ив. Бѣлоусовъ.	199
Живемъ мы въ мірѣ и не знаемъ...—Ив. Бѣлоусовъ.	201
И самому чудно! Что же дѣлать?...—Ив. Бѣлоусовъ.	202
Солнце за горы садится; темнѣетъ...—Ив. Бѣлоусовъ.	202
Такъ вотъ и я теперь пишу...—Ив. Бѣлоусовъ.	203
Сойдемся ли съ тобой мы снова?...—Ив. Бѣлоусовъ.	204
Княжна.—Н. Пушкаревъ.	204
Мнѣ все равно; что нѣтъ, что будетъ...—Н. Пушкаревъ.	218
Мнѣ снилось: снова я ребенокъ...—Ив. Бѣлоусовъ.	218
Н. И. Костомарову.—Ив. Бѣлоусовъ.	220

1848 г.

Огни горятъ, оркестръ играетъ... * *	222
Не для васъ я, люди—братья...—Ив. Бѣлоусовъ.	223
Варнаки.—Н. Пушкаревъ.	224
Монахъ.—Пр. Б.	230

	СТРАН.
На бѣса ли я время трачу...— <i>Е. Гославскій.</i>	233
Ой, взгляну ли, посмотрю ли...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	234
Порой и старику сѣдому...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	234
Невзгоды ль жизни, иль неволя...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	235
Жизнь въ радость тѣмъ...— <i>П. Тулубъ.</i>	236
Эхъ, не начать ли мнѣ посланье...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	237
И золотой, и дорогой...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	239
Мнѣ снился сонъ: гдѣ подъ горою...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	239
Мы выѣстъ съ ней дѣтми расли...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	240
И станомъ гибкимъ, и красою...— <i>Н. Пушкиревъ.</i>	242
Подъ старость-то и мы похожи...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	244
Готово все! Натянуть парусъ...— <i>Θ. Тищенко.</i>	245
Въ раю у Бога за дверями...— <i>Н. Пушкиревъ.</i>	246
На Рождество...— <i>Θ. Гавриловъ.</i>	248

1849 г.

Какъ будто стешью чумаки...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	251
По небу тучка за солнцемъ плыветъ...— <i>С. Д.</i>	251
Туманно небо, хмуры тучи...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	252
И снова почта изъ Украйны...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	253
Украинѣ...— <i>А. С. Мусинъ-Пушкинъ.</i>	254
И долину, и курганы...— <i>А. Н. Плещеевъ.</i>	256
Когда бы встрѣтились мы снова...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	256
Полно, полно мнѣ шататься...— <i>П. Родионовъ.</i>	257
Казацкая доля...— <i>Вл. Гиляровскій.</i>	258
Я нерѣдко слышу рѣчи...— <i>Пр. Б.</i>	259
Зацвѣла въ долини...— <i>П. Тулубъ.</i>	263
Не такъ наши недруги...— <i>П. Тулубъ.</i>	263
Сотникъ...— <i>Н. Пушкиревъ.</i>	265
Всѣ дороги въ Украйну...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	282
Разскажи мнѣ...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	283
Чума...— <i>Л. Н. Трефоловъ.</i>	284
Вдова...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	286

	СТРАН.
Воесть вѣтеръ, злится выюга...— <i>Ив. З. Суриковъ.</i>	287
Сиротка...— <i>Ив. З. Суриковъ.</i>	288
Умеръ старый батюшка...— <i>И. Родионовъ.</i>	289
Во зеленой, темной рощѣ...— <i>Ив. Буккинъ.</i>	290
Ахъ не вѣтеръ въ полѣ тополь...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	290
Нѣтъ мнѣ радости...— <i>Ив. З. Суриковъ.</i>	291
Хороша, богата...— <i>А. Н. Плещеевъ.</i>	292
Родился я въ палатахъ...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	292
Ужъ какъ выйду ль я изъ хаты...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	293
Въ огородѣ, возлѣ ороду...— <i>Ив. З. Суриковъ.</i>	294
Жди, вернусь я изъ похода...— <i>Ив. З. Суриковъ.</i>	294
Полюбила я...— <i>А. Н. Плещеевъ.</i>	295
Я гуляю ли, молюсь ли...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	296
Дятла, ясное, баюшка-баю...— <i>А. Коринфскій.</i>	297
Ой, не пьются медъ и пиво...— <i>А. Коринфскій.</i>	297
Въ воскресеніе раненько...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	298
Охъ, пошла я къ рѣчкѣ за водою...— <i>С. Дрожжинъ.</i>	299
Подлѣ роши на могилѣ...— <i>Пр. Б.</i>	300
Проторила я дорожку...— <i>А. Н. Плещеевъ.</i>	301
Какъ будто праведныхъ дѣтей...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	302
Изъ-за лѣсу солнце всходитъ...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	303
Я отправлюсь съ вѣрнымъ другомъ...— <i>Θ. Гавриловъ.</i>	304

1850 г.

Ни лишнихъ слезъ, ни лишнихъ словъ...—* *	305
Избушка...— <i>Пр. Б.</i>	306
Петруша...— <i>Н. Пушкиревъ.</i>	307

1857 г.

Сию въ неволѣ одинокій...— <i>Ив. Бѣлоусовъ.</i>	316
✓ Неопиты...— <i>Н. Пушкиревъ.</i>	317

1858 г.

	СТРАН.
Доля.—А. Монастырский.	338
Муза.—Н. Курочкинъ.	339
Въ тѣ дни, когда мы были казаками.—А. Н. Плещеевъ.	340
Жница.—А. Н. Плещеевъ.	341

1859 г.

Марку Вовчеку.—Ив. Бѣлоусовъ.	343
О, Боже, Боже мой! Какъ мало...—Н. Пушкиревъ.	344
На горѣ-то макъ цвѣтетъ...—Ив. Бѣлоусовъ.	345
Есть у меня карі очи...—Ив. Бѣлоусовъ.	345
Сестрѣ.—Ив. Бѣлоусовъ.	346

1860 г.

Гой ты, темная дубрава!..—Пр. Б.	348
Расли они и подрасли...—Ив. Бѣлоусовъ.	349
Нѣтъ, я на Бога не рошщу...—Ив. Бѣлоусовъ.	349
Промчались годы молодые...—Ив. Бѣлоусовъ.	350
И тутъ и тамъ—кругомъ погано!..—Ив. Бѣлоусовъ.	351
И день идетъ, и ночь идетъ...—Н. Т.	351
Не грущу я, а не спится...—Ив. Бѣлоусовъ.	351
Молитвы.—Ив. Бѣлоусовъ.	352

1861 г.

А что, не бросить ли намъ, Муза...—Ив. Бѣлоусовъ.	354
---	-----

113059

356

Н. 76010